А.А. Литвин Е.С. Маслова А.А. Сальникова

Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899-1937)

Казань
Казанский государственный университет
2009

УДК 930 (091)

ББК

Л

Научный редактор: доктор исторических наук, профессор Е.А.Вишленкова

Рецензенты: доктор исторических наук, зав.отделом истории и общественной мысли Института татарской энциклопедии АН РТ Р.В.Шайдуллин; кандидат исторических наук, доцент Д.М.Галиуллина

Литвин А.А., Маслова Е.С., Сальникова А.А.

Л Жизнь и судьба «красного» профессора: Михаил Ксаверьевич Корбут (1899-1937). – Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2009. – 125 с.: ил.

ISBN

Исследование посвящено интересной и малоизученной теме жизни и деятельности М.К.Корбута – студента и преподавателя Казанского университета, одного из создателей рабфака, автора «Истории Казанского университета», одного из основателей советской исторической науки.

При написании работы использовано большое количество архивных документов, многие из них впервые введены в научный оборот. Первостепенной задача авторов являлось изучение процесса изменения взглядов на события, отход от ранее высказанных точек зрения, а главное – попытка выяснить причины и последствия происходящего.

Предназначается студентам, аспирантам, преподавателям и всем интересующимся историей нашей страны.

УДК

ББК

ISBN

© Литвин А.А., Маслова Е.С., Сальникова А.А.

Оглавление

О «красном» профессоре Казанского университета Михаиле Корбуте и не только о нем: (Вместо введения)…….. 4

М.К.КОРБУТ: ЧЕЛОВЕК, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ…… 9

Такая короткая долгая жизнь…

Гимназист..... 10

Студент..... 14

Преподаватель..... 19

Профессор..... 25

Ссыльнопоселенец и «враг народа»..... 29

Научное наследие М.К.Корбута

Корбут − исследователь и публицист……... 38

Корбут − рецензент..... 55

МИХАИЛ КОРБУТ И КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ……... 73

М.К.Корбут на рабфаке…… 73

«Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05-1929/30» − основной научный труд М.К.Корбута…. 92

Несколько слов в заключение…… 110

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА……... 111

О «красном» профессоре Казанского университета Михаиле Корбуте и не только о нем: (Вместо введения)

Для внимательного взора судьба −
это только развитие характера.
Астольф де Кюстин.

24 января 1924 г., «в связи с кончиной вождя мирового пролетариата товарища Ленина», в Казанском университете было срочно собрано заседание университетского правления. Среди прочих, на этом заседании был поставлен вопрос и том, кто же будет представлять университет в Москве на похоронах Владимира Ильича. Миссия эта была высока и почетна. Правление единогласно решило, что этим человеком может стать только заведующий рабфаком Михаил Ксаверьевич Корбут − самый преданный, самый идейно убежденный, самый достойный представитель университетского сообщества.

Почему выбор пал именно на Корбута? Чем сумел этот молодой (в ту пору 24-летний) человек завоевать уважение и доверие своих коллег и учеников? Кем и каким он был, сын польского органиста и пианиста из Ковно, волею судеб оказавшегося в Казани и ставшего профессором казанской Восточной консерватории?

Михаил Корбут прожил короткую жизнь – всего 37 лет, не дожив до 38-го дня своего рождения чуть более двух недель: 1 августа 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в закрытом судебном заседании приговорила М.К.Корбута как одного из руководителей «контрреволюционной троцкистской, террористической организации» к расстрелу. В тот же день приговор был приведен в исполнение. И эта прерванная жизнь, как в зеркале, отразила в себе все сложности и противоречия «жизни на изломе», жизни, свойственной той эпохе, когда старое безжалостно выкорчевывалось, естественный ход событий был прерван, а новые советские эксперименты приводили подчас к совершенно непредсказуемым результатам.

Жизнь и судьба Корбута, как и любого человека, была, безусловно, его собственной, особой, уникальной. В то же время она оказалась весьма типичной для многих представителей той генерации советских ученых, чья юность и зрелость пришлась на мятежные революционные и постреволюционные годы. Биография Корбута – и событийная, и творческая − достаточно гармонично вписывается в коллективную биографию (просопографию) «новых», «красных» советских профессоров, живших в первые послеоктябрьские десятилетия. Она полна взлетов и падений, страстных увлечений и горьких разочарований, упорного труда и неожиданных озарений, легко прочитываемых поведенческих стратегий и неких тайных смыслов, которые могут быть поняты лишь в общем контексте той сложной и страшной эпохи. Всех этих людей по большому счету объединяло одно: кто искренне, а кто − умело приспосабливаясь, они хотели как можно быстрее стать «своими» для новой власти, быть призванными, признанными, а если можно – и обласканными ею. И Михаил Корбут не составлял здесь исключения. На пути обретения «советскости» (подлинной или имиджевой – это другой вопрос) ему приходилось особенно тяжело. Мешало «непролетарское» происхождение, мешали впитанные с молоком матери «интеллигентские» манеры, правила и привычки, так сильно отличавшие и выделявшие его среди тяготеющей к гомогенности «рабоче-крестьянской» массы. Мешал даже сам внешний облик близорукого, слегка прихрамывающего, невысокого сероглазого блондина, мало похожего на мускулистого, крепкого строителя и творца коммунистического завтра.

И Корбут старался, старался, как мог, стать «своим». В решении этой непростой задачи ему нельзя было отказать и в приверженности революционному романтизму, и одновременно в четком и трезвом расчете. Окончив в 1918 г. 1-ую Казанскую мужскую гимназию, Корбут поступил на историко-филологический факультет Казанского университета. Однако вскоре выяснилось, что истфилфак – этот совсем не то место, куда стремился способный и не лишенный честолюбия гимназист. Этот факультет с его, по словам самого Корбута, «неактивным в политическом отношении» преподавательским составом и

«разнокалиберным» контингентом сокурсников[1], с преподаваемыми здесь «старыми» «классическими» дисциплинами олицетворял собой отживающее, уходящее, прошлое. Корбут же неудержимо и неотступно стремился ко всему новому, «революционному». В октябре 1919 г. он перевелся на юридико-политическое отделение нового факультета − факультета общественных наук (ФОНа), ориентированного на изучение и пропаганду марксисткой методологии, которое и закончил в 1922 г. В том же году Корбут был зачислен профессорским стипендиатом на кафедру марксизма и политэкономии Восточно-педагогического института.

Еще учась на ФОНе, студент Корбут стал заметной личностью. В 1919 г. он вступил в ряды ВКП(б) и с головой погрузился в общественную работу, которой с той же увлеченностью, как в юности, продолжал заниматься всю жизнь, совмещая ее с необычайно интенсивной административной − организаторской, управленческой − и преподавательской деятельностью. Казалось, он просто торопился жить, стремясь быть причастным ко всему, успеть везде, достичь как можно большего и сделать это как можно быстрее − как будто чувствовал, что ему отпущено на этой земле так мало времени. Не удивительно, что М.К.Корбут оставил и довольно обширное творческое наследие. Оно насчитывает более сотни работ – научных статей, библиографических обзоров, рецензий. Интерес исследователя традиционно и достаточно стабильно был сосредоточен на изучении истории революционного движения в России в начале XX в., причем как теоретических, так и практических его аспектов. Венчает научное творчество Корбута двухтомник «Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05-1929/30», написанный и опубликованный им к университетскому юбилею. При всей тенденциозности и политизированности, это было фундаментальное исследование, впервые отразившее историю университета за все время его существования и во многом сформули-

[1] Корбут М.К. Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05-1929/30: В 2-х тт. - Т.II. - Казань, 1930. - С.303-304.

ровавшее новые, советские представления о сущности и назначении советского вуза.

Судя по опубликованным работам, можно заключить, что в своем научном творчестве Михаил Корбут был идеологически выдержан и лишен сомнений. Он был, несомненно, талантлив и одновременно столь же компромиссен. Он легко находил новые темы для исследований, но все эти темы, без исключения, были остро конъюнктурны. Он привлекал большое количество новых документов, но произвольно отбрасывал те из источников, которые не соответствовали его концепции. Он обильно цитировал в своих сочинениях классиков марксизма (впрочем, в последних работах – почти исключительно Сталина) и вместе с тем давал несправедливые, резко субъективные оценки современникам и предшественникам и навешивал яркие политические ярлыки. Сейчас трудно, а, скорее всего, и вообще невозможно узнать, насколько искренен был историк в своих работах – его архив, подготовительные материалы к публикациям, наброски, рукописи, письма и другие документы личного происхождения не сохранились. Вероятно, эти документы были изъяты во время ареста историка в 1933 г. и впоследствии утрачены. Немногочисленные и достаточно отрывочные свидетельства родственников дают основание предполагать, что Корбут не был столь однозначен и одиозен, как это могло бы показаться. По воспоминаниям его двоюродной сестры Н.А.Магницкой, Михаил, давая ей книгу И.В.Сталина «Вопросы ленинизма», неожиданно добавил: «Ты читай, да не всему там верь – чепухи много»[1]. Однако, как бы то ни было в действительности, жизненные обстоятельства не позволяли Корбуту проявлять, по крайней мере, публично, колебаний и сомнений. Он, по сути, отрекся от своей среды и своего прошлого, безоглядно устремившись в пучину «классовой борьбы», став ее исследователем и пропагандистом.

Успешная карьера, научное признание, уважение коллег и студентов сулили молодому историку блестящие перспективы. Корбут получил звание профессора в возрасте 27-ми лет. Он пережил поистине головокружительный даже

---

[1] Ключевская Е. Забытая графическая сюита // Татарстан. - 1996. - №9. - С.86.

для тех времен взлет: из учеников сразу стал мастером, миновав необходимые для роста историка, да и просто человека, этапы.

Все рухнуло в одночасье. В декабре 1927 г. Корбут был исключен из рядов ВКП(б) «за участие в троцкистской организации». Затем восстановлен, но в 1933 г. вновь исключен и отправлен в ссылку в Казахстан. В декабре 1936 г. Корбута этапировали в Казань, а в августе 1937 г. расстреляли.

Безусловно, Корбут был и продуктом, и жертвой своего времени. Живя в переломную эпоху, когда рушилось все и вся, когда до основания был сотрясен и подорван весь устоявшийся порядок жизни, он не мог быть изолирован от этих процессов, не мог не испытать на себе их влияния. Но жизнь человека определяется не только решениями властей. Люди сами выбирают свою судьбу, несмотря на разную степень соотношения свободы и сдерживающего начала, существующую в различных обществах. Судьба Михаила Корбута воплотила собой достаточно типичный и в конечном итоге неуспешный пример существования и выживания ученого в условиях тоталитарного государства. С другой стороны, она явилась ярким свидетельством многообразия индивидуальных человеческих стратегий, опытов и практик, направленных на адаптацию и выживание в новых политических условиях, сложившихся в стране после октября 1917 г.

Как бы то ни было, о профессоре Михаиле Корбуте нужно писать. И вовсе не для того, чтобы реабилитировать и возвеличить этого человека, хотя его вклад в историю Казанского университета и в письменное увековечивание этой истории трудно переоценить. И уж тем паче совсем не для того, чтобы в чем-то обвинить Корбута и опровергнуть его действия и поступки. Задача совсем в другом – чтобы помнили…

М.К.КОРБУТ: ЧЕЛОВЕК, ПЕДАГОГ, ОРГАНИЗАТОР, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ

Воссоздание истории жизни М.К.Корбута представляло определенную исследовательскую сложность, поскольку мы стремились к написанию биографии не только и не столько событийно-описательной, сколько историко-психологической и историко-социальной. Такая биография позволила бы, с одной стороны, проникнуть во внутренний мир человека, в круг его идеалов и жизненных ценностей, а, с другой, через реконструкцию отдельной и неповторимой судьбы индивида реконструировать тот исторический социум, в котором этот человек жил и творил, радовался и любил, горевал и страдал, действовал и мыслил. Основной базой данных для такого исследования должны были послужить документы, содержащие информацию об индивидуальном опыте личности и ее эмоциональных переживаниях. Это, конечно же, источники личного происхождения, и, в первую очередь, − частные нарративные документы, принадлежащие перу самого историка (мемуары, дневники, письма). К сожалению, такого рода источники (за исключением нескольких воспоминаний) практически не сохранились ни у родственников Корбута, ни в архивах. Большинство имеющихся документов о Корбуте носит официальный характер. Они подчас разноречивы, не всегда поддаются взаимопроверке, что весьма осложняет исследовательскую задачу. Тем не менее, выделение «биографической составляющей» в источниках разных жанров и разного происхождения, а также немалое творческое наследие Корбута позволило реконструировать историю его жизни и творческой деятельности с достаточной объективностью, репрезентативностью и полнотой.

Реконструируя биографию М.К.Корбута, мы не могли не обратить внимания на ряд труднообъяснимых моментов. Например, в одной из анкет Корбут по отчеству называет себя не Ксаверьевичем, а Ксавельевичем[1]. С чем это было

[1] Национальный архив Республики Татарстан (далее - НА РТ). – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.42. – Л.2.

связано? Можно предположить, что это была простая описка, а, может быть, Корбут заполнял некоторые анкеты не собственноручно, а лишь подписывался под ними. С другой стороны, он был далеко не из тех, кто подписывает документы, не читая. На некоторые размышления наводят и личные листки по учету кадров, отложившиеся в личном деле Корбута. Их два, и оба они содержат несовпадающие сведения о времени работы Корбута в различных государственных учреждениях и организациях[1]. Что это − простая небрежность или преднамеренная фальсификация биографии? К сожалению, за неимением необходимых источников дать ответ на эти вопросы не удалось, но они явились истоками для построения ряда гипотез и догадок, касающихся Михаила Корбута, его жизни и судьбы, его натуры и характера.

Такая короткая долгая жизнь…

Гимназист

Михаил Ксаверьевич Корбут родился 16 августа 1899 г. в городе Казани в семье музыканта. Отец Михаила, Ксаверий Александрович, поляк по происхождению, был родом из города Ковно. Он окончил Петербургскую консерваторию. В Казани Ксаверий Корбут был известен как музыкант − исполнитель и теоретик, и авторитетный педагог. Будучи органистом лютеранской церкви, он участвовал в концертах духовной музыки, программа которых была чрезвычайно разнообразна: произведения Баха, Генделя, Моцарта, Мендельсона, Листа, Сен-Санса, Грига, Шумана, Дворжака. Прекрасное исполнительское мастерство Корбута привлекало на эти концерты самых разных людей, в том числе исповедующих другую веру. Помимо концертной деятельности, Ксаверий Корбут преподавал фортепьянное искусство в знаменитой на все Поволжье музыкальной школе Р.А.Гуммерта, где имел большое количество учеников. В начале 1920-х гг. Ксаверий Александрович стал профессором только что созданной в Казани Восточной консерватории. Здесь он проявил себя как серьезный педа-

[1] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.36л. – Д.14. – Л.89 об, 93 об.

гог-методист: разработал новые учебные программы, перевел ряд трудов видных западноевропейских педагогов-музыкантов, создал собственную «Методику преподавания фортепьяно» и составил словарь музыкальных деятелей. К.А.Корбут внес значительный вклад в формирование музыкальной культуры Казани и в значительной степени заложил основы казанской фортепианной школы[1].

Мать Михаила Ксаверьевича, Нина Михайловна Корбут (в девичестве – Магницкая), 1872 г. рождения, дворянка по происхождению, тоже любила и понимала музыку, хорошо играла на фортепьяно.

Родившийся от смешанного брака, Михаил Корбут никогда, однако, не позиционировал себя как поляк. «Польскость» Корбута не была очевидной – она не проявлялась ни в проблематике, ни в содержании, ни в оценках, содержащихся в его научных исследованиях. Не нашла она своего отражения и в личных документах историка. В сохранившихся дореволюционных документах он всегда значился православным. Вероятно, это было следствием тогдашней законодательной практики, когда ребенок, рожденный от смешанного брака, должен был быть крещен в православие, и дети, сохранив польскую фамилию отца, называли и считали себя русскими. Что касается советских официальных автобиографий и анкет, то Корбут везде указывался как русский и о своем польском происхождении нигде не упоминал. Возможно, он просто не хотел наживать себе лишних проблем: в то сложное время у многих российских граждан существовало две биографии – биография «для себя» и биография «для других», и чем проще была эта «публичная биография», тем легче было ее обладателю.

Брак Ксаверия Корбута и Нины Магницкой оказался недолгим. Супруги разъехались. Отныне Нина Михайловна с сыновьями – старшим Михаилом и младшим Сергеем проживала на Воскресенской (по другим данным − Универ-

[1] Об этом см.: Ключевская Е. Забытая графическая сюита. – С.85.

ситетской) улице в доме своего брата Александра[1]. Материально Магницкие были обеспечены, что позволило Нине Михайловне самостоятельно воспитывать двоих детей.

В 1910 г., когда Михаилу исполнилось одиннадцать лет, его отдали учиться в казанскую Императорскую первую мужскую гимназию. Его поступление сюда представлялось вполне логичным и закономерным. Корбут родился в интеллигентной семье, а выбор классических средних учебных заведений в Казани в то время был невелик.

Документов о пребывании Корбута в гимназии крайне мало. Да и сам Михаил Ксаверьевич нигде о проведенных там годах не вспоминал. Однако имеющиеся в нашем распоряжении источники все же проливают некоторый свет на гимназические годы Корбута. Более того, они позволяют представить и охарактеризовать этого человека с несколько неожиданной стороны.

В прошении от 25 января 1911 г., поданном на имя директора гимназии преподавателем той же гимназии Александром Михайловичем Магницким, содержалась просьба допустить к испытанию для поступления в первый класс его племянника Михаила Корбута, обучающегося в то время в первом классе казанского Коммерческого училища[2].

С третьей четверти 1910-1911 учебного года Михаил Корбут был зачислен в гимназию на своекоштное обучение[3]. Особыми успехами в учебе гимназист Корбут не блистал. Первый класс он закончил без единой пятерки (кроме отметки за поведение), с двойкой по географии и тройками по большинству предметов – истории, русскому языку, арифметике, закону Божьему, рисованию [4]. Несколько оправдывало его лишь то, что зимой 1911 г. Миша заболел

---

[1] Из беседы с дочерью двоюродной сестры М.К.Корбута Е.П.Ключевской // Архив Е.С.Масловой. – Запись 2003 г., а также: НА РТ. - Ф.87. - Оп.1. – Д.7962. – Л.52; Д.7958. – Л. 90; Д. 7968.- Л.11; Д.7998. - Л. 2об. и др.
[2] НА РТ. - Ф.87. - Оп.1. - Д.8130. - Л.101.
[3] НА РТ. - Ф.87. - Оп.1. - Д.7950. - Л.20.
[4] НА РТ. - Ф.87. - Оп.1. - Д.10063. - Л.67.

корью и пропустил много занятий − как отмечал классный наставник, больше всех в классе[1].

Сведения за второй год обучения Михаила в гимназии отсутствуют. Но и в последующие годы учеба давалась ему с трудом.

В третьем классе Миша проучился лишь первое полугодие и опять в его табели стояли почти сплошные тройки. Во втором полугодии по причине тяжелой болезни гимназист Корбут гимназию не посещал и был оставлен на второй год[2]. Не учился он из-за болезни и на протяжении следующего учебного года, сдав за третий класс экзамены экстерном[3]. В последующие годы Михаил продолжал учиться в основном на тройки, причем среди прочих предметов не более чем посредственно оценивались и его знания по истории. Той же тройкой, как правило, оценивалось и прилежание ученика, хотя поведение его всегда было «отличным»[4].

Картина изменилась лишь в 1917-1918 учебном году, когда мальчик, видимо, наконец повзрослел и стал задуматься о будущем. В ведомости «об успехах, внимании, прилежании и поведении» учеников Первой Казанской мужской гимназии напротив фамилии Михаила Корбута появляются пятерки по истории и закону Божьему[5]. Таким образом, очевидно, что за годы учебы в гимназии гимназист Корбут ничем особенным себя не проявил. Его успеваемость и подготовка, в том числе по гуманитарным предметам, оставляла желать лучшего. Может, этим отчасти и объясняется его легкий разрыв с классическим образованием, увлеченность новыми марксистскими идеями.

Мать Корбута, Нина Михайловна, насколько могла, старалась помогать сыну в учебе. Вероятно, с целью укрепления его позиций и авторитета в гимназии на протяжении всех ученических лет Корбута она была бессменным членом родительского комитета, а в 1915-1916 гг. еще и членом Общества вспомощест-

---

[1] НА РТ. - Ф.87. - Оп.1. - Д.7958. - Л.90; Д.7950. – Л.26.
[2] НА РТ. – Ф.87.- Оп.1. – Д.8007. – Л.65 об.
[3] НА РТ. – Ф.87. – Оп.1. – Д.8029. – Л.73.
[4] НА РТ. – Ф.87.- Оп.1. – Д.8043.- Л.102, 138 об., 157.
[5] НА РТ. – Ф.87. – Оп.1.- Д.8114. – Л.154.

вования нуждающимся ученикам гимназии совместно со своим братом Александром Магницким[1].

Хотя Михаил Корбут, действительно, отличался слабым здоровьем, он не был освобожден от призыва на военную службу, хотя, как обучающемуся в гимназии, ему была предоставлена отсрочка по отбыванию воинской повинности[2]. А 2 ноября 1918 г., уже по окончании гимназии, Михаил Корбут собственноручно расписался в получении им свидетельства о приписке к призывному участку[3]. Однако ни в царской, ни в советской армии Корбут в итоге так и не служил, и даже в научном творчестве был весьма далек от «военной темы».

В 1918 г. М.К.Корбут начал готовиться к поступлению на историко-филологический факультет Казанского университета[4]. Одним из факторов, повлиявших на выбор будущей профессии, могло явиться его общение с дядей по материнской линии Василием Константиновичем Магницким, увлекавшимся этнографией. Кстати, гуманитарно-просветительскую стезю деятельности избрал и младший брат Михаила Корбута Сергей. Десять лет своей жизни он посвятил литературно-издательской работе[5].

После успешной сдачи вступительных экзаменов, 22 октября 1918 г. М.К.Корбут был зачислен на историческое отделение историко-филологического факультета Казанского университета.

Студент

Вспоминая годы студенчества, М.К.Корбута называл 1918-1919 учебный год на истфилфаке, как, впрочем, и вообще в университете, «самым нежизнен-

---

[1] НА РТ. - Ф.87. - Оп.1. - Д.7968. - Л.11; Д.7998. – Л.2 об.; Д.8023. – Л.3 об.; Д.8039. – Л.3 об.; Д.8058.- Л.12 об.; Д.8068.- Л.1 об. – 3 об.
[2] НА РТ. - Ф.87. - Оп.1. - Д.8102. - Л.9, 33.
[3] НА РТ. - Ф.87. - Оп.1. - Д.8130. - Л.101.
[4] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.37 л. – Д.4. – Л.70.
[5] Центральный государственный архив историко-партийной документации Республики Татарстан (далее - ЦГА ИПД РТ). – Ф.30. – Оп.3. – Д.1579. – Л.1.

ным» годом, когда «цепь старой школы прервалась»[1] и ее уже не существовало, а новая школа еще не была создана.

Однако, при всей мнимой «безжизненности» факультета, Корбут буквально с первых дней учебы начал активно проявлять себя как общественник. Он несколько раз участвовал в заседаниях факультетского совета, в 1919 г. был назначен секретарем комиссии по социальному обеспечению и трудовой повинности студентов, а также введен в состав Согласительной Комиссии по выработке новых учебных планов[2].

Проучившись год на историко-филологическом факультете, Михаил Корбут в октябре 1919 г. перевелся на юридическо-политическое отделение только что созданного факультета общественных наук (ФОНа). В этом же году он вступил в ряды ВКП(б)[3].

Выбор Корбутом ФОНа для получения дальнейшего образования был вполне закономерен. Конечно же, историко-филологический факультет и его «старая» профессура с такими достойными специалистами в области российской истории, как, например, Н.Н.Фирсов, или молодыми П.Г.Архангельским, В.И.Огородниковым, И.А.Стратоновым, вполне могли пробудить в Корбуте желание заниматься академической историей, а не политикой. Но не то тогда было время, и не таким человеком был Михаил Корбут. «Академики» для него было явно недостаточно. Его неуемно тянуло к общественной деятельности, и образование, полученное на ФОНе, открывало в этом плане самые широкие перспективы. В отличие от традиций классической исторической школы, студенты ФОНов изучали преимущественно социально-политические дисциплины и считались идеологически надежными и теоретически подкованными в этой области специалистами. Так, будучи студентом второго курса ФОНа, Корбут слушал такие курсы, как «Карл Маркс и его школа», «Теория капиталистиче-

---

[1] Корбут М.К. Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. – Т.II. - С.303-304.
[2] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.2. – Д.1. – Л.91; Д.2. – Л.16; Д.4. – Л.3.
[3] НА РТ. Ф.Р-1337. – Оп.36 л. – Д.14. – Л.89 об.

ского хозяйства», «Публичное право советской республики», «Статистика», «Социология»[1].

Хотя вскоре стало ясно, что процесс обучения на ФОНах ведет в тупик, а ускоренные темпы в получении знаний и усиленная политизация отнюдь не способствуют улучшению качества образования, в случае с Корбутом ФОН полностью справился с поставленной задачей и сделал из своего студента истинного приверженца и активного пропагандиста марксистко-ленинской методологии. Можно утверждать, что именно на ФОНе произошло становление М.К.Корбута как общественника.

В годы обучения на ФОНе Корбут постоянно участвовал в заседаниях не только факультетского, но и университетского Совета, поскольку в 1919 г. Отделом ВУЗов Наркомпроса был официально утвержден в числе студентов – представителей в Совет Университета и на заседания факультета[2]. Он принимал участие в решении таких важных вопросов, как возвращение бывших казанских профессоров и преподавателей, не принадлежащих к составу университета, к прежним должностям, в избрании представителей на съезд по научной организации труда, в организации торжественного заседания, посвященного второй годовщине рабочего факультета[3]. В 1922 г. Корбут был утвержден членом Совета факультета общественных наук от коллегии РКП(б) при ВУЗах г.Казани[4].

Еще будучи студентом, М.К.Корбут участвовал в создании рабочего факультета в Казанском университете и со дня его основания до 1921 г. был членом президиума и секретарем рабфака, а с 1921 по 1926 гг. – его заведующим[5]. «В 1919-1921 гг. мы внедрялись во все поры вузовской жизни, – вспоминал Корбут, – мы завоевывали вузы изнутри. В этом отношении нам колоссально помогло дело организации в составе Казанского университета рабочего факуль-

---

[1] Из архива М.К.Корбута // Музей истории Казанского государственного университета.
[2] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.27. – Д.2а. – Л.162.
[3] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.27. – Д.11. - Л.8,61; Д.4. – Л.47 об., 105.
[4] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.27. – Д.15. – Л.8.
[5] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.36л. – Д.14. – Л.89 об.

тета»[1]. «В журнале рабфака КГУ «Новое дело» за 1922 г. (под редакцией М.К. (Корбута – *авторы*), с достаточной отчетливостью видно, какая большевистская выдержка и какое понимание Октябрьской революции, прежде всего, у самого ответственного коммуниста, редактировавшего этот журнал», − писал соратник Корбута Вольфович[2].

16 октября 1920 г. в Казани было создано бюро Истпарта (Комиссии по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и РКП(б)). Секретарем Центрального Истпарта в Казани в то время был В.В.Адоратский. Именно по предложению Адоратского, учившего и хорошо знавшего своего «политически активного» студента, М.К.Корбут был назначен уполномоченным Истпарта в Казани (председателем Казанской подкомиссии).

Одним из первых изданий Татистпарта стала брошюра А.Бочкова «Три года Советской власти в Казани: Хроника событий, 25 октября 1917-1920 гг.» (1921)[3]. Редактором и автором предисловия к этой работе был студент Михаил Корбут. «Еще на студенческой скамье, – вспоминал он впоследствии, – я напечатал небольшую работу, написанную мной под руководством В.В.Адоратского «Производственные силы и их роль в обществе»… и тогда же под моей редакцией вышла брошюра А.Бочкова – «Три года Советской власти в Казани»[4]. Кроме того, Корбут начал печатать свои первые статьи и рецензии («Значение культуры в переживаемый период» (1922), «Высшая школа и комстуденчество» (1922), «Царизм по мемуарам гр.Витте» (1922), «Церковные дела и наши задачи: (Обзор печати)» (1922) в издаваемых местным Истпартом журналах «Пути революции» и «Коммунистический путь». Эти журналы сосредотачивали свое внимание, прежде всего, на изучении революционной проблематики: В.И.Ленин, Н.Е.Федосеев и первые марксистские кружки в Казани; революци-

---

[1] Цит. по: Диковицкий А. Моменты прошлой борьбы // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина): 1919 – ноябрь 1924. – Казань, 1924. – С.102.
[2] ЦГА ИПД РТ. – Ф.30. – Оп.3. – Д.1579. – Л.7.
[3] Бочков А. Три года Советской власти в Казани: Хроника событий, 25 октября 1917-1920 гг. – М., 1921.
[4] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.37л. – Д.4. – Л.70-70 об.

онное движение в Казанской губернии; Октябрьская революция и гражданская война в Татарии. Данная проблематика повлияла на научные приоритеты будущего ученого: проблемы изучения революционного движения заняли значительное место в научном творчестве Корбута.

М.К.Корбут стал известен в научных кругах Казани не только благодаря активному участию в организации рабфака и деятельности Истпарта. С 1921 г. он являлся членом редколлегии журнала «Казанский библиофил», где курировал отделы «Обществоведение» и «Религия». Его отзывы об исследованиях современников (с 1921 по 1923 гг. в журнале было опубликовано свыше 20 рецензий, написанных Корбутом) соответствовали «духу времени»: по мнению Корбута, историческое исследование должно было быть, прежде всего, доступно пониманию широких масс[1].

При всей видимой активности Корбута, его первые научные исследования не были замечены в среде профессиональных историков. Причин этому было несколько.

Прежде всего, нельзя не отметить неприятия научной общественностью Казани (по своему образованию и мышлению являвшейся еще во многом «старой», дореволюционной), слишком политизированных представлений об обществе, высказываемых представителями первого поколения «красных» историков, и Корбутом в их числе. Кроме того, имело место и чисто демонстративное пренебрежение ставленниками новой власти в научной сфере (а именно в такой роли, вольно или невольно, выступал в это время, да и впоследствии, Михаил Ксаверьевич Корбут).

В 1922 г. М.Корбут закончил Казанский университет. Тогда же там перестал существовать и факультет общественных наук.

Студенческие годы Корбута (1918-1922 гг.) пришлись на довольно сложный период в истории отечественной высшей школы. Это было время кардинальной перестройки общественного мировоззрения и попыток не менее кар-

---

[1] Корбут М.К. [Рец.]: Волгин В.П. Революционный коммунист XVIII в.: (Жан Мелье и его «Завещание»). - М., 1919 // Казанский библиофил. – 1921. – № 1. – С.64.

динальной ломки «старой» школы, как таковой. М.К.Корбут оказался на пороге смены культурных и ментальных стереотипов. Ему, безусловно, удалось воспринять в какой-то мере традиции дореволюционного университетского образования, получить неплохие знания, позволившие всерьез заниматься самостоятельными научными исследованиями. Его умение говорить и писать на немецком, французском языках и знание латыни[1] также оказалось не напрасным. В это же время формирование научного мировоззрения Корбута базировалось на марксистской методологии. Тематически конъюнктурны были и первые исследовательские труды молодого историка, посвященные теории марксизма и истории Октября. Большое место в творчестве ученого, в связи с работой в Истпарте, занимало обращение к архивным и мемуарным источниками о революции 1917 г.

С ноября 1922 г. начинается новый, «взрослый» период в жизни Корбута. Он зачисляется в Восточно-педагогический институт в качестве профессорского стипендиата на кафедру марксизма и политэкономии по специализации «Право и государство»[2].

Преподаватель

О периоде пребывания М.К.Корбута в Восточно-педагогическом институте известно совсем немного. В протоколах заседания правления института сохранились лишь несколько сухих записей, касающихся Корбута и перечислявших преподаваемые им дисциплины[3]. Последняя запись относится к 30 ноября 1927 г. и сообщает о том, что М.Корбут выбыл из профессорско-преподавательского состава ВПИ[4].

В Восточно-педагогическом институте Корбут активно занимался научной работой. 15 октября 1922 г. здесь был создан кабинет истории и теории марксизма во главе с профессором В.Т.Дитякиным. Перед кабинетом ставились задачи организации научно-исследовательской работы, проведения семинаров

---

[1] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.140.
[2] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.37 л. – Д.4. – Л.70.
[3] НА РТ. – Ф.Р-1487. – Оп.1. – Д.75. – Л.1 об.; Д.112. – Л.1.
[4] НА РТ. – Ф.Р-1487. Оп.1. – Д.148. – Л.33 об.

по марксизму со студенческой молодежью, руководства подготовкой ассистентов-практикантов, объединения обществоведов города. При кабинете работали экономический и ленинский кружки, кружок исторического материализма для начинающих, кружок по изучению «Капитала» Маркса, а также кружок текущей политики. Вероятно, Корбут так или иначе участвовал в работе кабинета. Но документов, прямо на это указывающих, не сохранилось. Профессора В.Т.Дитякин и Ю.Н.Формаковский официально были назначены научными руководителями Корбута[1]. Но фактически, по словам его самого, все эти годы он работал под руководством В.В.Адоратского[2]. Научные интересы Адоратского, направленные на изучение революционного движения, истории Октябрьской революции и гражданской войны, не могли не сказаться на его ученике. Изучение советской истории стало одной из важных составляющих его научного творчества.

Под руководством В.В.Адоратского М.К.Корбут написал статью «Метод диалектического материализма в работах В.И.Ленина (Ульянова) по вопросам права и государства», которая была опубликована в журнале «Коммунистический путь» в 1923 г.[3]. Эта статья создавалась М.К.Корбутом в период работы XII съезда ВКП(б), что наложило свой отпечаток на содержание и стиль работы. М.К.Корбут широко цитировал здесь Г.В.Плеханова, Н.И.Бухарина, ссылался на своего учителя В.В.Адоратского, но основой текста явились прокомментированные выдержки из работ К.Маркса и Ф.Энгельса.

Вышедшая в «Спутнике коммуниста» в 1924 г. статья «Тактика В.И.Ленина в эпоху демократической революции 1905 года»[4] стала частью со-

---

[1] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.37 л. – Д.4. – Л.70.
[2] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.36 л. – Д.14. – Л.56.
[3] Корбут М.К. Метод диалектического материализма в работах В.И.Ленина (Ульянова) по вопросам права и государства // Коммунистический путь. – 1923. – № 4/5. – С.26-56.
[4] Корбут М.К. Тактика В.И.Ленина в эпоху демократической революции 1905 года // Спутник коммуниста. – 1924. – № 26. – С.23-48.

вместной работы М.К.Корбута и А.Г.Астрова под названием «Две тактики в революции: Русский опыт»[1].

М.К.Корбут не ставил своей целью аналитически осмыслить тактику большевиков в период революции 1905-07 гг., привлечь новые источники или извлечь новые факты. Суть статьи составило изложение ленинских воззрений и оценок, высказанных им во время и по следам первой русской революции. Эта статья открывала задуманную Корбутом серию очерков, объединенных темой «Тактика Ленина в годы революции и реакции»[2], которую предполагалось издать отдельной брошюрой[3].

Показательно, что в общем комплексе революционной проблематики Корбут выбирал те темы, которые так или иначе были связаны с правовыми проблемами, что отчасти объяснялось полученным им юридическим образованием. «С начала 1924 г., – писал Корбут, – я погрузился в другую обширную работу – «Рабочее законодательство III Государственной Думы», которую закончил летом 1925 г.»[4] Приступая к разработке этой темы, Корбут решил использовать, прежде всего, документы о прохождении российских страховых законов через законодательные инстанции и об их воплощении в жизнь. Именно в этих документах, по мнению Корбута, «широко отобразилась вся сущность политики царизма по отношению к рабочему классу»[5]. Материал, привлеченный исследователем, был очень обширен и ранее никем не исследован. М.К.Корбут отправился в Ленинград, где изучал документы, отложившиеся в фондах Государственного Совета, Государственной Думы и Департамента по-

---

[1] Вторая часть, написанная А.Г.Астровым, носила название «Тактика левых эсеров в эпоху пролетарской революции 1917 года». См.: Корбут М.К., Астров А.Г. Две тактики в революции: Русский опыт. – М., 1924.

[2] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.37 л. – Д.4. – Л.70; Литвин А.Л., Циунчук А.Г. Создание и деятельность Татарского истпарта // Историография федосеевских кружков Поволжья. – Казань, 1972. – С.69.

[3] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.37 л. – Д.4. – Л.70. Нельзя с полной уверенностью утверждать, что эта идея автором была реализована. Указанная брошюра ни в фондах Отдела рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И.Лобачевского КГУ (далее - ОРРК НБЛ КГУ), ни в фондах НА РТ нами обнаружена не была.

[4] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.37 л. – Д.4. – Л.70.

[5] Корбут М.К. Отчет о двухмесячной командировке в Ленинград // Научно-педагогический сборник Восточно-педагогического института. – 1926. – № 1. – С.37.

лиции[1]. Его занятия осложнялись тем, что приходилось иметь дело с еще не обработанными и не упорядоченными архивными материалами. Однако с этой проблемой ему удалось успешно справиться. Результатом явилась серия опубликованных Корбутом статей, в том числе «Рабочее законодательство III Государственной Думы», «Промышленники, правительство и рабочее законодательство», «Страховые законопроекты III Государственной Думы», «Страховая кампания по материалам Департамента полиции»[2].

Представив и обсудив статью «Рабочее законодательство III Государственной Думы» на публичном заседании Предметной комиссии педагогического института 6 декабря 1925 г., М.К.Корбут получил право на самостоятельное преподавание в ВУЗах[3]. Таким образом, эта работа явилась своеобразным аналогом кандидатской диссертации, хотя была очень небольшой по объему (всего 20 страниц печатного текста), а автор ее легко и быстро продвинулся по служебной лестнице – со ступени студента сразу на ступень профессора. В это бурное время активные и идеологически верные люди делали стремительные карьеры, и Корбут не составлял исключения.

Перед молодым ученым простиралось необъятное поле неисследованных проблем, вскрывались целые пласты ранее не исследованных документов. М.Корбут писал много, печатался везде, в том числе в газетно-журнальной периодике. Острые на язык студенты иронично писали по этому поводу в рукописном юмористическом листке «Блоха»: «Беру подряды на писание передовиц в коммунистических газетах! Фабричное производство! По 120 передовиц в минуту. (Подпись – Корбут)»[4]. В одной из анкет Корбут указывал, что «матери-

---

[1] Там же. – С.124-128.

[2] Корбут М.К. Рабочее законодательство III Государственной Думы // Ученые записки Казанского университета. – 1925. – Т.856. – Кн.2. – С.327-347; То же. Оттиск. – Казань, 1925; Промышленники, правительство и рабочее законодательство // Сборник истсоцстраха. – СПб.; М., 1928. – С.18-21; Он же. Страховые законопроекты III Государственной Думы // Там же. – 1928. – С.11-14; Он же. Страховая кампания по материалам Департамента полиции // Там же. – 1928. – С.25-27.

[3] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.37 л. – Д.4. – Л.70.

[4] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.35. – Л.42 об.

ально обеспечен вполне»[1] – он работал интенсивно и, как правило, не безвозмездно. Кстати сказать, такой образ жизни был характерен для многих научных работников и вузовских преподавателей того времени: открывались новые научные общества, газеты, журналы, учебные заведения, а круг лиц, потенциально способных там сотрудничать, был очень ограничен, особенно в провинции. Такая загруженность стала причиной некоторой поверхностности, проявлявшейся во многих работах Корбута. Показательна в этой связи и методика его работы с историческими источниками. М.К.Корбут обширно цитировал тексты документов, но анализ их у Корбута, как правило, отсутствовал − источники он рассматривал и представлял как некую антологию. Поэтому многие исследования Корбута носили описательный и фиксирующий характер, зато, по мнению современников, были четко идеологически выверены.

В преподавательской деятельности Корбут был очень добросовестен и работал с полной самоотдачей. Отвечая на вопрос: «Сторонником какого метода преподавания Вы являетесь?», он говорил: «Того, который делает учащихся обученными»[2]. По воспоминаниям бывшего студента, слушавшего лекции Корбута, «будучи чертовски перегружен научными трудами, а еще более… общественными обязанностями», он «иногда читал слабовато лекции по истории партии». Но, тем не менее, эти лекции, как отмечали многие, всегда сопровождали «одухотворенность и порой блестящие импровизации и острое словцо»[3].

С 1923 по 1925 гг. М.К.Корбут состоял преподавателем декретированного политминимума в Казанском Политехническом институте. В течение трех лет он вел семинары по истории ВКП(б) в Восточно-педагогическом институте, в 1924-1925 гг. читал курс советского права в Коммунистическом университете, а в период с 1925 по 1926 гг. – лекции по политическому строительству в СССР в Казанском университете. В 1925-1928 гг. в Институте сельского хозяйства и лесоводства Корбут преподавал «Историю ВКП(б)» и «Основы государственного и хозяйственного права». Почти параллельно в 1926-1928 гг. «Основы государ-

---

[1] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.42. – Л.2.
[2] Там же.
[3] ЦГА ИПД РТ. – Ф.30. – Оп.3. – Д.1579. – Л.4-5.

ства и хозяйственного права» читались им и в Казанском государственном университете[1].

С апреля 1926 г. М.К.Корбут состоял заместителем председателя Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, был его деятельным членом и редактировал «довольно много» выходившие сборники его трудов[2]. Дядя Корбута, Василий Константинович Магницкий, был инспектором училищ Казанского учебного округа, а также членом Общества археологии, истории и этнографии. В.К.Магницкий занимался этнографией чуваш, изучал их быт и фольклор. У него не было наследников, и весь свой архив он передал племяннику – Михаилу Корбуту, который занимался разборкой и систематизаций этой коллекции. К сожалению, все эти материалы были конфискованы и уничтожены в связи с арестом Корбута в 1933 г.[3]

В тот же период Корбут стал членом Совета общества мариеведения при Восточно-Педагогическом институте. Одновременно он являлся председателем областного студенческого бюро, заведующим Казанским отделением Истпарта, комиссаром Татарского архивного управления[4], редактором и членом редколлегии многих казанских, а также некоторых московских периодических и непериодических изданий[5]. С 1920 по 1927 гг. он – делегат всех съездов Советов Татарской республики, двух Всесоюзных съездов научных работников. Как уже отмечалось, 24 января 1924 г. правлением университета М.К.Корбут был отправлен в Москву представителем от Казанского университета на похороны Владимира Ильича Ленина[6].

В 1926 г. М.К.Корбут получил звание профессора. С 1926 по 1928 гг. он работал ректором казанского Института сельского хозяйства и лесоводства.

---

[1] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.37 л. – Д.4. – Л.70-70 об.
[2] ЦГА ИПД РТ. – Ф.30. – Оп.3. – Д.1579. – Л.6 об.
[3] Из беседы с дочерью двоюродной сестры М.К.Корбута Е.П.Ключевской // Архив Е.С.Масловой. – Запись 2003 г.
[4] НА РТ. – Ф.Р-7. – Оп.1 л. – Д.13. – Л.57.
[5] ЦГА ИПД РТ. – Ф.25. – Оп.35л. – Д.245. – Л.138.
[6] ОРРК НБЛ КГУ. – Д.8823. – Л.25.

Профессор

Бурная преподавательская, организационная, административная и творческая деятельность, постоянная напряженная работа отрицательно сказывалась на здоровье Михаила Корбута, которое и так-то не было идеальным. У Корбута имелись врожденные и приобретенные физические недостатки – укорочение правой ноги на 3 сантиметра, сращение тазобедренного сустава, катар верхушек легких, сильная близорукость[1]. Буквально в течение двух лет Корбут резко набрал в весе – вероятно, у него был еще и сахарный диабет. Это был очень больной человек. Поэтому, помимо сведений о постоянных командировках, в университетских документах довольно часто встречаются сведения о нахождении Корбута на больничном, «ввиду полного расстройства здоровья и общего крайнего переутомления»[2].

К концу 1920-х гг. обстановка и в стране, и в партии резко осложнилась. Исключение в октябре 1927 г. из состава ЦК ВКП(б) Л.Д.Троцкого вызвало волну репрессий, которая отразилась на судьбах самых разных людей. Не обошли эти грозные события стороной и М.К.Корбута: в декабре 1927 г. он был исключен из партии за участие в «троцкистско-зиновьевском оппозиционном течении»[3].

Корбут полностью открестился от взглядов оппозиции. Обвинители, со своей стороны, не имели никаких данных о его фракционной деятельности. Тем не менее, Корбута сочли «неискренним». Тот, «кто не знает, не представляет или их (фактов о работе фракции – *авторы*) даже не имеет, заносится в ряд неискренних. Я попал в состав последних, – писал Корбут, – так как никаких данных о фракционной работе представить не мог»[4].

М.К.Корбута исключили из партийных рядов. В ответ на это в ЦК ВКП(б) поступило письмо от секретаря Татарского обкома партии М.М.Хатаевича, где

---

[1] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.139.
[2] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.7. – Л.41.
[3] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.3л. – Д.245. – Л.18.
[4] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.2. – Д.491. – Л.12; Письмо М.К.Корбута М.К. секретарю обкома ВКП(б) М.М.Хатаевичу М.М., 1927 г. Ксерокопия // Музей истории КГУ.

утверждалось, что М.К.Корбут не мог быть связан со взглядами оппозиции, так как осуждал их. Хатаевич считал исключение М.К.Корбута из партии ошибкой, которую нужно исправлять как можно быстрее[1].

Видимо, в эти годы еще можно было что-то изменить, и письмо М.М.Хатаевича сделало свое дело. Как позже указывалось в анкетах М.К.Корбута, он «отошел от троцкистской оппозиции в конце декабря 1927 г.» и в феврале 1928 г. был восстановлен в партии, правда, в порядке обжалования и с вынесением выговора[2]. Но восстановление в партии не избавило Корбута от клейма «троцкиста». Как ученого и общественного деятеля его перестали выдвигать в выборные органы, а в качестве наказания или, может быть, проверки, направили работать в партячейку завода № 40, где Корбут стал редактором заводской газеты «За коммунизм»[3]. Но и здесь клеймо «троцкиста» давало о себе знать. При так называемой «чистке» – проверке членов ячеек ВКП(б) завода − проверком обвинил Корбута в неискренности при даче объяснений и справок о себе, а посему решено было «дело т.Корбута передать в Партколлегию ОКК на дорасследование»[4].

Эти трагические события в судьбе Михаила Ксаверьевича имели самое неожиданное последствие – они заставили его полностью уйти в науку.

Только за два года им издается пять больших статей и фундаментальный двухтомник «Казанский университет имени В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05-1929/30». Интересна предыстория создания этой работы. В связи с поручением чтения курса по общей истории права и государства и назначением его заведующим кабинетом советского строительства Татарского научно-исследовательского экономического института, Корбут предполагал «исключительно работать в области права»[5]. Но, согласно специальному постановлению

---

[1] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.2. – Д.491. – Л.13; Письмо секретаря обкома ВКП(б) ТАССР М.М.Хатаевича в ЦК тов.Шкирятову, 1928 г. Ксерокопия // Музей истории КГУ.
[2] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.124.
[3] ЦГА ИПД РТ. – Ф.292. – Оп.5640. – Д.264. – Л.1.
[4] ЦГА ИПД РТ. – Ф.30. – Оп.3. – Д.1579. – Л.1 об.
[5] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.36 л. – Д.14. – Л.69 об.

КГУ от 1928 г.[1], Корбут вынужден был начать работу над историей Казанского университета.

Для подготовки 125-летнего юбилея Наркомпросом РСФСР была создана специальная комиссия под председательством замнаркома А.Я.Вышинского, а правлением университета – комиссия под председательством ректора университета П.Н.Галанзы. Правление университета возложило на М.К.Корбута составление «Краткой истории Казанского университета» за все время его существования. Книга предполагалась объемом не менее чем в 20 печатных листов[2].

Несмотря на большой объем, работа получилась удивительно стройной по своей структуре и содержанию. Она была написана живо и читалась легко и с интересом. Поистине это был самый крупный и самый важный научный труд М.К.Корбута и, пожалуй, самая лучшая на ту пору «юбилейная» университетская история.

После окончания работы над книгой М.К.Корбут вновь возвратился к преподавательской деятельности. В январе 1930 г. его назначили заместителем директора Татарского научно-исследовательского института. С октября 1930 г. он – профессор по кафедре общего учения о праве и государстве. С 1 октября 1930 по 1 марта 1931 г. Корбут выезжал в научную командировку в Москву и Ленинград для работы в архивах. В центре его внимания стояла тема «Ленин в Казани». В результате работы в архиве Октябрьской революции им было подготовлено к публикации 8 печатных листов документов по этой тематике, снабженных вступительной статьей и календарем жизни Ленина в Казани[3]. Можно предположить, что М.К.Корбут собирался издать книгу, посвященную этой проблеме. Но в 1933 г. его научная деятельность прервалась в связи с арестом. Начался заключительный и, наверно, самый трагический этап его жизни.

Для Корбута, как и для многих людей, живших и работавших в первой трети XX в., было характерно причудливое сочетание политической амбициоз-

---

[1] Там же.

[2] М.К. (Корбут М.К.) К 125-летнему юбилею Казанского университета // Известия общества археологии, истории и этнографии. – Т.XXXIV. – Вып.3-4. – Казань, 1929. – С.350.

[3] См.: НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.36 л. – Д.14. – Л.82. Материалы опубликованы не были.

ности и партийной зашоренности. Примеров тому в биографии историка было немало. Так, в 1929 г. Корбут принимал участие в похоронах Е.Ф.Будде – известного филолога-слависта, языковеда, ординарного профессора и декана ФОНа КГУ, бывшего члена-корреспондента Императорской Академии наук по отделению русского языка и словесности. Похороны были очень пышными: заслуженного профессора хоронили со всеми почестями, принятыми еще в дореволюционном Казанском университете. По воспоминаниям родственников Корбута, эта пышность и помпезность похоронного обряда искренне возмущала его и была воспринята в штыки: «все «старое» вызывало в нем раздражение»[1].

Творческая судьба Корбута в чем-то отличалась, но в чем-то была разительно похожа на судьбы его коллег-современников. Усиление идеологического диктата, вылившееся в догматизацию и фальсификацию при изучении и обработке исторических фактов, привело к всеобъемлющей политизации исторической науки. Это, в свою очередь, повлекло за собой травлю и отлучение от науки ученых старой школы, в том числе и так называемую «фирсовщину» - политическую кампанию, направленную против профессора-историка Казанского университета Н.Н.Фирсова. Молодые, еще не сформировавшиеся ученые-историки послушно выполняли политические заказы и участвовали или вынуждены были делать вид, что участвуют в подобной травле. «Вести решительную разоблачительную работу» по отношению к «фирсовщине» обещал своим старшим товарищам по партии и Михаил Корбут[2].

Наглядный пример «послушания» может быть прослежен в последних работах М.К.Корбута. Совершенно очевидно, что статьи и рецензии, написанные им в первой половине 1920-х гг., носили гораздо менее идеологизированный характер, нежели те, что последовали после исключения историка из партии. Вся самобытность, свойственная работам «раннего» Корбута, с ужесточением политического режима и становлением командно-административной сис-

---

[1] Из беседа с дочерью двоюродной сестры М.К.Корбута Е.П.Ключевской // Архив Е.С.Масловой. - Запись 2003 г.

[2] ЦГА ИПД РТ. – Ф.30. – Оп.3. – Д.1579. – Л.1 об.Л.3.

темы нивелируется, а работы его становятся столь безликими, что почти сливаются с общим потоком исторической литературы, переходящей временами в политизированную беллетристику.

Ссыльнопоселенец и «враг народа»

1933 г. прервал более или менее размеренную и упорядоченную жизнь Корбута. Вот как оценивал он сам свою научную и общественно-педагогическую деятельность этого периода: «Работа, к сожалению, не так большая, как я бы этого хотел. Эти моменты, конечно, на меня очень сильно влияют, нет хуже пострадать невинным»[1]; «сейчас работаю над вопросом «Марксизм и судьба анархизма в России»… Работа выполнена сейчас на 30 %… Последнее время нахожусь на преподавательской работе, сейчас не удовлетворен, что веду только преподавательскую работу, мог бы руководить ВУЗом или исследовательским учреждением»[2]. То есть Корбут чувствовал себя нереализованным.

Чистка партийных рядов не обошла Корбута, ведь на нем было клеймо «троцкиста»[3]. 15 марта 1933 г. Партколлегия отделения контрольной комиссии ВКП(б) вновь исключила Корбута из партии «как двурушника-троцкиста»; он был арестован[4]. Из персонального дела видно, что ему предъявили обвинение в защите чуждых партии лиц – «великодержавных колонизаторов» и меньшевиков[5]. «На допросах Корбут виновным себя ни в чем не признал, утверждая, что «контрреволюционной деятельностью не занимался, а только допускал ошибки»[6]. Таковыми Корбут считал свое отношение к Л.Д.Троцкому: «Снятие Троцкого с поста Наркомвоенмора мне показалось несправедливым. Мне казалось, что Троцкого партия обижает. И тут же за слова сочувствия был зачислен в троцкисты»[7]. И далее: «Человек, который целыми ночами сидит, отдает все си-

---

[1] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35 л. – Д.245. – Л.173.
[2] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35 л. – Д.245. – Л.170.
[3] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-12071. – Л.111.
[4] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.148.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Цит.по: Литвин А.Л. Репрессированная наука // Эхо веков. – 1998. – № 3/4. – С.207.

лы для того, чтобы поднять квалификацию студентов, все это зачеркивается. Меня здесь знают все, как я родился, как вступал в партию. Конечно, меня можно смять, превратить в порошок, если это для партии – пусть это делают. Я доведен до пределов, до пределов самоубийства»[1].

Как вспоминала двоюродная сестра М.К.Корбута Н.А.Магницкая, «мы встречались редко, хотя и жили рядом на Университетской (окна наших квартир были друг против друга). Тем более что Миша бывал всегда очень занят. У него было много друзей – профессора А.В.Васильев, Н.Н.Фирсов, Н.И.Воробьев, И.С.Алуф. Люди к нему тянулись, и сам он был к ним доверчив. Доверчив, но чрезвычайно независим и тверд в своих собственных убеждениях… Когда блок «троцкистов» в университете разбили, многие успели покаяться, в том числе и один из самых близких его «друзей» – А.Диковицкий. А Миша заупрямился, настаивал на своих убеждениях»[2]. «Корбут ничего не делает, чтобы опровергать свою партийную линию, – констатировалось на допросах. – Правда, у Корбута развязный язык, что думает, то и говорит». И тут же оговорка: «Говорит в рамках партийности»[3]. О своей принадлежности к троцкизму Корбут показывал следующее: «Я человек принципиальный, раз отошел от этого дела, то ничего не может быть… Конечно, этот процесс, перелом не мог пройти сразу во мне. В душе перелом проходил постепенно. Выветривались, пересматривались старые взгляды и… я постепенно выправил все троцкистские взгляды, после 1928 г. троцкистских взглядов не осталось»[4]. По словам Корбута, он и Диковицкий «вместе примыкали к троцкизму и одновременно же порвали (его из партии не исключали). Так же, как и я, с тех пор он никакого отношения к троцкизму, кроме отрицательного, не имеет»[5]. Несмотря на эти утверждения, Н.А.Магницкая спустя много лет вспоминала, что в душе Корбут

---

[1] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35 л. – Д.245. – Л.175.
[2] Ключевская Е. Забытая графическая сюита. – С.85-86.
[3] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.171.
[4] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.188.
[5] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-12071. – Л.23.

всегда был убежденным троцкистом[1] и, видимо, его убеждения и твердость характера не позволили ему прогнуться под ту линию, которая велась партийным руководством страны.

Корбут считал Диковицкого самым близким и верным другом и, насколько это было возможно, на допросах пытался отвести подозрения от него. Диковицкий же поступал по-другому. Как показывает протокол допроса, он представлял Корбута как одного из будущих лидеров троцкистов, «вышедших на широкую политическую арену»[2]. На допросах аспирант Ф.П.Медведев заявлял, что «Корбута заставляют делать доклады о своих ошибках, как это гнусно звучит, я бы никогда не хотел быть в положении Корбута, его критикует человек, который не стоит его подметки. Да, прав Лев Давидович – революция выхолащивает характер (передан смысл), с Корбутом как раз сейчас это производят»[3].

Корбут, отвечая на предъявленные обвинения, писал в Татарское отделение контрольной комиссии 9 января 1933 г.: «…я многократно подчеркивал всю тягость моего положения, заключавшегося в том, что не проходит, кажется, полугода, чтобы меня не стремились «пришить» к какому-нибудь делу… Так и в этот раз. Я опять выбит из колеи нормально работающего человека, и опять срывается та моя скромная научная деятельность, которой я отдаю за последние годы всю мою жизнь и все мои способности… Я готов кричать от боли, от обиды, от постоянного унижения… Я готов биться в отчаянии головой об стену…, но все же у меня не иссяк еще остаток надежды, что в конце концов в парторганизации мне подадут руку помощи…»[4]. Корбут надеялся также по возможности уехать из Казани, предполагая быстро обрести там «партийный авторитет»[5]. тет»[5].

Но надежды Михаила Ксаверьевича не сбылись. В обвинительном заключении 1933 г. говорилось, что Корбут в 1927, 1928 и 1930 гг. уже «привлекался

---

[1] Из беседы с дочерью двоюродной сестры М.К.Корбута Е.П.Ключевской // Архив Е.С.Масловой. - Запись 2003 г.
[2] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-8087. – Л.26.
[3] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.101-101 об.
[4] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-12071. – Л.24-25.
[5] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.122.

к партийной ответственности, в первый раз за активную троцкистскую деятельность был исключен из партии и восстановлен ЦК ВКП(б), второй раз был объявлен выговор за идеологические извращения в своих литературных работах, организацию и руководство университетской троцкистской группой. Находясь в партии, двурушничал. С 1927 г. по день ареста не прекращал связи с троцкистским подпольем»[1]. «Едва ли есть в Казани другие члены партии, – в отчаянии восклицал Корбут, – которые бы так часто и так тщательно проверялись, как я! Едва ли есть в Казани другие члены партии, вся деятельность которых проходила бы под таким сугубым партийным и общественным надзором, как моя!»[2]. Корбут называет себя обреченным человеком: «С 1927 г., когда влип в эту историю, я жить и работать не могу…, и всякая шпана, которая засыпается, она начинает колобродить вокруг моей фамилии. Подковывают, и доказывай, что ты не верблюд»[3].

Постановлением особого совещания при НКВД СССР от 28 июля 1933 г. М.К.Корбут был осужден на три года ссылки в Казахстан по статье 58-10 ч.1. УК РСФСР. Но даже в ссылке он не терял надежды и не прекращал работать. Здесь ему удалось устроиться ученым секретарем государственной публичной библиотеки[4]. Позже он стал организатором и директором одного из вновь созданных исследовательских институтов в Алма-Ате[5]. Корбут подавал прошение о восстановлении его в рядах партии, но Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) решением от 13 декабря 1934 г. отказала ему[6]. С этих пор жизнь его пошла по заранее «предусмотренному» плану, по пути с неизбежным трагическим финалом. Законы того времени были жестоки и безапелляционны. Все те, кто обвинялся в измене Родине, шпионаже, участии в контрреволюционных организациях, подготовке террористических актов, не могли, несмотря на факты, подтверждающие их невиновность и непричастность к этим деяниям, оправдаться

---

[1] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.111.
[2] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.124 об.
[3] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.176.
[4] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.92.
[5] ЦГА ИПД РТ. – Ф.30. – Оп.3. – Д.1579. – Л.6 об.
[6] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.142.

или снять с себя обвинения. 5 января 1935 г. университетская многотиражка «Ленинец» писала: «Надо помнить, что и в стенах нашего университета подвизались со своими антимарксистскими, антисоветскими «теориями» и «теорийками» Корбут, Диковицкий, Слепков. Разоблачать подобных «теоретиков», проявлять непримиримость ко всяким отклонениям в сторону от генеральной линии партии, беспощадно изгонять из рядов партийной организации всех оппортунистов, двурушников, примиренцев − актуальная задача, стоящая перед коммунистами вуза… Большевистская бдительность – не абстрактное понятие. Во всем содержании научно-теоретического процесса мы должны бороться за генеральную линию партии, систематически и безжалостно борясь против троцкистской контрабанды и эмпиризма»[1].

Жена Корбута – Рахиль Вольфовна, − последовала в Алма-Ату в ссылку вслед за мужем, но вскоре вернулась из Алма-Аты в Казань с тревожным сообщением о том, что заключенных собираются расстреливать. Поэтому жене и дочке Корбута Эллочке пришлось как можно скорее уехать. Видимо, Корбут предвидел судьбу ближайших родственников репрессированных, поскольку так настаивал на этом отъезде. Эллочку Корбут взял на себя смелость удочерить близкий друг семьи Корбутов Е.Н.Короваев, профессор, доктор медицины, после гибели Михаила Ксаверьевича ставший мужем Рахили.

7 февраля 1936 г. Корбут был снова арестован по обвинению в «контрреволюционной троцкистской пропаганде», в том, что «в контрреволюционном троцкистском плане толковал политику ВКП(б) и советской власти»[2], «…на квартире устраивал совещания контрреволюционной троцкистской группы, где намечались пути и способы дальнейшего развития их деятельности»[3]. Михаил Ксаверьевич виновным себя не признал. Он был осужден и вновь сослан в Казахстан на 3 года, а затем, в период отбытия наказания, особым совещанием при НКВД СССР от 22 июня 1936 г. заключен в лагерь «Ухтпеглаг» сроком на пять лет. Оттуда 29 декабря того же года, по указанию НКВД ТАССР, его эта-

---

[1] Больше партийности в науке // Ленинец. - 1935 – 5 января.
[2] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.92.
[3] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.35л. – Д.245. – Л.148.

пировали в Казань, где привлекли в качестве обвиняемого по делу «правого оппортуниста», профессора кафедры методологии естествознания КГУ В.Н.Слепкова и поместили в Казанскую тюрьму. «Последнее, что я слышала о судьбе Миши, - вспоминала Н.А.Магницкая, - это рассказ Иры Егеревой, дочери профессора Егерева, 25 лет отбывшей в ссылке в Сибири. Много лет спустя она мне рассказала, как, еще находясь в подвалах «Черного озера», однажды утром услышала, что по камерам передали (перестукиваться уже научились): «Я, Михаил Корбут, прибыл сегодня, нахожусь в одиночке»[1].

17 апреля 1937 г. Корбуту, как одному из руководителей «контрреволюционной троцкистской, террористической организации», было объявлено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого по «делу № 2758 – Аксянцева, Шварца и Векслина»[2]. Корбут обвинялся в том, что «состоял членом контрреволюционной, террористической организации, осуществившей 1 декабря 1934 г. злодейской убийство тов. Кирова С.М…; с 1928 г. являлся руководителем контрреволюционной террористической троцкистской организации г.Казани; разделял террористические взгляды и лично высказывался о необходимости совершить террористический акт против т.Сталина; в 1932 г. организовал террористический блок троцкистов с правыми г.Казани; систематически проводил контрреволюционную троцкистскую агитацию, организовал нелегальные совещания; проводил вербовку новых лиц…; … имел личную связь с врагами народа Зиновьевым, Каменевым и Тер-Ваганяном»[3]. Корбут в обвинительном заключении написал: «С обвинением не согласен»[4]. 1 августа 1937 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР М.К.Корбут был расстрелян[5]. Он, видимо, считался по тем временам очень опасным преступником, поскольку в сталинских расстрельных списках состоял в 1-й категории[6].

---

[1] Ключевская Е. Забытая графическая сюита. – С.87.
[2] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-8087. – Л.1.
[3] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-8087. – Л.4.
[4] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-8087. – Л.2.
[5] ЦГА ИПД РТ. – Ф.15. – Оп.2. – Д.491. – Л.13; Справка начальника подразделения КГБ ТАССР Н.Г.Давыдова на М.К.Корбута. Ксерокопия // Музей истории КГУ.
[6] Султанбеков Б.Ф. Татарстан в расстрельных списках Сталина // Эхо веков. – 2003. – № 1/2. – С.108.

Только через 19 лет, 28 июня 1956 г., определением Военной коллегии Верховного Суда СССР М.К.Корбут был реабилитирован, приговор от 1 августа 1937 г. отменен, дело в уголовном порядке прекращено за отсутствием состава преступления. Вопрос о члене ВКП(б) М.К.Корбуте рассматривался в соответствии с постановлением Политбюро ЦК КПСС от 11 июля 1988 г. «О дополнительных мерах по завершению работы, связанной с реабилитацией лиц, необоснованно репрессированных в 30-40-е гг. и начале 50-х гг.»[1]. Бюро обкома КПСС постановило: члена партии с 1920 г. М.К.Корбута реабилитировать в партийном отношении (посмертно)[2]. Таким образом, М.К.Корбута восстановили в рядах партии только в 1989 г.

Молот сталинской репрессии не пощадил ни детей, ни отцов. Наверное, поэтому в документах личного характера М.К.Корбут предпочитал умалчивать о своих близких.

13 сентября 1937 г. НКВД ТАССР был арестован брат Михаила Ксаверьевича – Сергей Корбут, по обвинению в том, что «являлся братом осужденного троцкиста Корбута М.К., с которым поддерживал связь и знал о его контрреволюционной деятельности»[3]. Он был освобожден из-под стражи 26 января 1939 г. за недоказанностью обвинения. В июне 1940 г. С.К.Корбут обращался с письменным заявлением в НКВД ТАССР с просьбой о возврате конфискованного имущества (выяснилось, что имущество было преждевременно распродано). Проверка показала, что в отношении С.К.Корбута как в части его содержания под стражей в течение длительного времени без предъявления ему обвинения, так и в части преждевременной распродажи имущества были допущены грубейшие нарушения социалистической законности. Как указывалось в следственном деле, «виновные в нарушении законности в отношении С.К.Корбута наказаны»[4]. После освобождения Сергей Ксаверьевич жить в Казани не стал[5].

---

[1] ЦГА ИПД РТ. – Ф.30. – Оп.3. – Д.1579. – Л.6 об.
[2] Там же.
[3] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-8087. – Л.230.
[4] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-8087. – Л.230.
[5] Ключевская Е. Забытая графическая сюита. – С.87.

По воспоминаниям родственников, он погиб на флоте[1]. По архивным же документам, в 1971 г. С.Корбут проживал в г.Жданове[2]. Он также, как и его брат, был исключен из рядов ВКП(б). И хотя неоднократно подавал прошения о восстановлении в партии и свидетельствовал о том, что никакого отношения к брату не имеет, что они с братом не были дружны, в партии его так и не восстановили[3].

Отец Михаила – Ксаверий Александрович Корбут, − был арестован 25 марта 1937 г. по обвинению в участии в «контрреволюционной группе», в клевете на советскую власть и ведении фашистской пропаганды. Он был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества 14 ноября 1938 г. [4]. На сегодняшний день фотокопия следственного дела Ксаверия Александровича Корбута выставлена в экспозиции музея С.Сайдашева в Казани[5].

Мать Михаила Корбута – Нина Михайловна, − была арестована 20 августа 1937 г., а 17 октября 1937 г. освобождена из-под стражи, так как в процессе следствия не было установлено достаточных фактов для привлечения ее к судебной ответственности по предъявленным ей обвинениям[6]. Нина Михайловна Корбут, пережив аресты близких и свой собственный арест, не теряла присутствия духа до конца своих дней. Она работала настройщицей пианино в кинотеатрах, а во время войны шила белье для госпиталей. Нина Михайловна не дожила до реабилитации своих близких: она скончалась в январе 1942 г. и похоронена на Арском кладбище Казани.

Итак, история – в том числе и история исторической науки – это всегда и, прежде всего, люди. М.К.Корбут являлся, пожалуй, одной из весьма показательных фигур своего времени. Его судьба представляется достаточно типичной для того поколения молодых советских историков-марксистов, которое,

---

[1] Из беседы с дочерью двоюродной сестры М.К.Корбута Е.П.Ключевской // Архив Е.С.Масловой. - Запись 2003 г.
[2] ЦГА ИПД РТ. – Ф.30. – Оп.3. – Д.1579. – Л.7.
[3] Там же.
[4] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-8087. – Л.230.
[5] Ключевская Е. Забытая графическая сюита. – С.86.
[6] ЦГА ИПД РТ. – Ф.8233. – Оп.2. – Д.2-8087. – Л.231.

появившись и, что называется, «оперившись» в первые послереволюционные годы, так целеустремленно выстраивало свою научную карьеру на протяжении 1920-х – 1930-х гг.

Жизнь М.К.Корбута была короткой и чрезвычайно наполненной интенсивной и разносторонней деятельностью. Зная о серьезных физических недостатках Корбута, можно предположить, что такая активность являлась отчасти своеобразным способом его самоутверждения и повышения собственной оценки, хотя такой «насыщенный» стиль жизни был характерен для многих его современников[1]. Счастлив ли, доволен ли был Корбут достигнутыми результатами? Об этом остается только догадываться. По крайней мере, существование его было не бесцельным, а проводимая работа приносила определенные плоды. Это подтверждает и то творческое наследие, которое оставил Корбут-историк.

[1] Подробно об этом см.: Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. – Казань, 2005. – С.151-154, 380-382.

Научное наследие М.К.Корбута

Корбут − исследователь и публицист

Трансформация политических мировоззрений М.К.Корбута в значительной степени обусловила особенности его научной деятельности. Сферу научных интересов М.К.Корбута составляли достаточно стандартные для того времени темы: история рабочего движения, «летопись» местной большевистской организации, история национального движения в регионе. Поскольку основным исследовательским жанром стала для него журнальная (часто − написанная по заказу того или иного издания) статья, это придавало его работам дополнительную публицистичность и политичность. Корбут активно публиковался на страницах как центральной, так и местной периодики: в столичных журналах «История пролетариата СССР», «Каторга и ссылка», «Красный архив», «Красная летопись», «Новый Восток», «Пролетарская революция», «Революционный Восток», «Советское право»; в казанских периодических изданиях «Вестник просвещения», «Известия общества археологии, истории и этнографии», «Казанский библиофил», «Коммунистический путь», «Красная Татария», «Новое дело», «Ученые записки Казанского университета».

Корбут был не только историком, но и видным партийным функционером. Присутствие идеологических компонентов в каждой работе он считал необходимым и даже обязательным ее атрибутом. Такой подход объяснялся не только воздействием внешних факторов (например, цензуры), но и собственным мировоззрением и мироощущением историка, его «самоцензурированием». В первые годы советской власти, когда остро чувствовался недостаток пропагандистской литературы, М.К.Корбуту приходилось заниматься популяризацией основных положений марксизма-ленинизма. Этому послужили, например, такие ранние его статьи, как «Производительные силы и их роль в обществе», «Метод диалектического материализма в работах Н.Ленина (В.Ульянова) по вопросам права и государства», «Тактика Ленина в эпоху демократической революции: 1905 год», «Этапы развития коммуни-

стической революции в России», «На пути к мировой коммунистической революции»[1]. Помимо озвучивания базовых положений марксистского учения, Корбут в этих статьях позволял себе некоторые тактичные «корректировки» отдельных положений марксизма, указывая, например, на то, что «Маркс не первый открыл первостепенное значение производительных сил» – это было сделано немецким экономистом Фридрихом Листом. «К сожалению, – писал Корбут, – сам К.Маркс ни в одном из своих трудов ясно и точно не упоминает, что он именно разумеет под понятием «производительные силы»[2]. В дальнейшем на такие тонкости уже не обращали внимания.

В подобных популяризаторских работах трудно было уловить оригинальный смысл, отличавший их от того вала пропагандистской литературы, который захлестнул советские периодические издания. Зато сегодня они необычайно ценны для рассмотрения эволюции воззрений самого историка, для сопоставления между собой научного творчества Корбута «раннего», «зрелого» и «позднего».

Обращение М.К.Корбута к «толкованию» марксизма было вполне оправдано и логично. Он вступил в партию большевиков сознательно и обдуманно в возрасте двадцати лет и являлся «идейным» и «убежденным» коммунистом: постулаты марксизма стали основой не только его творчества, но и всей его жизни. В силу своего происхождения, Корбут зачастую невольно дистанцировался от пролетарской массы, хотя и боялся это показать. Но, как и большинство современников, он ощущал себя в роли творца новой эпохи. Он понимал, что распространению марксистско-ленинской идеологии во многом может способствовать умелое и доходчивое изложение ее основных

---

[1] Корбут М.К. Производственные силы и их роль в обществе // К знанию. – 1921. – Кн.1. – С.17-23; Он же. Метод диалектического материализма в работах Н.Ленина (В.Ульянова) по вопросам права и государства // Коммунистический путь. – 1923. – № 4/5 (24-25). – С.25-56; То же. Отдельные оттиски из журнала «Коммунистический путь» за 1923. – Казань, 1923; Он же. Тактика Ленина в эпоху демократической революции: 1905 год // Спутник коммуниста. – 1924. – № 26. – С.186-209; Он же. Этапы развития коммунистической революции в России // Вестник просвещения. – 1922. – № 1-2. – С.119-125; Он же. На пути к мировой коммунистической революции // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.62-64.

[2] Корбут М.К. Производительные силы и их роль в обществе. – С.17.

положений, желательно в виде неоднократно повторяющихся формул-лозунгов, постепенно трансформирующихся в своеобразные символы «веры». Такие лозунги были особенно доступны пониманию малообразованных, малограмотных людей. Неслучайно в работах Корбута использовались такие порожденные и востребованные временем четкие и упрощенные формулировки, как: «Маркс-Энгельс плюс Ленин» исчерпывает содержание марксизма и коммунизма», «Теория Маркса плюс практика пролетарской революции – это и есть ленинизм», «…трудно провести грань между тем, о чем говорил Н.Ленин, и тем, что проделала революция…»[1]. В этой связи даже попутное знакомство читателя с именами С.Л.Франка, М.О.Гершензона, П.Сорокина, Л.П.Карсавина и приводимые Корбутом «выжимки» из работ этих «ренегатов»[2] не должны были смущать неокрепшие еще умы пролетарской массы.

Под влиянием большевистской пропаганды постепенно сформировался «дихотомизм» мышления советского человека, заключавшийся в делении всех и вся на четкие смысловые пары: «свой − чужой», «друг − враг», «пролетарии и беднейшее крестьянство − эксплуататорские классы». Подобный подход к трактовке марксистской теории, по мнению Корбута, был необходим в условиях приближающейся мировой революции. Корбут был убежден в том, что пролетарские массы должны научиться идеологически правильному изложению собственных мыслей. Весьма показательной в этой связи являлась брошюра А.Бочкова «Три года советской власти в Казани: Хроника событий, 25 октября 1917 – 1920 гг.»[3] и разбор-рецензия, данная в предисловии к ней ее редактором М.К.Корбутом. Хроника событий писалась, по словам Корбута, «не кабинетным историком, а борцом и строителем советского государства», бывшим рабочим-портным, на другой день после революции ставшим ответственным «организатором советской пролетарской диктатуры в Казанской губернии» – председателем Казанского губернского революци-

---

[1] Корбут М.К. Метод диалектического материализма. – С.5, 9.
[2] Там же. – С.1-2.
[3] Бочков А. Три года Советской власти в Казани: Хроника событий, 25 октября 1917 – 1920 гг. – Казань, 1921.

онного трибунала. То, что данное сочинение – еще не история советской власти в Казанской губернии и Казани, а лишь материал для истории, не избавляло автора от необходимости четкого и осознанного показа руководящей и направляющей роли большевистской партии. Отсутствие такового явилось, по мнению Корубта, основным недостатком работы, ибо в результате происходящие в регионе события выглядели «слишком спонтанно и хаотично» [1].

Как известно, первым советским историкам приходилось творить в особых условиях. «Рождающейся советской исторической науке не понадобился «пафос дистанции», − писал по этому поводу советский историк Е.Н. Городецкий, − она сразу же взялась за разработку истории Октябрьской революции.»[2] Эта революция, поделившая некогда единое поле российского историописания на советское и эмигрантское интеллектуальное пространство, способствовала появлению так называемой «ситуации пограничья»[3]. Непривычной для отечественного историка была и та ситуация, когда ему приходилось изучать и описывать события, очевидцем или непосредственным участником которых являлся он сам. Те, кто брался писать историю «по горячим следам», сталкивался с целым рядом проблем. Прежде всего, это были трудности теоретического осмысления революционного процесса, а также превалирование описательного подхода, основанного на эмоциях и сводящегося подчас лишь к детальному воспроизведению эпизодов. Первые советские историки Октября не могли опереться на достаточную документальную базу, отличавшуюся видовым разнообразием; приходилось больше надеяться на периодику, источники личного происхождения и свою память. В этой ситуации следовало разрешить принципиальный вопрос о возможности получения полного и объективного исторического знания.

Упомянутые работы Корбута являлись и весьма показательным свидетельством гибкости классового сознания большевиков и его привязанности к

---

[1] Там же.
[2] Городецкий Е.Н. Советская историография Великого Октября: 1917 – середина 30-х гг.: Очерки. – М., 1981. – С.166.
[3] Суханов Н.Н. Записки о революции. – М., 1991. – Т.1. – Кн.1-2. – С.45.

«текущему моменту». К примеру, эпоху военного коммунизма Корбут охарактеризовал в 1921 г. с точки зрения довольно распространенной в ту пору политической установки об априорной идентичности интересов государства и пролетариата. «… Следует централизовать все орудия производства, - писал Корбут, - в руках государства, то есть пролетариата, организованного, как господствующий класс, и возможно скорее увеличить массу производительных сил»[1]. Обстоятельства перехода к НЭПу характеризовались им как досадная задержка в пути: «… взять капиталистическую крепость штурмом не удалось. Причина – «некультурность», часто – как «… гениальнейший маневр»[2]. Описывая современность, Корбут часто прибегал к историческим аналогия, сравнивая, например, героическую оборону Порт-Артура с отступлением большевиков от прямой штурмовой атаки на капитал (военный коммунизм) и переходу к долговременной осаде (НЭП)[3]. Но в этом сравнении Корбут не был оригинален, это были всего лишь перефразированные ленинские формулировки.

Таким образом, в первые годы советской власти комментирование трудов классиков марксизма-ленинизма стало одним из основных направлений научно-публицистической деятельности Корбута. Позднее он несколько отошел от этой проблемы.

Последующее творчество Корбута более самостоятельно, содержательно, а главное – исторично. Например, анализ Корбутом состояния специальных партийных изданий («Вестник агитации и пропаганды»)[4] и определение общих перспектив развития пролетарской газеты в период НЭПа[5] способствовал выработке общей концепции развития советской периодической печати в переходных условиях. С одной стороны, с тревогой констатировал Корбут, пролетарская газета представала в условиях НЭПа безоружной, так как фи-

---

[1] Корбут М.К. Производительные силы и их роль в обществе. – С.22.
[2] Там же. – С.24, 31.
[3] Корбут М.К. Этапы развития коммунистической революции в России. – С.122-123.
[4] Корбут М.К. [Рец.]: Вестник агитации и пропаганды: Двухнедельник ЦК РКП. - 1922. - № 4/5 // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.58.
[5] Корбут М.К. Рупор революции // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.30-35.

нансирование ее не всегда было достаточно. С другой же стороны, в условиях сурового времени «протокольный характер» или «бестолковый трезвон» по текущему моменту постепенно сходил со страниц местных партийных газет, их «пролетарская линия» раз и навсегда «выпрямлялась», очевидной становилась необходимость будничной борьбы не только за общие идеалы рабочего класса, но и за повседневное реальное улучшение его положения. Газета становилась реальной защитницей интересов пролетариата, что делало ее особо притягательной в его глазах и всемерно способствовало расширению читательской аудитории[1]. Корбут провозглашал отход от бесшабашной героики первых послереволюционных лет и предлагал финансовые затруднения периодических изданий решать за счет привлечения бесплатного труда народных корреспондентов.

Большое внимание уделял Корбут исторической проблематике, в частности, истории революционного и национально-освободительного движения. Одной из наиболее значительных его работ является статья «Революционное движение в России перед войной в оценке Департамента полиции 1911-1913 гг.», изданная в 1926 г.[2] М.К.Корбут не ставил перед собой задачи дать исчерпывающий ответ на вопрос о том, как Департамент полиции и его органы на местах оценивали настроения и события 1910-1913 гг., но им были осуществлены первые подходы в этой практически не исследованной на тот момент области. Находясь в творческой командировке в Ленинграде с 20 декабря 1925 г. по 20 февраля 1926 г.[3], Корбут начал знакомиться с материалами Департамента полиции, которые, по его собственным словам, «были почти никому не известны, и почти никто их еще не исследовал»[4]. Это позволило историку подвергнуть критике за использование недостоверных фактов вышедшие к тому времени работы И.А.Реницкого «Русское рабочее движение и

---

[1] Там же. – С.35.
[2] Корбут М.К. Революционное движение в России перед войной в оценке Департамента полиции 1911-1913 гг. // Ученые записки Казанского университета. – 1926. – Кн.2. – Т.86. – С.340-366.
[3] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.36л. – Д.14. – Л.8.
[4] Корбут М.К. Революционное движение в России… – С.341.

РСДРП накануне войны» и «Революционное движение военных годов»[1] и С.А.Пионтковского «История рабочего движения в России»[2]. М.К.Корбут отметил чрезвычайно важную особенность привлеченных им материалов охранных отделений – разнообразие и многослойность содержащейся в них информации. Сведения, собранные царской охранкой, охватывали все стороны общественно-политической жизни страны, поскольку, по словам Корбута, «…через очки департамента полиции смотрели на современность глаза правительства России»[3]. В результате происходило накопление огромного массива документов. Однако качество этого материала нередко было обратно пропорционально его количеству[4]. Подчас простой слух изображался агентами охранки как достоверный факт. Множество ошибок проистекало как от их невежества, так и от стремления преувеличить значение своей деятельности, роль и влияние тех «оппозиционных» организаций, за которыми велась слежка. Мог ли Корбут тогда предположить, что всего через несколько лет ему придется воочию наблюдать процесс создания судебно-следственных документов в системе советских правоохранительных органов и стать не только главным действующим лицом, но и автором некоторых из них?

В 1928 г. в «Ученых записках Казанского университета» была опубликована еще одна статья М.К.Корбута, посвященная революционной тематике: «Казанские рабочие перед Октябрьской революцией». Источниковой основой для нее послужили материалы фонда старшего фабричного инспектора Казанской губернии, в том числе донесения фабричного инспектора городскому голове, жалобы рабочих на имя фабричного инспектора, их воспоминания, а также периодическая печать тех лет: газеты «Кызыл Байрак» («Красное знамя»), «Пути революции», «Камско-Волжская Речь». Большинство источников впервые было введено Корбутом в научный оборот.

---

[1] Реницкий И.А. Русское рабочее движение и РСДРП накануне войны. – М., 1923; Он же. Революционное движение в России. – М., 1925.
[2] Пионтковский С.А. Краткий очерк истории рабочего движения России: (с 1870 г. по 1917 г.). – Л., 1925.
[3] Корбут М.К. Революционное движение в России… – С.342.
[4] Там же.

М.К.Корбут стремился не столько описать забастовку алафузовцев, произошедшую в июне 1917 г., и забастовку металлистов 5 октября 1917 г., сколько показать влияние событий, происходивших в Казани, на общую революционную ситуацию в стране, и, тем самым, обосновать тезис В.И.Ленина о вызревании к лету 1917 г. общероссийского кризиса. Так, Корбут привел официальную сравнительную ведомость средних цен в Казани в 1914 и в июне 1917 гг. Эти данные он сравнил с цифрами, характеризующими уровень заработной платы рабочих, и сделал вывод о значительном снижении прожиточного минимума. Характерно, что, чем ближе приближался автор к событиям октября 1917 г., тем меньшее внимание уделял он архивным свидетельствам. Их место прочно заняли обязательные для того времени идеологические штампы («казанские рабочие шли нога в ногу со всем пролетариатом России накануне Октября», «большевики неустанно работали над выковыванием правильной политической линии казанских рабочих»[1] и пр.). В дальнейших работах историка их становилось все больше и больше.

Рабочее движение в крае, по мнению Корбута, развивалось в тесной связи с движением национальным. Проблеме национального движения татарского народа М.К.Корбут посвятил очерк «Национальное движение в Волжско-Камском крае»[2], в котором анализировалась деятельность съездов Волжско-Камского края, проходивших между февралем и октябрем 1917 г. Заслуга М.К.Корбута заключалась в том, что он не только собрал воедино материалы общероссийских и губернских мусульманских и крестьянских съездов, но и дал характеристику каждому из них, проанализировал их роль и вклад в национальное движение. Значительное место в исследовании занял обзор национального движения башкир, чуваш, марийцев, удмуртов, мордвы. Корбут составил хронологию всероссийских съездов национальностей Волжско-Камского края и подробно остановился на обзоре материалов июньского

---

[1] Корбут М.К. Казанские рабочие перед Октябрьской революцией // Ученые записки Казанского университета. – 1928. – Кн.1. – Т.88. – С.114.

[2] Корбут М.К. Национальное движение в Волжско-Камском крае // Революционный Восток. – 1929. – № 7. – С.163-210.

общечувашского национального съезда, которые были изданы, но, «к сожалению, оказались не полными»[1].

Конечно, выводы автора о том, что борьба против правительства Керенского в среде татар велась, главным образом, только социалистами, возглавляемыми Казанским Мусульманским Комитетом и М.Вахитовым, а в татарском национальном движении 1917 г. явственно виделись две основные установки, соответственно двум основным классам, боровшимся внутри этого движения, – буржуазии и трудящихся[2], были достаточно хрестоматийны. Но в то же время Корбут пытался выявить в национальном движении Волжско-Камского края его характерные особенности, обозначить его историческое значение. Не случайно он активно полемизировал с историком М.Сагидуллиным, который, по мнению Корбута, недооценивал роль национальных съездов. Корбут отмечал, что «от имени мелких национальностей Поволжья стали говорить учительство, земские служащие и духовенство, опираясь на верхушку, главным образом, кулацкого крестьянства. Тогда как от лица татар выступила буржуазная интеллигенция, поддерживаемая не только кулацким крестьянством, но и всей татарской буржуазией»[3]. Последняя мечтала о подчинении «под свою руку» других более слабых наций, находившихся на «ее территории». Однако в силу недостаточного знания источников и новизны исследуемой проблематики, Корбут рассматривал национальное движение в Поволжье и на Урале как одно целое, без выявления и дифференциации присутствовавших в нем потоков, тенденций и направлений[4].

В работе «К вопросу об изучении истории пролетариата Татарстана» М.К.Корбут остановился на характеристике быта казанских рабочих и кустарей по отдельным отраслям промышленности, на истоках профессионального движения в регионе, а также на исследовании роста цен на предметы пер-

---

[1] Там же. – С.163.
[2] Там же. – С.181.
[3] Там же. – С.179.
[4] Подробнее об этом см.: Тагиров И.Р. Революционная борьба и национальное освободительное движение в Поволжье и на Урале. – Казань, 1977. – С.28.

вой необходимости в военный период и их влиянии на стачечное движение[1]. В какой-то степени в данном случае можно говорить о влиянии начавшейся индустриализации на проблематику исследований Корбута, поскольку рассматриваемые сюжеты могли еще рельефнее оттенить и противопоставить приниженное состояние рабочего класса при царизме его современному состоянию в условиях целенаправленного «вхождения» в социализм.

Вообще говоря, при обращении ко многим фактам дореволюционной российской истории у Корбута можно наблюдать попытки создания особой атмосферы недоверия к прошлому. История дореволюционной России должна была вызывать сожаление или неприязнь (смотря о ком или о чем шла речь), а тезис «было плохо – стало хорошо» становился основополагающим при проведении такого рода сопоставления. «Остракизму» подвергались и политические, и государственные, и общественные деятели, персонифицировавшие, по мнению Корбута, это ненавистное прошлое. В этой роли выступил у него, например, граф Витте, злонамеренность помышлений которого заключалась, в частности, в нелицеприятном сравнении в его мемуарах революционеров, людей честных, почти героев, с черносотенцами, для которых цель оправдывала средства[2]. В то же время Корбут использовал воспоминания Витте для разоблачения царского режима, причем устами людей, наиболее близких к нему. Ведь даже и этот «наилукавейший из царедворцев» мог позволить себе язвительные характеристики в адрес монаршей особы[3].

Одной из наиболее разработанных Корбутом исторических проблем являлась проблема разработки дореволюционного страхового и рабочего законодательства в период деятельности III и IV Государственных Дум[4]. Поли-

---

[1] Корбут М.К. К вопросу об изучении истории пролетариата Татарстана // История пролетариата СССР. – М.,1930. – Сб.3-4. – С.138-156.
[2] Там же. – С.98.
[3] Корбут М.К. Царизм по мемуарам гр.Витте // Коммунистический путь. – 1922, декабрь. – № 13 (20). – С.97-99.
[4] Корбут М.К. Работа Н.Г.Полетаева в III Государственной Думе // Красная летопись. – Л., 1931. – № 2 (41). – С.166-191; Он же. Рабочая политика IV Государственной Думы // Красная летопись. – М., 1931. – № 5/6. – С.76-103; Он же. Рабочее законодательство III Государственной Думы // Ученые записки Казанского университета. – 1923. – Т.85. – Кн.2.

тическая заданность четко маркировала весь представленный историком материал. «… Не явится ли рабочее законодательство тем орудием спасения, которое выведет капитализм из опасностей усилившейся классовой борьбы?» – задавался он вопросом[1]. Освещение социал-реформистских процессов на Западе, когда в 20-е гг. XX в. «… государственная власть везде начинает, хотя бы в минимальной степени, но все же брать на себя охрану экономически слабого», подавалось как «… уступка со стороны буржуазии своему классовому врагу…»[2]. Итоговый вывод: «… рабочее законодательство не удалось Третьей Государственной Думе…»[3] был априори задан формулой, обозначенной в начале статьи: «Рабочее законодательство – это дело капитала, который дает свою санкцию тем или иным законопроектам, государственная же власть ставит на них лишь юридический штамп»[4]. Тем самым констатировалась принципиальная невозможность создания рабочего законодательства в царской России из-за противодействия национальной буржуазии.

Излишняя идеологизация не только снижала научную значимость работ Корбута, но делала «излишним» весь кропотливо собранный им фактический материал. Но иной раз буквальное следование за источником могло привести к неожиданным результатам. Корбут, например, имел неосторожность обмолвиться о том, что в случае благоприятного осуществления «законопроекты из области рабочего законодательства могли способствовать постепенному реформированию всей машины русского государства… сверху и изнутри», но тут же пресекал какие-либо надежды обозначением принципиальной невозможности данного варианта из-за «парламентского кретинизма»[5].

– С.327-347; То же. Оттиск. – Казань, 1925; Он же. Страховые законопроекты III Государственной Думы // Сборник истсоцстраха. – 1928. – С.15-21.

[1] Корбут М.К. Рабочее законодательство III Государственной Думы. Оттиск. – С.5.

[2] Там же. – С.1.

[3] Там же. – С.22.

[4] Там же. – С.1.

[5] Там же. – С.18.

Статья «Как создавались царские страховые законы»[1] была приурочена Корбутом к 15-летнему «юбилею» страховых законов, принятых Государственной Думой 23 июня 1912 г. Рассуждения автора предваряла цитата из К.Маркса, изначально задающая тон исследованию: «… буржуазное законодательство, даже касаемое защит прав лиц наемного труда, будет прямо враждебным им же…»[2]. Последующие рассуждения автора были нацелены на изощренное выискивание скрытых побудительных мотивов, вынуждающих правительства Германии и России «вступить на дорогу принудительного страхования». Германия была упомянута здесь не случайно. Именно в этой стране были приняты в 1883 г. законы о страховании на случай болезни, в 1884 г. – от несчастных случаев, в 1889 г. – на случай инвалидности и старости. Действия германского правительства, по Корбуту, подлежали многократному порицанию как в силу их поражающей лицемерности (принудительное страхование Корбут называл «практическим христианством»)[3], так и из-за их последующего развращающего влияния на немецкую социал-демократию («именно благодаря правительственным реформам среди социал-демократии усилилось оппортунистическое крыло»)[4]. Российская действительность была иной. Корбут указывал на слабость российской промышленности и на неприятие российскими промышленниками законодательных «новаций» самодержавия[5].

Продолжая тему в 1928 г. статьей «Страховые законы 1912 г. и их проведение в Петербурге»[6], Корбут писал: «… Редко кто помнит теперь, что при при царском режиме были какие-то страховые законы! Большинство привыкло думать, что страховые законы явились естественным плодом только

---

[1] Корбут М.К. Как создавались царские страховые законы: (К 15-летию страховых законов 23 июня 1912 г.) // Советское право. – 1927. – № 3 (27). – С.48-67.
[2] Там же. – С.48.
[3] Там же. – С.54.
[4] Там же. – С.49.
[5] Там же. – С.53.
[6] Корбут М.К. Страховые законы 1912 г. и их проведение в Петербурге // Красная летопись. – 1928. – № 1 (25). – С.136-171; № 2 (26). – С.157-175.

Октябрьской революции»[1]. Историк не отрицал, что память о прошлом нужна, но память скорректированная. Соотнесение новых советских законов с дореволюционным рабочим законодательством должно было еще более ярко продемонстрировать успехи советской страны в деле защиты повседневных интересов своих граждан.

Корбут очень боялся, как бы у читателя не сложилось мнение о рабочем законодательстве как орудии спасения, выводящем «капитализм вкупе с монархией из опасностей усиливавшейся классовой борьбы»[2]. Он пытался обосновать «гибкую» политику большевиков-ленинцев, которые одновременно агитировали против думского законодательства и в то же время использовали его в своих целях – вели антиправительственную пропаганду, скажем, в больничных кассах[3]. Корбут разделял тот агрессивный популизм, который звучал в декларации социал-демократической фракции Думы от 7 декабря 1912 г.: «В интересах представляемого нами рабочего класса мы будем отстаивать введение 8-часового рабочего дня, широкого рабочего законодательства, государственного страхования рабочих от болезней, несчастных случаев, инвалидности, старости, безработицы для всех категорий трудящихся за счет государства и предпринимателей с гарантией полного самоуправления трудящихся»[4]. Выступления социал-демократов лишний раз напоминали пролетариату, что «… достичь действенной свободы союзов, стачек и собраний, получить удовлетворительное рабочее законодательство можно только путем свержения самодержавия»[5].

В рамках данной проблематики М.К.Корбутом были написаны и опубликованы также такие работы, как «Царское законодательство о наемном труде в сельском хозяйстве: (К 45-летию первого закона)»[6] и «Рабочее зако-

---

[1] Там же. – № 1 (25). – С.136.
[2] Там же. – С.139.
[3] Там же. – С.159.
[4] Там же. – С.80.
[5] Корбут М.К. Работа Н.Г.Полетаева в III Государственной Думе. – С.188.
[6] Корбут М.К. Царское законодательство о наемном труде в сельском хозяйстве: (К 45-летию первого закона) // Известия правового факультета Азербайджанского государственного университета имени В.И.Ленина. – 1928. – Вып.III. – С.28-43.

нодательство Временного правительства»[1]. В первой статье приводились многочисленные факты о нещадной эксплуатации сельскохозяйственных рабочих в России: «на одном из помещичьих съездов говорилось, что количество харчей для рабочих в имениях нередко бывает такое, что трудно определить, какому виду домашних животных они более пригодны, а арест для рабочих не страшен: в тюрьме харчи бесплатны и несравненно лучше…»[2]. Текст второй статьи был сравнительно беден конкретными фактами, зато гораздо жестче в оценочном плане. Так, деятельность Временного правительства характеризовалась здесь как «грубо-фашистская»[3].

К теме страхового законодательства в дореволюционной России М.К.Корбут постоянно и упорно обращался на протяжении многих лет. С конца 1920-х гг. в его работах все более явственно и громко проявлялось грубое, агрессивное неприятие каких бы то ни было инициатив царского правительства в этой сфере. Но до поры до времени свидетельства, почерпнутые из архивных документов, не укладывались в заданную схему. «Момент истины» настал в 1932 г., когда Корбутом была опубликована статья «Большевики в страховой кампании и борьба с меньшевиками», посвященная 20-летию страховой кампании 1912 г.[4] Как оказалось, и прохождение страховых законопроектов в Государственной Думе, и «страховая кампания» 1912-1914 гг. выявили две непримиримые линии в борьбе за руководство рабочим движением: большевистскую, ортодоксально-марксистскую, ленинскую и меньшевистскую, реформистскую, типично буржуазную[5]. Корбут тщательно расставил смысловые акценты, вскрывая «подлинную» сущность происходящего. Все стало просто и ясно и не требовало дальнейших разъяснений. Кстати говоря, в этих статьях вновь проявилась та нарочитая простота, изредка пе-

---

[1] Корбут М.К. Рабочее законодательство Временного правительства // Советское право. – 1928. – № 4 (34). – С.5-82.
[2] Корбут М.К. Царское законодательство… – С.39.
[3] Корбут М.К. Рабочее законодательство Временного правительства. – С.5.
[4] Корбут М.К. Большевики в страховой кампании и борьба с меньшевиками // Красная летопись. – 1932. – № 3 (48). – Ч.1. – С.135-164; Ч.2. – С.55-77.
[5] Там же. – Ч.1. – С.137.

реходящая в брутальность, свойственная литературному стилю Корбута («освобождение рабочих масс из-под влияния предательского и презренно-бессильного либерализма», «… один из обычных образчиков меньшевистско-ликвидаторской программы «борьбы медленным шагом, робким зигзагом»…»).

Тем не менее, нельзя отрицать, что труды М.К.Корбута явились определенным вкладом в развитие отечественной историографии этой проблемы. Вызывает уважение, прежде всего, тот огромный труд, который был проделан историком по сбору и введению в научный оборот новых источников. Вероятно, автор предполагал объединить собранный материал в книге, но не сумел или не успел сделать этого.

Статьи, написанные Корбутом в рамках другой интересовавшей его-проблематики − истории науки, образования, студенчества, − в содержательном плане сильно уступали исследованиям автора по истории революционного движения и рабочего законодательства. Работая над монументальным трудом «Казанский государственный университет за 125 лет», Корбут, скорее всего, просто не имел достаточно времени и сил, чтобы распылять себя на отдельные небольшие работы, предназначавшиеся для журнальной периодики. Однако нельзя не отметить явно прослеживаемой эволюции содержания и формы статей, посвященных «новому» коммунистическому студенчеству и Казанскому университету.

Публикации начала 1920-х гг. отличались повышенной эмоциональностью и пропагандистской риторикой с характерным для Корбута использованием митинговых лозунгов. Так, в статье «Высшая школа и комстуденчество»[1] автор безапелляционно заявил: «Академическая работа комстуденчества – успешное усвоение возможно в короткий срок максимума знаний»[2] (программа-минимум), а в перспективе – «вытеснение и замена современной буржуазной преподавательской корпорации высоко квалифицированными

[1] Корбут М.К. Высшая школа и комстуденчество // Коммунистический путь. – № 8 (15). – С.15-18.
[2] Там же. – С.16.

научными советскими работниками»[1] (программа-максимум). Эта и другие статьи по данной проблематике[2] поразительно бедны конкретными фактическими данными. Представляется, что со стороны М.К.Корбута это был сознательный ход, заключавшийся в стремлении создать простой, «работающий», призванный принести конкретную пользу в качестве революционной «агитки» текст, выполненный, однако, в привычном формате научной публикации.

Статьи М.К.Корбута середины 1920-х гг. отличало не только пафосное озвучивание официальной линии партии и правительства в отношении студенчества, но и определенный конформизм. Скажем, в работе «5 лет рабочего факультета КГУ»[3] Корбут откровенно открестился от своего студенческого прошлого: «… Прежний студент хорошо знал «Gaudeamus». Новый студент его совершенно не знает, даже нередко и по названию. Новый студент поет общепролетарский гимн «Интернационал», чем он подчеркивает свое органическое сродство с рабочим классом, задачами коего живет и к целям которого стремится…». Эти рассуждения завершал вполне логичный вывод: «… и не надо создавать было никакого своего гимна, ибо если и есть какие-либо у студенчества свои студенческие интересы, то они… ничтожны перед интересами общепролетарскими…»[4]. Попутно Корбут «обрушился» и на привычные для дореволюционной высшей школы требования автономии: «лозунг профессуры «автономия Высшей Школы», собиравший еще в 1921-1922 гг. значительные кадры всего антиреволюционного, сошел со сцены. Советизация высшей школы, начавшаяся с верхушки, – вот что заменило автономию…»[5].

---

[1] Там же.

[2] Корбут М.К. Наше студенчество // Новое дело. – 1922. – № II-III. – С.140-144; Он же. О коммунистической этике // Коммунистический путь. – № 1(21). – 1929. – С.47-50; Он же. Работа комстуденчества // Там же. – С.79; Он же. Первое мая и студенчество // Голос пролетарского студенчества. – 1924, май. – С.3-5.

[3] Корбут М.К. Рабочие факультеты и высшая школа // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань, 1924. – С.11.

[4] Там же. – С.9.

[5] Там же. – С.12.

В работе «Первое мая и студенчество» М.К.Корбут назидательно вещал: «… было время, когда студенчество стремилось создать из себя какую-то самостоятельную политическую единицу, тянулось к тому, чтобы попытаться руководить политическими событиями, взять их отчасти даже в свои руки»[1]. Сейчас же, в условиях торжества принципа коллективизма, «не следует проявлять враждебный сепаратизм, наоборот – требуется все больше тесный и крепкий союз науки и труда»[2]. Такой «союз» призваны были обеспечить и даже воплотить собой учащиеся рабфака, нового пролетарского типа учебного заведения, где «интересуются не только прохождением студентами учебного материала и, не в меньшей степени, следят за студентами с точки зрения ценности их в общественном отношении»[3]. В данном случае Корбут являлся выразителем голоса «нового» студенчества – агрессивного и молодого, не всегда обремененного интеллектуальным багажом, усвоение знаний которым, по словам А.В.Луначарского, «принимало весьма болезненный характер»[4].

С 1922 г. М.К.Корбут принимал активное участие в разработке в рамках ленинианы темы «Ленин и Казанский университет»[5]. Как и его современники, он внес значительный вклад в прижизненную канонизацию образа вождя, в процессе которой мифологизировались, дополнялись красочными деталями и «воспоминаниями» очевидцев факты из биографии Ленина, в том числе и сюжет студенческой сходки 4 декабря 1887 г. Знаменитый диалог пристава и молодого Володи Ульянова о «гнилой стене», введенный в оборот сестрой Ленина А.Елизаровой, был чрезвычайно удобен в силу минимализа-

---

[1] Корбут М.К. Первое мая и студенчество. – С.3.
[2] Там же.
[3] Корбут М.К. Об учетной кампании на рабфаках // Голос пролетарского студенчества. – 1924, май. – № 2. – С.21-22.
[4] Корбут М.К. Из речи А.В.Луначарского студентам рабфака 2 октября 1924 г. в Казани // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань, 1924. – С.7.
[5] Корбут М.К. В.И.Ульянов в Казанском университете // Новое дело. – 1922. – № 1. – С.10-20; Он же. Студенческое движение в Казани в 80-е гг. и Ленин // Каторга и ссылка. – 1929. – Кн.56. – С.7-23; Он же. Казанские революционное подполье конца 80-х гг. и Ленин // Там же. – 1931. – Кн.8-9 (81-82). – С.7-10 и др.

ции содержания и максимального увеличения пропагандистского эффекта. Он приводился, и не раз, в статьях Корбута[1].

В начале 1920-х гг. М.К.Корбут смело использовал в полемике аргументацию своих потенциальных противников и широко цитировал даже тех, кого считал своими идеологическими оппонентами. Так, например, по поводу образа вождя он привел слова К.Каутского 1896 г.: «… у нас есть вожди, и в значительной мере от качества наших вождей зависит, будет ли наш путь к победе длинным или коротким, будет ли он покрыт шипами или удобен»[2]. Такие цитаты выглядели особенно ярко среди унылого однообразия советского идеологизированного метатекста.

В дальнейшем, при обращении к теме «Ленин и университет» Корбут акцентировал внимание на тех или иных моментах, исходя из актуальных политических потребностей времени. Скажем, в статье «Казанское революционное подполье конца 80-х гг. и Ленин»[3] он достаточно жестко обозначил свое негативное отношение к народничеству: «Казань была старым народническим гнездом»[4]. Заметим при этом, что за несколько лет до этого позиция автора по данному вопросу была намного лояльнее и спокойнее[5].

Корбут – рецензент

Одним из особых направлений творческой деятельности М.К.Корбута являлось рецензирование научных монографий, статей и журналов. Профессионально и оперативно написанные рецензии, выполняя важную информационную функцию, часто выходили за рамки оценки одной работы, своевременно определяя те или иные тенденции, возникающие в исторической науке.

---

[1] Там же.
[2] Корбут М.К. В.И.Ульянов в Казанском университете. – С.9.
[3] Корбут М.К. В.И.Ульянов в Казанском университете. – С.9.
[4] Там же. – С.7.
[5] См., например: Корбут М.К. А.П.Щапов как родоначальник материалистического понимания русской истории: Речи, произнесенные на торжественном заседании Совета Казанского университета имени В.И.Ульянова, посвященные X-летию Октябрьской революции. Приложение к 1 книге «Ученых записок Казанского государственного университета» за 1928 г.

Рецензии, написанные Корбутом, обычно публиковались в критико-библиографическом журнале «Казанский библиофил», в ежемесячном журнале «Коммунистический путь», являвшемся органом ОК РКП(б) ТАССР, а также в журнале Ленинградского института истории ВКП(б) «Красная летопись». Деятельность Корбута-рецензента четко подразделяется на два периода. Первый период охватывает 1921–1923 гг., второй – 1930-1933 гг. Эти периоды отличаются не только подходами Корбута к рецензируемой литературе, но и самой тематикой рецензируемых изданий. Почти семилетний перерыв в рецензировании объясняется тем, что в начале 1920-х гг., в ходе становления отечественной историографии, плюрализм мнений и борьба различных подходов спровоцировали в периодической печати активную научную полемику, которая являлась своего рода стимулом к развитию Корбута как ученого. Кроме того, Корбут писал рецензии в большинстве случаев «по долгу службы», зарабатывая тем самым себе на жизнь. А к середине 1920-х гг. сфера научной деятельности и административной работы историка значительно расширилась, и, скорее всего, Корбут отошел от рецензирования просто из-за недостатка времени.

Рецензии, написанные Корбутом с 1921 по 1923 гг., носили явно агитационный характер. Данным обстоятельством объясняется и многочисленность, и разноплановость рецензировавшихся Корбутом изданий. Кроме того, Корбут в этот период являлся сотрудником «Казанского библиофила», и рецензирование входило в круг его обязанностей. Основными критериями научной состоятельности рецензируемых изданий Корбут считал их доступность пониманию, политическую грамотность и верную идеологическую направленность. Его задача как рецензента заключалась, прежде всего, в популяризации в большинстве своем хорошо «отцензурированной» литературы, поэтому критика ограничивалась положительной оценкой, а авторская позиция, как правило, отсутствовала.

Ярко выраженный «заказной», политический характер рецензий во многом объяснял упрощенно-публицистичный стиль автора. По мнению

Г.З.Иоффе, данное обстоятельство являлось ощутимым недостатком отечественной критической литературы 1920-х гг., заключавшемся в «преобладании полемическо-публицистического элемента над научным анализом», в замещении «сильной аргументации» «сильными выражениями»[1]. Об этом же свидетельствовала и первая рецензия Корбута, опубликованная в 1921 г. в первом номере «Казанского библиофила». Характеризуя работу В.П.Волгина «Революционный коммунист XVIII в.: (Жан Мелье и его «Завещание»)», вышедшую в Москве в 1919 г., Корбут отметил ее доступность пониманию широкими массам, «которые сейчас так жаждут перейти от митингов и брошюрок по текущему моменту к более серьезной и содержательной литературе»[2]. Упрощенная, популистская трактовка важнейших исторических и политических вопросов являлась основным критерием положительной оценки рецензируемых Корбутом работ.

В 1921-1923 гг. Корбут практически не обращался к критике крупных исторических или правовых исследований. В поле его зрения попадали сборники статей, периодические издания и даже календари. Все это были по преимуществу популярные работы, небольшие по объему, тематика которых ограничивалась вопросами недавнего прошлого или насущными проблемами современности − революционными событиями Октября 1917 года, гражданской войны в России, историей эмиграции, современным международным положением, религиозной проблематикой. Особое место в перечне рецензировавшихся Корбутом работ занимали труды теоретиков марксизма и исследования по истории социализма.

Из работ, посвященных революционной проблематике, Корбут особо отметил «Хронику революции» В.И.Максакова и Н.Немедова [3]. «Еще два-три года тому назад, – писал Корбут, – казалось несбыточной мечтой издание не

---

[1] Иоффе Г.З. Некоторые вопросы критики буржуазной историографии Октября в советской исторической литературе // История и историки. – М., 1975. – С.58.

[2] Корбут М.К. [Рец.]: Волгин В.П. Революционный коммунист XVIII в.: (Жан Мелье и его «Завещание»). - М., 1919 // Казанский библиофил. – 1921. – № 1. – С.64.

[3] Корбут М.К. [Рец.]: Максаков В.И., Немедов Н. Хроника революции. - Вып.1. - 1917 г. - М., 1923 // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.174.

только каких-нибудь исторических материалов, но даже просто хроники. Не было не материальных возможностей, ни досуга». Вышедшая «Хроника», по мнению рецензента, создавала своеобразный фон «богатому событиями 1917 году» и могла служить «справочником для лекторов, студентов, партийных и газетных работников»[1]. Критических замечаний к этой работе у Корбута не оказалось.

Сразу две рецензии на работы по истории гражданской войны и белого движения в России Корбут опубликовал в одном из номеров «Казанского библиофила», полагая, что эти книги удачно дополняют друг друга. В рецензии на книгу Г.Раковского «Конец белых: От Днепра до Босфора: (Вырождение, агония и ликвидация)» Корбут не высказал критики в адрес автора и охарактеризовал данное издание «как живо и популярно написанное», подчеркнув необходимость публикации этой работы в России. «С характером интервенций, - писал Корбут, - следует познакомиться ближе, тем более, что автором все время характеризуется роль Франции и Англии в Крымской авантюре» [2]. Работе В.Белова «Белое похмелье: Русская эмиграция на распутье» Корбут также дал высокую оценку. Автору, по мнению Корбута, блестяще удался «опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время» [3]. «Если книга Г.Раковского… представляет собой изложение жизни «наших в Крыму», то эта брошюра представляет собой как бы дальнейшее продолжение ее и описывает уже «наших за границей»[4]. Недостаток данного издания, по мнению критика, заключался лишь в трудности языка, которым была написана книга.

Из исследований, посвященных международным отношениям советского государства, внимание Корбута привлекли книга М.Павловича «Советская Россия и капиталистическая Америка», вышедшая в Москве в 1922 г. в

---

[1] Там же.
[2] Корбут М.К. [Рец.]: Раковский Г. Конец белых: От Днепра до Босфора. (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921 // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.176-177.
[3] Корбут М.К. [Рец.]: Белов В. Белое похмелье: Русская эмиграция на распутье. М.;Пг., 1923 // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.175-176.
[4] Там же. – С.175.

рамках серии «РСФСР в империалистическом окружении», и книга «Япония на русском Дальнем Востоке», составленная к четвертой годовщине появления японских войск в Сибири и предназначенная для китайских, японских и американских читателей (издана одновременно на английском, французском и русском языках)[1]. Книгу Павловича Корбут охарактеризовал как «блестяще написанную» и «изобилующую массой экономических и политических данных»[2]. Во второй работе, по мнению рецензента, были «отражены все основные моменты происходящего на Дальнем Востоке в тот период»[3]. Автор утверждал, что «брошюра побивает рекорд среди изданий из области внешней политики»[4]. Обе работы носили явно агитационный характер и заслужили высокую оценку критика.

Среди критических статей, посвященных международному положению, особое внимание заслуживает рецензия Корбута на работу Г.Сандомирского «Фашизм»[5]. Тот факт, что Корбут уже в начале 20-х гг. XX века обратился к проблеме набирающего в Европе политический вес фашизма, свидетельствовало о политической прозорливости ученого. Фашизм Корбут охарактеризовал как «продукт, вернее, последыш мировой войны и ее экономических последствий, так как социальная революция в России послужила источником усиления деятельного этого защитника капитализма, объявившего войну материализму и классовой борьбе»[6]. Исследованию Г.Сандомирского Корбут дал высокую оценку, подчеркнув его «нужность», поскольку сведения о фашизме, как об интересном социальном явлении, до

---

[1] Корбут М.К. [Рец.]: Павлович М. (М.Н.Вельтман). Советская Россия и капиталистическая Америка. - М., 1922 // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.111-112; Он же. [Рец.]: Япония на русском Дальнем Востоке: Кровавая эпопея японской интервенции. - М., 1922 // Там же. – С.174.
[2] Корбут М.К. [Рец.]: Павлович М. (М.Н.Вельтман). Советская Россия … – С.112.
[3] Корбут М.К. [Рец.]: Япония на русском Дальнем Востоке. – С.174.
[4] Там же.
[5] Корбут М.К. [Рец.]: Сандомирский Г. Фашизм. - М., 1923 // Коммунистический путь. – 1923. – № 2(22). – С.67.
[6] Там же.

этого «ограничивались лишь краткими газетными сообщениями, обычно не систематизированными и часто даже разноречивыми»[1].

В феврале 1923 г. в ежемесячном журнале «Коммунистический путь» в разделе «Критика и библиография» М.К.Корбут опубликовал рецензию на книгу Г.Носке «Записки о Германской революции: От восстания в Киде до заговора Каппа»[2]. Издание воспоминаний Густава Носке, немецкого социал-демократа, участника революционных событий в ноябре 1918 г. в Германии, Корбут считал не только полезным, но и необходимым. «Государственное издательство, - отмечал Корбут, - сделало чрезвычайно хорошую вещь, издав эту книгу в русском переводе. Пусть смотрит рабочий класс России, какая будущность и его ждала, если бы он не совершил Октябрьской революции»[3].

В связи с введением обязательного преподавания истории социалистических учений на всех уровнях системы образования, в Советской России стали активно публиковаться и первые учебные пособия по этому предмету. Одним из них явились «Лекции по истории социализма» Н.Рожкова. Рецензия Корбута на данное издание была опубликована в том же номере «Казанского библиофила», что и рецензия на работу В.П.Волгина «Революционный коммунист XVIII в.: (Жан Мелье и его «Завещание»)». Эти работы объединяла единая тематическая направленность, и их издание критик находил «своевременным, ценным и необходимым, так как история социалистических учений начала преподаваться везде: в школах 2-й ступени, различных курсах и в высших школах»[4]. Но, несмотря на общую положительную оценку лекций Рожкова, Корбут не согласился с некоторыми выводами и положениями автора, в частности, с его призывом «найти путь к соглашению» тем, «кто сейчас чересчур пылко мечтает о будущей социалистической немедленной рево-

---

[1] Там же.
[2] Корбут М.К. [Рец.]: Носке. Г. Записки о Германской революции: От восстания в Киде до заговора Каппа. - М., 1922 // Коммунистический путь. – 1923. – № 2(22). – С.66.
[3] Там же.
[4] Корбут М.К. [Рец.]: Рожков Н. Лекции по истории социализма. - Пг., 1919 // Казанский библиофил. – 1921. – № 1. – С.80.

люции»[1]. По мнению Корбута, мало кто из российских трудящихся, марксистов, «борющихся против всемирного капитала», мог бы согласиться с подобными пожеланиями. Последнее замечание свидетельствует о том, что Корбут горячо поддерживал идею мировой революции, и, вероятно, действительно разделял политические взгляды Троцкого.

«Повышенный» и во многом инспирированный находящимися у власти большевиками интерес общества к истории социализма во многом определил обращение Корбута к рецензированию появившихся в печати трудов основоположников и теоретиков данного учения. Во втором номере «Казанского библиофила» за 1921 г. Корбут опубликовал рецензию на IV и XIV тома собрания сочинений В.И.Ульянова (Ленина)[2]. Высоко оценивая труды Ленина, Корбут подчеркивал необходимость «подробного изучения по ним не только истории рабочего движения в России параллельно с жизнью и деятельностью самого Ленина, но и истории мирового рабочего движения»[3]. Корбут писал о Ленине, как о признанном вожде международного пролетариата и самой крупной фигуре, верной принципам революционного марксизма. Характеризуя Ленина как признанного вождя, «привлекающего к себе сердца всех пролетариев с пробудившимся классовым сознанием»[4], Корбут особо подчеркивал то обстоятельство, что «изумительно прозревающий вдоль и вглубь аналитический ум» Ленина «не нашел еще массовых ценителей»[5]. Таким образом, рецензия Корбута отразила отчетливо наметившиеся в этот период тенденции к прижизненной канонизации руководителей партии и правительства.

В цикл рецензий Корбута на труды, посвященные истории социалистических учений, входит и рецензия на «Политическое завещание» Ф.Энгельса[6], которое представляло собой выборочные места из переписки

---

[1] Там же.
[2] Корбут М.К. [Рец.]: Ульянов(Ленин) В.И. Собрание сочинений. - Т.IV и XIV. - М., 1920-1921 // Казанский библиофил. – 1921. – № 2. – С.112-114.
[3] Там же.
[4] Там же. – С.114.
[5] Там же.
[6] Корбут М.К. [Рец.]: Энгельс Ф. Политическое завещание: (Из неопубликованных писем). - М., 1922 // Коммунистический путь. – 1923. – № 3(23). – С.67-68.

Энгельса, переведенные на русский язык. Часть писем была опубликована ранее под редакцией В.Адоратского в несколько сокращенном виде и рассчитана на более подготовленного читателя. Значение «Политического завещания» Корбут видел, прежде всего, в том, что его «прочтет с большой пользой для себя всякий рядовой партиец, ибо они (письма – *авторы*) касаются текущих животрепещущих вопросов и показывают, какой глубокой проницательностью обладал один из величайших основателей марксизма»[1]. Корбут также указал и на ряд недостатков опубликованного издания. Во-первых, перевод писем оставлял «желать лучшего, как в точности, так и в литературном отношении». В подтверждение своих слов Корбут привел пример несовпадения перевода одной и той же фразы в работе Адоратского и в данной брошюре. «Конечно, - отмечал рецензент, - приходится доверять первому переводчику, как более себя зарекомендовавшему»[2]. Другой недостаток Корбут усмотрел в отсутствии ссылок на фамилии адресатов Энгельса. Но в целом критик отметил, что «эту брошюру можно рекомендовать каждому интересующемуся вопросами теории и практики марксизма»[3]. Таким образом, критика свелась к чисто техническим замечаниям по переводу оригинала. В целом, очевидно, что Корбут приветствовал и одобрял выход в свет любого такого типа издания и видел собственную задачу в их популяризации.

Корбут откликался не только на выходившие научные работы, но и на издания, касавшиеся различных злободневных вопросов политического характера, в частности, антирелигиозной политики советского государства. Так, он дал положительный отзыв на работу А.Лунина «О делах Тихоновских: (Дело о сопротивление изъятию церковных ценностей в Московском Трибунале)»[4]. Рецензия, по словам самого Корбута, писалась в тот момент,

---

[1] Там же. – С.67.
[2] Там же.
[3] Там же. – С.68.
[4] Корбут М.К. [Рец.]: Лунин А. О делах Тихоновских: (Дело о сопротивлении изъятию церковных ценностей в Московском Трибунале). - М., 1922 // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.68.

когда «церковная контрреволюция переживала, по-видимому, уже свою агонию», знаменовавшую собой ее скорую смерть[1].

Религиозной проблематике посвящена была и рецензировавшаяся Корбутом книга А.А.Сухова «Религия в свете современного знания»[2]. В качестве главного достоинства издания критик отметил использование автором естественно-исторического анализа, ибо без освещения проблем происхождения человека и мира «борьбу с религиозным туманом вести почти невозможно»[3]. Еще одним достоинством работы Корбут считал рассмотренный автором вопрос о сходстве христианства с другими религиями. «Эта книга выводит из большого затруднения антирелигиозника»[4], - заключал он.

Весьма положительно была оценена Корбутом работа Я.Окунева «Смена вех в церкви», вышедшая в Харькове в 1923 г. «Эта небольшая брошюра ценна тем, - отмечал критик, - что она очень удобна для антирелигиозника, ибо представляет собой лекцию, читанную автором, и, таким образом, соответствующий материал приведен в годный для немедленного употребления порядок»[5]. Таким образом, и здесь Корбут проявил себя как истинный партиец, полностью поддерживающий и одобряющий политику большевистского руководства.

В период с 1921 по 1923 гг. Корбут прорецензировал два сборника статей. Сборник «Профессионально-техническое образование в России за 1917-21 гг.»[6] был издан к 29 января 1922 г. − 2-летнему юбилею Главпрофобра. По По мнению критика, заголовок сборника не соответствовал его содержанию, так как в сборнике была дана характеристика деятельности Главпрофобра, вопросы же развития профессионально-технического образования в России

---

[1] Там же. – С.68.
[2] Корбут М.К. [Рец.]: Сухов А.А. Религия в свете современного знания. - Одесса, 1922 // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.108.
[3] Там же.
[4] Корбут М.К. [Рец.]: Сухов А.А. Религия в свете современного знания. – С.108.
[5] Корбут М.К. [Рец.]: Окунев Я. Смена вех в церкви. - Харьков, 1923 // Коммунистический путь. – 1923. – № 3(23). – С.68.
[6] Корбут М.К. [Рец.]: Профессионально-техническое образование в России за 1917-21 гг.: Юбилейный сборник под редакцией О.Г.Аникст. - М., 1922 // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.67-68.

рассматривались поверхностно и бегло. Это был «один из очень многих примеров того, как не надо печатать отчеты с большими потугами, но малым содержанием»[1].

Сборнику статей и воспоминаний «Пять лет», выпущенному издательством агитационно-пропагандистского отдела Харьковского Губкома КП(б)У[2], Корбут также дал невысокую оценку. Опубликованные в нем статьи были неоригинальны и более походили на газетные. Вторая часть сборника – «Вечеру воспоминаний» − была особо интересна рецензенту, поскольку Корбут не раз устраивал такие вечера при Казанском Истпарте весной 1921 г. Несмотря на в целом положительную оценку этого раздела, в рецензии отмечалось, что «часть эта скорее годится для специального исторического журнала, нежели для юбилейного сборника»[3]. Критик полагал, что такого рода сборник можно было составить гораздо лучше: «Так составленный сборник издавать не следовало бы и к тому же – к октябрьской годовщине»[4].

Активно откликался Корбут на выход отечественных периодических изданий. Так, осенью 1921 г. в «Вестнике просвещения» появилась его рецензия на журнал «Мысль» – двухнедельник студентов Нижегородского университета[5]. Корбут подверг журнал резкой критике за «неопределенность, ность, невысказанность, разношерстность материала»[6]. В результате издателям не удалось ни охарактеризовать современного состояния студенчества, ни отразить его творческих способностей. Вывод рецензента был эмоционален и категоричен: «Чем так портить белую бумагу, лучше уж ничего не издавать»[7].

---

[1] Корбут М.К. [Рец.]: Профессионально-техническое образование в России. – С.68.
[2] Корбут М.К. [Рец.]: Пять лет: Сб. статей и воспоминаний. - Харьков, 1922 // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.174.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Корбут М.К. [Рец.]: Мысль: Двухнедельник студентов Нижегородского университета. - 1921. - № 1 // Вестник просвещения. – 1921. – № 4/5 (сентябрь-октябрь). – С.149-150.
[6] Там же. – С.149.
[7] Там же. – С.150.

В 1922 г. в третьем номере «Казанского библиофила» Корбут дал оценку двухнедельнику ЦК РКП(б) «Вестник агитации и пропаганды»[1]. В рецензии он обратился к характеристике партийных изданий, имевших в то время довольно узкий круг читателей. «Ежедневная пресса, - писал Корбут, - не имеет возможности продолжительное время и более или менее подробно и всесторонне фиксировать внимание читателя на современных событиях. Отдав дань злобе дня, она часто к ней более и не возвращается, отвлекаемая другими темами»[2]. В отличие от «ежедневной прессы», «Вестник агитации и пропаганды» ЦК РКП, издававший тематические выпуски и составленный «видными и компетентными работниками коммунистической партии», представлял «цельную картину происходящего»[3], поэтому мог служить образцом для агитационно-пропагандистских журналов на местах, «которым еще много и долго надо работать, чтобы хоть отчасти походить на него»[4].

После долгого перерыва, спустя семь лет, Корбут вновь обратился к рецензированию: в 1930 г. в сборнике «История пролетариата СССР»[5] появилась его рецензия на брошюру Л.Рубинштейна «В борьбе за ленинскую национальную политику». Рецензии, написанные в период с 1930 по 1933 гг. (последняя из них была опубликована незадолго до его ареста), качественно отличались от критических работ «раннего» Корбута: упрощенно-схематизированный стиль сменился строго научным языком, круг рецензируемых работ не только значительно сузился, но и приобрел четко выраженную ориентацию (история революционного движения на местах, деятельность региональной партийной организации, история гражданской войны).

Выбор Корбутом рецензируемых изданий объяснялся во многом его собственными научными интересами. В то же время рецензии, написанные

---

[1] Корбут М.К. [Рец.]: Вестник агитации и пропаганды: Двухнедельник ЦК РКП. - М., № 4-5 (28-29) 15 июня и № 6 (30) 1 июля 1922 г. // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.58.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Корбут М.К. [Рец.]: Рубинштейн Л. В борьбе за ленинскую национальную политику. Истпартотдел Гатобкома ВКП(б). - Казань, 1930 // История пролетариата СССР. - Сб.3/4. – М., 1930. – С.235-237.

Корбутом и в 1921-1923 гг., и в 1930-1933 гг., объединяет «злободневная», политически актуальная направленность. Так, указанная работа Рубинштейна была направлена против «султангалиевщины» как проявления «групповщины», «великодержавного шовинизма и местного национализма»[1]. Книга С.Лившица «Казань в годы первой революции», выпущенная Татарским научно-исследовательским экономическим институтом и Истпартом[2], появилась, по мнению Корбута, также весьма своевременно − в условиях борьбы «с остатками султан-галиевщины»[3]. Таким образом, выбор рецензируемых Корбутом изданий отражал процессы, происходившие в СССР в начале 1930-х гг., и по-прежнему был продиктован политическим заказом.

Анализ критических замечаний, высказанных Корбутом в адрес авторов упомянутых работ, представляет возможность исследовать эволюцию взглядов ученого в условиях окончательного оформления в советской историографии историко-познавательной традиции марксизма, акцентировавшей внимание на проблемах, имевших научную значимость, прежде всего, «в социально-политическом формате»[4]. В силу этого труды по истории рабочего движения в национальных регионах являлись одним из приоритетных направлений в советской исторической науке и должны были свидетельствовать об интернациональном характере классовой борьбы в России.

Корбут прекрасно понимал необходимость создания «новой», марксистской истории Татарстана. История татарского народа, по Корбуту, должна была быть сведена к истории татарского пролетариата, как одного из звеньев российского рабочего движения, как основного, «станового хребта», татарской партийной организации в деле осуществления правильной национальной политики»[5]. Корбут полагал, что причины и эволюцию национальных

---

[1] Там же. – С.237.
[2] Корбут М.К. [Рец.]: Лившиц С. Казань в годы первой революции (1905-07 гг.). - Казань, 1930 // Красная летопись. – 1931. – № 2(41). – С.245-249.
[3] Там же.
[4] Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: Теория и история развития школы как научного сообщества: Дисс…д-ра ист. наук. – Казань, 2000. – С. 3.
[5] Корбут М.К. [Рец.]: Рубинштейн Л. В борьбе за ленинскую национальную политику. – С.237.

«уклонов» можно будет понять лишь тогда, когда исторически будет выявлена «та питательная среда, из которой они произрастают»[1]. Не случайно, рецензируя труд Рубинштейна, Корбут особо отметил стремление автора «разбить» все «контрреволюционные и националистические измышления султан-галиевцев» об отсутствии татарского пролетариата, о его неучастии в революциях 1905 и 1917 гг.[2] Корбут провозгласил Рубинштейна пионером в изучении истории национального вопроса в ТАССР. «Он сделал первые шаги, - отмечал рецензент, - установил по нашему мнению правильную периодизацию в истории развития татарской партийной организации и дал, в общем, более или менее точную характеристику боровшихся в Татарии группировок. Следовать за ним будет уже легче в этих вопросах, чем начинать всю работу заново»[3]. Однако Рубинштейн недостаточно четко обосновал, по мнению Корбута, «классовые корни национальной борьбы в Татарии… надо было дать хотя бы общий очерк экономического и культурного роста Татарии, историю классов и классовой борьбы и уже на этом фоне развернуть картину борьбы в Татарии за ленинскую национальную политику»[4].

В рецензии на книгу С.Лившица «Казань в годы первой революции» Корбут также высказал ряд серьезных замечаний концептуального характера. Существенным недостатком работы он считал то обстоятельство, что автору не удалось подойти к изложению событий революции 1905 г. в Казани в «национальном разрезе». «Совершенно недопустимо ограничиваться мимолетным упоминанием об участии татар в революции 1905 г.…», − писал Корбут[5]. Лившиц также недооценил значение и силу рабочего движения в Казани в 80-е и 90-е гг. XIX в. и в 1905 г., объясняя это уровнем казанской промышленности. По этому поводу Корбут высказался достаточно резко: «Социальный и национальный состав рабочего класса Казани в этот период и во

---

[1] Там же. – С.235.
[2] Корбут М.К. [Рец.]: Рубинштейн Л. В борьбе за ленинскую национальную политику. – С.236.
[3] Там же. – С.237.
[4] Там же.
[5] Там же. – С.246.

все остальные периоды никому в точности еще не известны, потому и все выводы автора относительно истинных причин слабости казанского рабочего движения построены на песке»[1]. Кроме того, Лившиц совершенно проигнорировал «интереснейший», по мнению Корбута, вопрос о татарском рабочем движении в ряде других регионов России. «Эти кадры вне Татарстана, - полагал рецензент, - принимали участие в революции 1905 г., например, в Донбассе, в Баку – более активное, нежели рабочие-татары в Казани»[2]. Схожие недостатки были обнаружены Корбутом и в статье С. Лившица «Казанская организация РСДРП в 1905-08 гг.», помещенной в юбилейном сборнике «Татарстан в годы первой революции»[3]. Корбут снова указал на факт игнорирования автором «национального разреза»[4], но теперь уже в работе казанской организации РСДРП. При этом Корбут вынужден был признать, что обширная статья Лившица, занимающая более половины сборника, внесла значительный вклад «в историю ВКП(б) как науку» и стала «неоценимым пособием и справочником в Татарской организации ВКП(б)»[5].

Таким образом, Корбут резко критиковал тех исследователей революционного движения на территории Волго-Камского края, которые игнорировали национальный пролетариат как самостоятельную политическую силу в революционных событиях. Подобная историческая трактовка национального движения была вызвана, прежде всего, актуальнейшей задачей жесткой централизации и подчинения народов, входивших в состав Союза ССР, в условиях «борьбы против капиталистического окружения». Обосновать историческое единство должна была идея интернационального единства мирового пролетариата, выраженная в непримиримой классовой ненависти против социальных «инородцев». Поэтому Корбут и обрушивался с беспощадной критикой на тех исследователей, которые полагали, что татарский пролетариат

---

[1] Там же. – С.247-248.
[2] Там же. – С.248.
[3] Корбут М.К. [Рец.]: Татарстан в годы первой революции. - Казань, 1931 // Красная летопись. – № 5-6(44-45). – С.290-292.
[4] Там же.
[5] Там же.

так и не смог сформироваться в реальную политическую силу, в отличие от татарской, в том числе и мусульманской, буржуазии.

Как историк-профессионал, Корбут понимал необходимость тщательного изучения исторических источников, часто критикуя коллег за небрежное или пренебрежительное отношение к ним. Так, например, по поводу работы Рубинштейна он писал: «Автором владеет материал, а не наоборот. Материал часто не проработан, берется из третьих рук даже тогда, когда есть возможность черпать его из первоисточника»[1]. А заслуга С.Лившица как исследователя, по мнению Корбута, заключалась именно в использовании «строго выверенных дат и фактов, снабжением работы обилием имен, документации, личных воспоминаний непосредственных участников партийной работы и событий»[2].

Ряд принципиальных замечаний, прежде всего, с точки зрения использования источникового материала и археографических особенностей публикации, был высказан Корбутом в адрес составителей сборника, включавшего речи большевика Г.И.Петровского в IV Государственной думе, а также его статьи и письма предвоенного периода[3]. Нарекания со стороны критика вызвало хронологическое расположение текстов выступлений Петровского, которые целесообразно было сгруппировать тематически[4]. Корбут обратил также внимание на краткость и «недостаточную политическую насыщенность» редакционных комментариев к выступлениям Петровского, в значительной степени «умаляющих их значение»[5]. Эти комментарии рецензент оценил как «политически куцые и ошибочные, а в некоторых местах и просто безграмотные»[6]. «Весьма неудовлетворительно»[7] были составлены также

---

[1] Корбут М.К. [Рец.]: Рубинштейн Л. В борьбе за ленинскую национальную политику. – С.237.
[2] Корбут М.К. [Рец.]: Лившиц С. Казань в годы первой революции. – С.249.
[3] Корбут М.К. [Рец.]: Петровский К.И. Речи и статьи периода 4-й Государственной думы. 1912-1914 гг. - Харьков, 1930 // Красная летопись. – 1931. – № 5-6(44-45). – С.281-285.
[4] Корбут М.К. [Рец.]: Петровский К.И. Речи и статьи… – С.282.
[5] Там же. – С.282.
[6] Там же. – С.283.
[7] Там же.

примечания и именной указатель к сборнику. Критика Корбута в данном случае была вполне конструктивна и профессиональна.

Собственную точку зрения отстаивал Корбут в вопросе использования периодической печати как исторического источника. Например, в рецензии на очерки А.С.Нифонтова «1848 г. в России»[1] он высказался резко критично по поводу ограничения круга привлекаемых провинциальных периодических изданий лишь «Вологодскими» и «Калужскими губернских ведомостями», которые никоим образом не могли «дать общей картины губернских ведомостей тех лет»[2], не отличаясь ни «распространенностью», ни «типичностью», по сравнению, например, с «Казанскими» или «Харьковскими губернскими ведомостями», выходившими в крупнейших провинциальных университетских центрах.

Большое значение в качестве исторического источника для Корбута всегда имели работы В.И.Ленина. Так, критикуя воспоминания И.Н.Колбина «Борьба за Волгу и Каму в 1918 г.»[3], он обращался исключительно к ленинским оценкам чехословацкого мятежа мая 1918 г., а основным и непростительным минусом работы считал отсутствие в ней тех «замечательных характеристик», которые дал этому событию и его последствиям В.И.Ленин.

Корбут почти никогда не рецензировал работы зарубежных авторов. Исключение составляет, пожалуй, лишь его отзыв на воспоминания Грэвса «Американская авантюра в Сибири (1918-1920)»[4]. Выход в свет воспоминаний Грэвса, участника американской интервенции на Дальнем Востоке, стал, по мнению рецензента, неприятным и неожиданным событием для правящих кругов США: они разоблачили истинный характер действий американского руководства в Сибири и «затронули «деликатный» вопрос о японо-

---

[1] Корбут М.К. [Рец.]: Нифонтов А.С. 1848 г. в России. - М; Л., 1931 // Красная летопись. – № 3(48). – 1932. – С.222-228.
[2] Там же.
[3] Корбут М.К. [Рец.]: Колбин И.Н. Борьба за Волгу и Каму в 1918 г. - Л.; М., 1931 // Красная летопись. – 1932. – № 4(49). – С.175-178.
[4] Корбут М.К. [Рец.]: Гревс. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). - М., б.г. // Красная летопись. – 1933. – № 1(52). – С.139-144.

американских отношениях»[1]. Далее Корбут писал: «Неспроста «империалисты» суетятся по поводу выяснения причин и виновников неудачи интервенции, они занимаются этим не только в целях раскрытия какой-то академической истины, а строчат свои воспоминания и издают документы для того, чтобы лучше подготовиться к новой интервенции»[2]. Именно поэтому рецензируемая книга должна была «с новой силой мобилизовать… внимание на вопросах, связанных с обороной СССР и на разоблачение тех завоевательных аппетитов империалистов, которые у них отнюдь не уменьшаются, а вырастают по мере дальнейшего развертывания социалистического строительства СССР и роста революционного движения во всем мире»[3].

Таким образом, критические статьи являлись неотъемлемой и важной частью творческого наследия Корбута. Несмотря на то обстоятельство, что с 1921 по 1923 гг. Корбут занимался рецензированием по долгу службы, а в 1930-1933 гг. был более независим в определении объектов рецензирования, между рецензиями, написанными Корбутом в эти разные периоды, было немало общего. Хотя рецензии 1930-х гг. были гораздо более профессиональны и, если можно так выразиться, «агрессивны», все они без исключения подчинялись единой политической тенденции и отличались преобладанием оценок «политических» над оценками «научными», что было, как известно, вообще характерно для развития советской историографии в рассматриваемый период.

Помимо схожего сценария судьбы, у современных Корбуту историков-исследователей проявлялась и некоторая схожесть научных интересов, и определенное единство концептуальной парадигмы, и определенная унификация исследовательских методов. Характерной чертой творческих биографий тех лет стало «многотемье». С точки зрения современных исследователей, оно обычно провоцируется крупными социальными сдвигами в жизни общества, стремлением подвергнуть фронтальной критике господствовавшую до

---

[1] Там же. – С.144.
[2] Там же. – С.142.
[3] Там же.

этого картину мира и утвердить новую систему воззрений и ценностей[1]. В случае с М.К.Корбутом разброс научных тем был если уж не самым впечатляющим, но все же достаточно очевидным. Здесь присутствовали, с одной стороны, история одного из старейших российских императорских университетов, а, с другой, типичное и обязательное для 1920-х гг. обращение к революционной тематике. Естественно, что при этом методологической основой работ Корбута, как и многих других историков его генерации, являлась марксистская идеология. Отметим, кстати, что в этом случае обращение к трудам классиков и их полное приятие было совершенно искренним, лишенным какого бы то ни было внутреннего сопротивления, поскольку учение Маркса признавалось ими единственно правильным и верным[2].

В ситуации начала 1920-х гг. советские историки еще могли позволить себе роскошь различных трактовок тех или иных политических событий (в том числе и Октябрьской революции). Ближе к середине 1930-х гг. их творчество все более и более унифицировалось в соответствии с «генеральной» линией партии. Все это было характерно и для работ казанского историка М.К.Корбута.

Творчество М.К.Корбута отразило и особенности, и сложности начального этапа развития советской историографии. До 1928 г. работы его отличались документированностью и сравнительной объективностью, по крайней мере, стремлением к ней. Но после обвинения его в «троцкизме» и исключения из партии, труды Корбута все более формализовывались и утрачивали свою научность, замещаемую политизацией.

---

[1] Об этом см., в частности: Бухараев В.М. «Красный энциклопедизм» как феномен культуры 20-х годов // Интеллигенция и культура: История, современность, перспективы. – Казань, 1996. – С.81-83.

[2] С точки зрения А.Л.Литвина, ученые-большевики исходили из представления, будто обществоведение в России переживало упадок, из которого могла вывести лишь марксистская идеология. См.: Литвин А.Л. Без права на мысль. – Казань, 1994. – С.32.

МИХАИЛ КОРБУТ И КАЗАНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Вся жизнь Михаила Ксаверьевича Корбута была тесно и неразрывно связана с Казанским университетом. Сюда он пришел юным студентом, здесь дослужился до профессора, проявил свои недюжинные организаторские способности, стал членом ВКП(б), состоялся как педагог и ученый, здесь нашел свое личное счастье (Рахиль Вольфовна Эйдельсон-Корбут училась на истфилфаке, а затем на ФОНе Казанского университета, в 1920 г. вступила здесь в РКП(б), а затем на протяжении длительного времени − вплоть до 1934 г. − работала сотрудником, а затем и заместителем директора университетской библиотеки)[1]. Именно с Казанским университетом связаны, на наш взгляд, наибольшие достижения в жизни Корбута, получившие как прижизненную, так и последующую высокую оценку и признание: работа по организации рабочего факультета и написание двухтомной юбилейной истории КГУ − вершины научного творчества Корбута − труда, не утратившего своего значения вплоть до наших дней.

М.К.Корбут на рабфаке

Педагогическая, учебно-методическая и административная деятельность на рабочем факультете Казанского университета занимала, пожалуй, одно из важнейших мест в биографии Корбута. Жизнь рабфака КГУ в период с 1919 по 1926 гг. без него просто невозможно было представить. Как свидетельствовала М.В.Нечкина, «рабфаковцу всегда нужен Корбут. За тысячью надобностей – крупных и мелких. И на все лады склоняется: «У Корбута был? Поговори с Корбутом… Где Корбут? Даешь Корбута! Идем к Корбуту…»[2]. Михаил Ксаверьевич отдавал рабфаку много сил и времени. Не удивительно, что большое количество работ, написанных Корбутом, было посвящено Казанскому рабфаку – истории его создания и развития, организации процесса обучения, участию

---

[1] ОРРК НБЛ КГУ. – Ф.25. – Д.423. – Л.2, 4-17.
[2] Нечкина М.В. (Михаил Эрт). Конец зимнего семестра на Казанском рабфаке // Знамя рабфаковца. – 1924. – № 1-2. – С.162.

рабфаковцев в общественной жизни университета, их борьбе со старым, так называемым, «буржуазным укладом» повседневности, их быту[1].

История создания и существования рабфаков занимает особую страницу в истории становления советской высшей школы. Образованные в соответствии с декретом СНК от 17 сентября 1919 г. «Об организации рабфаков при всех вузах и втузах и преобразовании существующих курсов в рабфаки», они сыграли особую роль в изменении содержания и организации учебного процесса в высшей школе. Но главная их цель заключалась в подготовке высококвалифицированных специалистов из среды рабочих и крестьян. «Это была чрезвычайная послереволюционная классовая школа, - писал в своих воспоминаниях бывший студент казанского рабфака Г.П.Афанасьев, - имевшая весьма большие задачи, и не только в подготовке к высшей школе людей из малограмотных рабочих и крестьян, и тем самым пролетаризации высшей школы, а также задачи перевоспитания студентов основных факультетов и профессорско-преподавательского состава»[2].

За декретом от 17 сентября 1919 г. последовало «Постановление Коллегии отдела высшей школы», обязавшее все высшие учебные заведения не позднее 1 ноября 1919 г. открыть рабочие факультеты. Предлагалось в двухнедельный срок организовать при каждом вузе «временное бюро» из трех лиц «с временным представлением ему всех прав факультета»[3]. В состав бюро должен

---

[1] Корбут М.К. Жизнь рабочего факультета Казанского государственного университета // Новое дело. – 1922. – Вып.2. – С.76-82; Он же. Рабочий факультет Казанского государственного университета // Там же. – Вып.1. – С.109-117; То же. // Вестник просвещения. – 1922. – № 1-2. – С.73-80; Он же. Казанский рабочий факультет // Там же. – 1923. – № 1-2. – С.54-56; Он же. Тема дня // Красный студент. – 1923, январь. – № 1. – С.6; Он же. Об организации учетной кампании на рабфаке // Голос пролетарского студенчества. – 1924. – № 2. – С.21-25; Он же. От редакции // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина): 1919 – ноябрь 1924. – Казань, 1924. – С.3-4; Он же. Рабочий факультет и высшая школа // Там же. – С.9-15; Он же. Седьмой выпуск // Рабочий факультет КГУ им.В.И.Ульянова-Ленина. 7-й выпуск. – Казань, 1926. – С.5-19; Он же. Указатель изданий рабфака, статей и заметок о нем (1919-1926 гг.) // Там же. – С.20-25; Он же. Диалектика в идее рабфаков // На путях к высшей школе: 8 лет работы. 1919-1927. – Казань, 1927. – С.6-11 и др.

[2] Афанасьев Г.П. Прошлые эпохи университета // ОРРК НБЛ КГУ. – Ед.хр.10074. – Л.1.

[3] Пономарев В.И. К истории Казанского рабфака // На путях к высшей школе: Сборник № 2. 10 лет работы: 1919-1929. – Казань, 1930. – С.200.

был войти представитель от местного отдела народного образования и два представителя от Совета высшего учебного заведения − от преподавателей и от студентов (из числа членов Совета вуза). На заседании Совета Казанского университета от 24 сентября 1919 г. во временное бюро по организации рабфака были избраны: от губернского отдела народного образования − Е.И.Зарницын, от профессуры и преподавателей университета − профессор Н.Н.Парфентьев, от студенчества – студент факультета общественных наук М.К.Корбут. Так начался «рабфаковский» период в жизни Корбута.

На его плечи легла практически вся черновая, будничная работа по организации рабфака. Секретарь Корбут, как самый юный член бюро, выполнял множество технических обязанностей, вплоть до доставки повесток на заседания и посещения квартир казанских преподавателей, приглашенных для работы на рабфаке. Благодаря беседам, проводившимся во время этих посещений, и многочисленным статьям агитационного характера, публиковавшимся Корбутом в местной прессе, общая идея рабфака и пути ее реализации быстро стали достоянием широкой общественности, что способствовало привлечению части казанских преподавателей к преподаванию на рабфаке. Это было необычайно важно, поскольку перед руководством рабфака в этот период стояла весьма непростая задача − как можно быстрее сформировать собственный педагогический коллектив, который бы хорошо знал специфику работы на этом факультете. Сделать это было крайне сложно, ибо преподавателей, желавших работать на новом факультете с его специфическим контингентом, было немного. В.Д.Игнатович, преподававшая историю на рабфаке с 1919 по 1937 гг., вспоминала, что когда она в 1918 г. пришла в канцелярию подготовительных курсов (предшественников рабфака) с предложением там поработать, секретарь курсов посмотрела на нее «с радостью и сказала: «Вы не можете себе представить, как будет рад Евгений Иванович Зарницын!» (заведующий курсами − *авторы*). «Он никак не может найти преподавателей, чтобы открыть курсы. Никто не идет»[1]. Многие представители старой профессуры не принимали политику советской

[1] Из истории рабфака Казанского университета. – Казань, 1976. – С.43.

власти в отношении высшей школы и в отдельных случаях открыто противодействовали ей. Тот же М.К.Корбут был недалек от истины, когда утверждал: «Теперь уже достаточно изучены и определены причины резко враждебного отношения буржуазной интеллигенции тотчас после революции к пролетарской диктатуре», порожденные «духовной близостью самодержавия и высшей школы» и «невозможностью реставрации старой власти как в масштабах всей страны (крах иллюзий поражения Октябрьской революции), так и в масштабах высшей школы (ликвидация ее автономии)»[1]. Остро ощущалась нехватка, в первую очередь, идеологически «подкованных» преподавателей нового типа, историков-марксистов, способных донести до студентов «новое знание». Об этом красноречиво свидетельствовала выписка из протокола общего собрания студентов казанского рабфака от 19 мая 1924 г., которые просили «занятия в политкружке поручить вести тов.Корбуту… или подобным ему товарищам, а не студенту, который только начал работать по политграмоте и поэтому не даст студентам соответствующих знаний»[2].

Несмотря на многочисленные трудности, и во многом благодаря удачному подбору членов организационного бюро рабфака, к 1 ноября 1919 г. подготовительная работа была закончена, и рабфак Казанского университета (пятый по счету в РСФСР) был открыт. На торжественном заседании, посвященном этому событию, в актовом зале университета в присутствии преподавателей, членов университетского правления, студенческого коллектива РКП(б) высших учебных заведений г.Казани, партийных и профсоюзных организаций и советских учреждений был заслушан отчетный доклад временного бюро по организации рабфака, оглашены приветствия. От имени руководства рабфака выступил Н.Н.Парфентьев. «Я не ошибусь, если скажу, - вспоминал он впоследствии, - что в этот день впервые почувствовалось, что высшая школа должна стать пролетарской школой рабочих и крестьян в самом широком смысле слова, ибо революция опрокинула вверх ногами прежнюю классовую структуру и застави-

---

[1] Корбут М.К. Казанский государственный университет. – Т.II. – С.299-300.
[2] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.53. – Л.53 об.

ла впустить в ее стены тех, кто обычно ходил мимо нее или строил ее каменные стены»[1].

Уже 2 ноября 1919 г. на заседании Совета рабочего факультета определился состав его первого президиума. Вел заседание профессор Парфентьев, а в работе его принимали участие организационное бюро в полном его составе, 21 преподаватель, 3 профессора, приглашенных для работы на рабфаке, представитель партийного студенческого коллектива М.К.Корбут (он же секретарь бюро) и 30 представителей студентов факультета. В состав президиума были избраны: профессор Н.Н.Парфентьев, Е.И.Зарницын, М.К.Корбут, В.В.Адоратский (преподаватель истории) и В.А.Берсенев (преподаватель математики). Заведующим рабфаком стал Е.И.Зарницын, а секретарем – М.К.Корбут.

Первый президиум рабочего факультета, проработав в течение года в самых трудных условиях, был переизбран Советом факультета 31 октября 1920 г. и дополнен еще одним, шестым членом, представителем от студенчества. М.К.Корбут вошел в состав нового президиума второго состава как руководитель политпросветработы от ячейки РКП(б)[2]. На долю именно этого президиума выпала труднейшая работа по борьбе с голодом, с финансовыми и материальными трудностями. На рабфаке в то время было пять дневных (с отрывом от производства) и три вечерних (без отрыва от производства) групп, в среднем по 30 учащихся в каждой, и всех этих людей нужно было не просто обучить, но и создать хотя бы мало-мальски подходящие условия для этого обучения.

Корбутом была разработана особая концепция развития «рабфаковского дела». Дело это было совершенно «новым». Недаром сборник – печатный орган рабфака, издававшийся с 1922 г., – так и назывался − «Новое дело». Первоначально при разработке теории рабфаковского строительства Корбут исходил из того, что рабочий факультет – это не просто общеобразовательное учебное заведение, «но и политическая организация, проводящая в системе воспитания

---

[1] Цит. по: Казанский университет: 1804-1979: Очерки истории. – Казань, 1979. – С.105.
[2] Морозова С.В. Из истории рабочего факультета Казанского государственного университета (1919-1937 гг.) // Из истории рабфака Казанского университета. – С.17.

студенчества определенную идеологию – идеологию рабочего класса»[1]. Рабфаку необходимо было «в области педагогической и методической, – писал он в 1924 г., – ликвидировать все те остатки старой школы, которые еще имеют место в педагогической работе»[2] путем усиления «классной, самообразовательной и чисто политической подготовки»[3]. Но жизнь несколько скорректировала «наступательные» планы Корбута. Осуществить одномоментную «пролетаризацию» высшей школы оказалось практически невозможным. Рабочий элемент среди рабфаковцев был не столь значительным, как это ранее предполагалось. В итоге замысел о рабочем факультете превратился в идею о факультете рабоче-крестьянском. Корбут ссылался в этой связи на пример рабфаков Украины, которые были официально «перекрещены» в рабоче-крестьянские факультеты[4]. Задача «вытеснения» старой высшей школы рабфаками также пока была заменена задачей «учиться, ежедневно насыщаться знаниями». А политическая борьба с остатком господствующих классов и с закоренелостью политического мировоззрения профессуры была вообще объявлена «совсем не делом рабфаков»[5]. Главная их задача усматривалась в тщательной подготовке квалифицированных, главным образом, индустриальных рабочих. Памятуя о преемственности и неразрывности внутривузовских связей и традиций, необходимо было следить за тем, чтобы рабфак в собственном своем росте ни в коем случае не смял «нормальных органов нормального вуза»[6]. Это была уже новая программа взаимоотношений рабфака с вузом, более обширная, более трудная и более реальная – «не вытеснять старую высшую школу, а просачиваться во все ее поры, не ломать, а перерабатывать, не взрывать, а перестраивать, привлекая на свою сторону одного за другим основных работников высшей школы»[7]. Именно та-

---

[1] Корбут М.К. Рабочий факультет и высшая школа. – С.10.
[2] Совет рабфака об учебной работе: Ч.VI // 5 лет рабочего факультета… – С.118-119.
[3] Там же.
[4] Корбут М.К. Рабочий факультет и высшая школа. – С.10.
[5] Там же.
[6] Там же. – С.11.
[7] Корбут М.К. Рабочий факультет и высшая школа. – С.11.

кое разрешение сложного «вузовского вопроса», как считал Корбут, оказывалось наиболее правильным и целесообразным в создавшихся условиях.

Поскольку рабфаки не смогли заменить основных факультетов, не имея ни планов, ни программ, ни специально выработанных организационных форм, а также библиотек, оборудования, естественно возникал вопрос об уровне и качестве образования, который должен был дать рабочий факультет. В постановке обучения на рабфаках явно наметились две тенденции: одна могла привести к снижению этого обучения до уровня обычной средней школы, другая тяготела к школе высшей. Осенью 1920 г. в Москве был созван Всероссийский съезд рабфаков. Съезд не состоялся, но большое количество делегатов с мест (от Казани присутствовали Е.И.Зарницын, М.К.Корбут и председатели студентов и преподавателей) заставило только что организовавшийся Отдел рабфаков провести совещание. На нем была сформулирована главная задача рабфаков – подготовка к обучению в высшей школе. Доклады с мест убедили казанских делегатов, что основная линия работы на Казанском рабфаке взята правильно[1]. Становилось все более очевидно, что рабфаки не являются ни средней, ни высшей школой, что это – совершенно особая школа, и средняя и высшая одновременно, со своими особенными задачами, программами, методами работы, подходом к учащимся.

Лозунг «пролетаризации высшей школы» в условиях многонациональной Татарской автономной республики требовал специального подхода к его осуществлению. Такая «пролетаризация» предполагала постепенное пополнение студенческого контингента представителями местных национальностей, «прежде угнетавшимися царским строем: татарами, чувашами, марийцами, вотяками и мордвой». Рабфак стал учебным заведением интернациональным, «обслуживающим классы рабочего пролетариата и беднейшего крестьянства всех национальностей Среднего Поволжья и прилегающих к нему областей Камы и

[1] Абакумов С. На новом пути: (Первые годы строительства учебной жизни на Казанском рабфаке) // 5 лет рабочего факультета… – С.112.

Урала»[1]. В июне 1920 г. здесь были созданы две подготовительные татарские группы по 30 человек в каждой; началась подготовка национальных кадров из чуваш, марийцев, удмуртов и представителей других народов (были открыты специальные чувашские группы, в 1924 г. – организован марийско-вотский сектор). Уже к 1923 г. из 624 рабфаковцев татар было 146, чуваш – 51 человек. Первоначально предполагалось, что преподавание будет вестись на национальных языках, но, принимая во внимание недостаточное количество учебных пособий и неподготовленность преподавательского состава, занятия проводились на русском языке[2]. Анализируя условия работы в трех татарских группах в 1925 г., Корбут писал: нужно «принять такое решение, которое обеспечивало бы учебные интересы самих студентов-татар в отношении условий, обеспечивающих им нормальное прохождение учебы на рабфаке и поступление в ВУЗы вполне подготовленными»[3].

К чести организаторов рабфака, им удалось довольно быстро сформировать коллектив из лучших педагогов Казани, который окончательно оформился примерно к 1922 г. Большую роль в этом сыграли заведующий рабфаком Е.И.Зарницын и секретарь М.К.Корбут. Первостепенное значение на рабфаке уделялось преподаванию общественных дисциплин. Поэтому особое место в преподавательском коллективе занимали преподаватели обществоведения, истории, краеведения, среди которых были В.В.Адоратский, В.Д.Игнатович, С.А.Козлова. В первые годы существования рабфака здесь работали историки П.Г.Архангельский, М.Д.Бушмакин, М.К.Корбут, М.В.Нечкина, В.И.Пономарев, Н.Н.Фирсов. В 1921-1922 учебном году на рабфаке общественные дисциплины вели 12 преподавателей (5 – по курсу обществоведения, 6 – истории, 1 – краеведения). Историю классовой борьбы во второй половине 1920-х гг. на рабфаке преподавали И.Д.Андреевский, Е.В.Грачев, В.Т.Дитякин,

---

[1] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.80. – Л.69.
[2] Отделение нацмен при рабфаке Казанского государственного университета // Голос пролетарского студенчества. – 1924, май. – № 2. – С.73.
[3] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.80. – Л.24-25.

В.И.Жилинский[1]. Первыми преподавателями марксистского минимума стали Н.Н.Бронштейн, Н-Б.З.Векслин, З.И.Вольфович, Г.Б.Гермаидзе, М.К.Корбут[2]. В начале 1930-х гг. рабфак получил впервые в качестве преподавателей своих бывших воспитанников, в их числе и историка Р.Ш.Тагирова[3]. При подборе преподавательских кадров основное внимание обращалось на партийную принадлежность – этот признак был определяющим даже при составлении отчетных статистических документов рабфака[4].

Хотя преподавание дисциплин гуманитарного цикла на рабфаке Казанского университета в первые годы его существования было политизированным, а основное внимание уделялось партийно-политическому просвещению студентов (подробно изучалась только история революционного движения и лишь отчасти – новейшая история России), довольно высокий профессиональный уровень преподавательских кадров и отсутствие единых программ способствовали тому, что рабфаковцы получали весьма цельные представления об истории России, в особенности XIX – начала XX вв. У них вырабатывались некоторые навыки анализа исторических источников. Однако с середины 1920-х гг. ситуация коренным образом изменилась. Преподаванию общественных дисциплин в ущерб истории на рабфаке стало уделяться все большее внимание. В 1924 г. здесь были введены первые обязательные программы по истории. Курс назывался «История классовой борьбы» и, наряду с политграмотой, занимал по количеству часов ведущее место среди общественных дисциплин[5]. Лекционно-семинарские занятия сменил бригадно-лабораторный метод обучения, а индивидуальные формы работы − коллективные. Лекции сокращались до минимума, а иногда и полностью заменялись семинарами. Были отменены экзамены, зачеты, защита дипломных работ[6].

---

[1] КГУ в 1925-1926 уч.г. – Казань, 1926. – С.48; КГУ в 1926-1927 уч.г. – Казань, 1927. – С.37.
[2] Корбут М.К. Казанский государственный университет. – Т.II. – С.320.
[3] Из истории рабфака Казанского университета. – С.30.
[4] См. сведения о преподавателях КГУ в 1927 г.: НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.153. – Л.297.
[5] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.153. – Л.297.
[6] Казанский университет: 1804-1979. – С.111.

Наряду с проблемами методики преподавания и подбора преподавательских кадров, казанский рабфак столкнулся с серьезными бытовыми проблемами. Занятия проходили в тяжелейших условиях. В аудиториях было холодно, студенты голодали, не хватало опытных преподавателей, не было учебников, программ, самого необходимого учебного оборудования. Важность новой системы образования не всегда осознавалась и советскими управленцами. Как вспоминал выпускник рабфака красноармеец К.Рогожкин, очень трудно было хлопотать об откомандировании на рабфак, так как по меркам того времени это считалось «отлыниванием от службы»[1]. Многие представители новой власти совершенно не имели представления о цели существования рабфаков. Военкоматы, например, считали рабфак ничтожными «гражданскими курсами, на которых невозможно научиться ничему хорошему»[2]. И таких отзывов было множество. Некоторые вообще ставили под сомнение необходимость его существования. Да и университет, по образному выражению Парфентьева, «на первых порах не знал, как себя держать по отношению к новообразованию: зачем эти новые люди вошли в храм для избранных? Почему не создали рабфак на стороне? Зачем рабфаку дали права, одинаковые с правами других факультетов? Общего языка не было, не было и взаимного доверия, и взаимопонимания»[3].

В этих условиях Корбут упорно отстаивал права рабочего факультета, и его конфликты с правлением университета были обычным делом. Так, в сентябре 1922 г. возникли серьезные разногласия в отношении учебных помещений для рабфака. Михаил Ксаверьевич обратился к администрации университета с гневным письмом, в котором, в частности, констатировал: «Заключая договор с Институтом с/х и лесоводства на предмет использования им части университетских помещений, правление университета не приняло во внимание интересов рабфака и необходимости для него расширить количества помещений, им занимаемых, в связи с увеличением комплекта студентов рабфака с 380 до

---

[1] Рогожкин К. Воспоминания // Красный студент. – 1922, сентябрь. – № 2. – С.9 об.
[2] Там же.
[3] Парфентьев Н.Н. Ко дню вступления рабочего факультета Казанского им. В.И.Ленина университета в его шестую годовщину // 5 лет рабочего факультета… – С.16-17.

650 человек. Таким образом, даже новый состав правления не изменил тактики по отношению к рабфаку старого правления, и большинство Правления, должно быть, позабывает, что в составе университета не 2 равных факультета, а 3» [1]. Корбут потребовал, чтобы на заседания правления, касающихся рабфака, а также в университетские комиссии, занимающиеся административно-хозяйственными вопросами, приглашался с правом совещательного голоса представитель рабфака [2]. Кроме того, Корбут предложил передать рабфаку пустующие помещения, отведенные ректору, которые он обязался «тотчас же очистить, как только ректор пожелает поселиться в них» [3].

На этот конфликт живо откликнулся юмористический студенческий листок «Вторая Блоха»: «По слухам, т.Корбут выхлопотал для рабфака то здание на ул.К.Маркса, где сейчас помещается Областком. Здание предназначено для общежития № 4, и в нем будет жить только один рабфаковец, т.Каплан из 3-ей средней группы. Всем остальным студентам запрещено подходить к зданию ближе, чем на 5 саженей»[4].

Следующее столкновение интересов рабфака и правления произошло в декабре того же 1922 г., о чем свидетельствовал протокол общего собрания преподавателей КГУ. В нем говорилось, что Корбут «как заврабфаком не доволен распределением числа мест по факультетатам»[5]. Конфликт все более и более нарастал. В феврале 1923 г. правление пыталось обратить внимание вышестоящих органов «на несомненно болезненную психику тов.Корбута, который усматривал во всем преднамеренное недоброжелательное отношение к рабфаку».[6] Дело заключалось в том, что правление перенесло заседание очередного Совета университета на более поздний срок. Корбут отреагировал, как обычно, резко и несколько сумбурно: «Ввиду того, что, несмотря на все постановления правления университета по заявлениям заврабфака о том, что заседание Совета

---

[1] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.1. – Д.59. – Л.5.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.35. – Л.40.
[5] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.1. – Д.59. – Л.38 об.
[6] Там же. – Л.46.

университета назначить до 13 февраля, в связи с отъездом 12 февраля всех членов Совета университета от рабфака на Всероссийский съезд рабфаков, все же заседание на 12 февраля не назначено, а предполагается его назначение по заявлению управделами правления университета на 14 февраля, Президиум рабфака КАТЕГОРИЧЕСКИ просит правление в таком случае отложить заседание до возвращения делегации рабфака со съезда. Если все же заседание Совета будет назначено до приезда делегации, то это будет сочтено рабфаком как преднамеренное желание сорвать доклад рабфака на первом заседании Совета университета и лишить возможности выявить Совету университета все взаимоотношения рабфака с университетом. Все отговорки о том, что заседание Совета не могло быть назначено раньше – в конце января – в начале февраля – Президиум рабфака считает НЕУДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНЫМИ, так как получить доклады от факультетов не представляло большого труда ПРИ ЖЕЛАНИИ, ибо канцелярии факультетов находятся рядом, а деканы факультетов ОБЯЗАНЫ быть готовыми ВСЕГДА к даче тех или иных сведений правлению, тем более что заседание Совета ОТТЯГИВАЛОСЬ с декабря месяца, и правление не выполнило устава высшей школы о созыве Совета один раз в триместр. Копия данного прошения отправляется в Главпрофобр» [1]. В итоге Совет все же был перенесен, но члены правления Баранов и Сластников, из-за которых, как объясняло правление, и откладывался Совет, так и не успели подготовить годовой отчет. Правление, вынужденное «оправдываться» перед Советом по делам ВУЗов Главпрофобра, представило следующее объяснение: «Тов.Корбут не раз в заседании правления пытался делать нападки на правление за якобы недостаточное внимание его к рабфаку, но ректор университета каждый раз опровергал, на основании конкретного фактического материала, все подобные обвинения и призывал т.Корбута к спокойной солидарной работе, указывая, что интересы рабфака одинаково дороги всем без исключения членам правления. Прав-

[1] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.1. – Д.59. – Л.63.

ление считает настоящий конфликт с заврабфаком лишь печальным недоразумением»[1].

Анализируя и в какой-то степени оправдывая нападки Корбута на университетское правление, А.Диковицкий в 1924 г. писал: «Корбут, не преувеличивая можно сказать, является душою рабочего факультета, являясь сам его плодом. Коллективом РКП при ВУЗ Казани в дело организации рабфака были брошены лучшие товарищи, в числе которых был и т.Корбут. Ведя с тех пор рабфак по извилистому лабиринту борьбы, он сам закалялся и рос в этой борьбе. Каждый кусок, каждый уголок он вырывал с боем, не останавливаясь никогда ни перед чем. И никогда не отступал. Он знал, что если не вырвать и если не с боя брать – ничего не получишь. Ибо для каждой комнаты, для каждой вещи было 25000 мест, каждое из которых в глазах профессуры являлось важнейшим, чем рабфак. Он знал, что здесь не подходит пословица «покорный теленок двух маток сосет», ибо «маткой» здесь была не корова, а зверь, заключенный в железные клети диктатуры пролетариата, который при первой возможности разорвал бы на куски рабфак, если бы он хоть на одну минуточку вообразил себя теленком. И Корбут, поставленный на эту работу партией и революцией, знал и на каждое поползновение сам обнажал зубы, зубы острые, зубы едкие, зубы рабфаковские. То в виде газетной статьи, то выступая на собраниях, то с глазу на глаз. И это вызывало ненависть к нему профессуры, которая поставила вопрос – или он в правлении, и мы не входим, или мы, и он не входит. Конечно, сам Корбут оценил это положение и, стоя сам у руля, указал на то, что не надо дразнить быков красным, когда их можно урезонить другими способами и что ему придется не входить в правление. Но от этого, в конечном счете, его революционная деятельность нисколько не умаляется, а наоборот, ибо еще «старик Бебель сказал: какую глупость я сделал, что враги мои хвалят меня»[2]. Далее Диковицкий заключал: «Рабочий факультет всегда будет ценить и видеть в т.Корбуте своего идейного руководителя, который, ведя рабфак под

---

[1] Там же. – Л.63.
[2] Диковицкий А. Моменты прошлой борьбы // 5 лет рабочего факультета…– С.106.

знаменем коммунизма, всегда высоко держал свое знамя и в личной, и в общественной жизни и давал примеры коммуниста и борца за идею»[1].

Постепенно, во многом благодаря активной деятельности Корбута, студенты рабфака, по образному выражению того же А.Диковицкого, «в немазанных сапогах, в лаптях, грязные, с мозолистыми руками»[2], начали играть все большую роль в жизни университета. Уже в июне 1920 г. они составляли шестую часть членов университетского Совета, «с боем ломая все, что заграждало путь… они брали позицию за позицией, отвоевав себе уголок и укрепившись в нем…»[3]. Однако влияние их на студентов других факультетов оставалось весьма ограниченным, ибо рабфаковцы, по свидетельству современников, считали остальных студентов «мещанами», «обывателями» и сознательно ограничивали свои контакты с ними. Такое неприятие было обоюдным. Традиционное − «старое» − студенчество первоначально отнеслось к рабфаковцам с недоверием и насмешкой, раздавались призывы к борьбе с рабфаком, «как с туберкулезом»[4], организовывались собрания и совещания с целью отделить рабфак от университета[5]. Лишь на четвертый год существования рабфака резкая грань между «старым» студенчеством и рабфаковцами начала стираться. По мнению Корбута, стирание этой грани было обусловлено «классовым приходом на основные факультеты новых людей, который повлек за собой спад идеологического напора буржуазного студенчества» [6]. В сборнике, посвященном 5-летнему юбилею рабфака, профессор Парфентьев заявил, что прошлые недоразумения между рабфаком и остальными факультетами изжиты: «Связь устанавливается все теснее и теснее, и теперь можно говорить лишь только о тесном сотрудничестве»[7]. Таким образом, несмотря на все трудности и издержки процесса, главная цель советской власти – «пролетаризация» студенчества путем создания рабфа-

---

[1] Там же. – С.105.
[2] Диковицкий А. Пять лет прошло! Ему, студенту рабфака, первые страницы нашего журнала // Голос пролетарского студенчества. – 1924, апрель. – № 1-2. – С.16.
[3] Там же. – С.17.
[4] Рогожкин К. Воспоминания. – С.10.
[5] Диковицкий А. Моменты прошлой борьбы. – С.103.
[6] Корбут М.К. Тема дня. – С.6.
[7] Парфентьев Н.Н. Ко дню вступления рабочего факультета… – С.17.

ков, вытеснение представителей «социально чуждых слоев», и, в конечном итоге, ломка старой и построение новой школы – была достигнута: «Рабфак шаг за шагом продвигался вперед, окончательно выявляя себя как серьезная структура в образовательном процессе, завоевывая уважение и внимание к себе со стороны учреждений и отдельных видных работников и во многом благодаря …неустанной работе заведующего рабфаком тов.Корбута»[1].

На примере рабфака работники высшей школы учились тому, как надо разрешать вопрос о взаимоотношениях преподавателей и студентов. Корбут писал о том, что на рабфаке с первых же дней установились хорошие товарищеские отношения между студентами и преподавателями. Критики не боялись ни те, ни другие. «…Принципы взаимоотношения преподавателей со студентами усваивались организованно, планомерно, без излишней суеты»[2]. Представители старшего поколения трудились бок о бок с молодыми преподавателями, причем и те, и другие заслужили глубокое уважение учащихся. С необычайной теплотой вспоминали они через много лет своих учителей, выделяя такие их качества, как умение увлечь изучаемым предметом, эрудицию, доступность изложения материала, участливое отношение к слушателям[3]. В преподавании широко применялся метод наглядности. Студенты по заданиям преподавателей занимались изготовлением наглядных пособий по биологии, химии и др. Организовывались экскурсии на заводы и фабрики. Руководителем ряда экскурсий был М.Корбут. Он был и членом редколлегии областной газеты «Известия ТатЦИКа» (позже «Советская Татария») и стремился втянуть студентов рабфака в сотрудничество с этой газетой. Бывший рабфаковец Р.Ш.Тагиров вспоминал, что благодаря помощи М.К.Корбута после одной из таких экскурсий он написал небольшую заметку, которая была опубликована в газете 23 января 1923 г. «Это было началом моего участия на страницах русской периодической

---

[1] Рогожкин К. Воспоминания. – С.10.
[2] Корбут М.К. Диалектика в идее рабфаков. – С.9.
[3] См. воспоминания бывших рабфаковцев Казанского университета Б.С.Ахмерова, Х.Х.Байгуровой, Р.Ш.Тагирова, А.Ш.Усманова, Г.В.Фазлуллина, А.П.Черзора в кн.: Из истории рабфака Казанского университета. – С.64, 69, 73, 77, 78, 89, 95 и др.

печати»[1]. «С благодарностью мы вспоминаем своих старших наставников: заведующего рабфаком М.К.Корбута, его заместителя Н-Б.З.Векслина…»[2], - писал Р.Ш.Тагиров. Вместе с Михаилом Ксаверьевичем по заданию Института В.И.Ленина в Москве Р.Ш.Тагиров выявлял в местном архиве документы, связанные с казанским периодом жизни вождя. Бывший рабфаковец Б.С.Ахмеров отмечал, что «особым уважением студентов пользовались заведующий рабфаком М.К.Корбут, завуч Н-Б.З.Векслин…, о которых у меня сохранились до сих пор самые лучшие воспоминания»[3]. Как отмечали бывшие рабфаковцы, М.К.Корбут, Н-Б.З.Векслин и другие преподаватели участвовали в общих собраниях студентов, проводя партийно-агитационную работу, разъясняя рабфаковцам внешнюю и внутреннюю политику советской власти и большевистской партии. «Мы и сейчас вспоминаем их с теплотой»[4], - писал Г.В.Фазлуллин. А вот выдержка из коллективного письма в президиум рабфака КГУ студентов, окончивших рабфак и продолживших свое образование в ВУЗах Москвы: «…Мы с гордостью отмечаем имена руководителей – М.К.Корбута и Н-Б.З.Векслина, которые за время нахождения нас на рабфаке сыграли большую роль в воспитании каждого. Благодаря их умелой постановке дела на рабфаке мы пришли в ВУЗ с хорошим запасом знаний и теперь смело приступили к выполнению завета РКП(б) грызть крепкими, отшлифованными рабфаком зубами, гранит науки»[5]. Интересно заметить, что на формирование преподавательского коллектива большое влияние оказали сами студенты-рабфаковцы. Завуч рабфака В.И.Пономарев в этой связи отмечал: «На казанском рабфаке создались некоторые кадры преподавателей, которые, работая с первых лет его существования, с полным правом могут считать себя политическими воспитанниками рабфака. Рабфак оформил их политическую личность»[6].

---

[1] Тагиров Р.Ш. Как мы выполняли ленинский наказ // Из истории рабфака Казанского университета. – С.88.
[2] Там же. – С.89.
[3] Ахмеров Б.С. По рабфаковской закалке // Из истории рабфака Казанского университета. – С.95.
[4] Фазлуллин Г.В. Первые шаги // Из истории рабфака Казанского университета. – С.69-70.
[5] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.80. – Л.85.
[6] Пономарев В.И. К истории Казанского рабфака… – С.200.

Подводя итоги четырехлетнего существования рабфака на расширенном заседании Совета рабочего факультета 17 февраля 1924 г., М.К.Корбут выступил с отчетом о поездке на очередной Всероссийский съезд заведующих рабфаками, который проходил 29-30 января 1924 г. в Москве. На заседании была принята следующая резолюция: «Заслушав доклад заведующего рабфаком тов.Корбута о работе съезда заведующих рабфаками, собрание, с полным удовлетворением отмечая мероприятия Отдела рабфаков и съезда в области налаженности и четкости работ рабфаков, особенно приветствует начинания в области улучшения общих материальных условий работы на рабфаках и, в частности, материальное обеспечение студентов и преподавателей…»[1].

Оценивая итоги пятилетней деятельности рабфака Казанского университета, Корбут писал: «Если все эти явления, новые в нашей школьной жизни, не заглохнут и будут развиваться, если желательная связь рабочих факультетов с высшими школами будет делаться все крепче…»[2], то «дело, творимое рабочими факультетами – дело вечное»[3]. Рабочий факультет Казанского университета, по словам М.К.Корбута, имел уже целый ряд достижений, «выдвинувших его на одно из первых мест среди всех провинциальных рабочих факультетов»[4]. М.К.Корбут «с чувством отрадного удовлетворения» заключал, что «тихо и незаметно как-то, сделано за эти годы громадное дело, и в сокровищницу общечеловеческой культуры, унаследованной пролетариатом, строительством рабочих факультетов вложен значительный вклад»[5]. По мнению Михаила Ксаверьевича, за пять лет существования рабфака был накоплен достаточно богатый «капитал» учебно-методического характера, который доказывал, что за короткий срок «при плодотворной совместной работе преподавателей и студентов можно достичь довольно-таки весомых результатов»[6].

---

[1] Совет рабфака об учебной работе: Ч.VI // 5 лет рабочего факультета… – С.118-119.
[2] Корбут М.К. Рабочий факультет и высшая школа. – С.14.
[3] Там же. – С.15.
[4] Корбут М.К. От редакции. – С.3.
[5] Корбут М.К. Рабочий факультет и высшая школа. – С.9.
[6] Корбут М.К. От редакции. – С.3-4.

В феврале 1926 г. Корбут, использовав очередной отпуск для занятий научной работой в Москве, выполнил «ряд поручений рабфака» в Отделе рабфаков и Главпрофобре, а 7 февраля провел собрание бывших казанских рабфаковцев и студентов (до 100 человек) в Ленинграде, на котором сделал доклад о состоянии казанских вузов и организовал татарское землячество[1].

В 1926 г. Корбут был избран ректором казанского Института сельского хозяйства и лесоводства, в связи с чем ему пришлось оставить должность заведующего рабфаком. Несмотря на все конфликты, правление университета расставалось с Корбутом с чувством глубокого сожаления. Михаилу Ксаверьевичу было направлено благодарственное письмо, в котором высказывалась надежда на то, что Корбут не ограничится одной лишь учебной работой в университете и будет по-прежнему принимать участие в научной его жизни[2]. По мнению руководства университета, именно благодаря М.К.Корбуту рабфак из безызвестного учреждения превратился в одну из значительнейших ступеней высшей школы. Правление университета определило, что 7-летняя деятельность Корбута на рабочем факультете, в том числе в течение пяти лет на посту заведующего, выдвинула этот факультет на одно из первых мест среди рабфаков Республики[3].

Отзывы коллег о деятельности Корбута на посту заведующего рабфаком были также весьма красноречивы. Так, Берсенев отметил «высокий педагогический такт тов.Корбута» и «умение разобраться и работать по любому вопросу». По мнению Берсенева, «весь аппарат рабфака не был бы настолько работоспособен, если не было бы твердого руководства, которое объединяло все части аппарата»[4]. Векслин (уполномоченный по делам ВУЗов г.Казани)[5], особо указал на то обстоятельство, что «утверждение тов.Корбута ректором сельскохозяйственного института уже само по себе говорит за качество его работоспособности. Тов.Корбут должен был закладывать новое здание науки, он его за-

---

[1] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.88. – Л.74.
[2] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.36л. – Д.14. – Л.11.
[3] Там же.
[4] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.125. – Л.1.
[5] Там же. – Л.1-1об.

кладывал и поставил на твердый путь. Тов.Корбут сумел создать тот педагогический аппарат, который поставил рабфак на одно из первых мест. Студенты рабфака могли смело равняться с другими студентами вузов» [1]. Берзс отметил «высокие заслуги тов.Корбута в области партвоспитательной работы и работы вообще среди партколлектива в нашем вузе» [2], а Троицкий полагал, что «партия не даром поставила тов.Корбута на означенный пост. Он подлинный партиец-ленинец. Он стойко шел по намеченному пути, как истинный большевик. Партия уверена, что тов.Корбут сумеет исполнить свою работу на новом месте так, как он ее исполнил на рабфаке» [3]. Характеристика, данная Корбуту его коллегами, подтверждает в очередной раз ту значительную роль, которую он сыграл в деле организации рабочего факультета Казанского университета.

Подводя итоги, к которым рабфак пришел к 1927 г., сам Михаил Ксаверьевич указывал на то, что рабфаки уже в значительной мере «не то, что было». Он пророчил им стабильное будущее: «…их сейчас уже никто и не собирается ликвидировать – ни сегодня, ни завтра»[4]. По мнению Корбута, в своем развитии рабфаки переросли идею их «временности» и превратились в постоянный тип учебных заведений.

Очевидно, что М.К.Корбут сделал для рабфака очень и очень много. А как рабфак, в свою очередь, повлиял на мировоззрение ученого, было ли это очередной ступенью в его карьерной лестнице или принятым душой и сердцем выбором? Корбут в самом начале своей карьеры – инородное существо в теле университета. Он – чужой для «старой» профессуры и «старого» студенчества в силу своего поведения, убеждений и взглядов. Он – чужой и для «нового» контингента в силу своего происхождения. И Корбут делает осознанный выбор в пользу последних, он ищет и находит в них опору для борьбы с первыми. Корбут идет на открытые конфликты с правлением университета, чем завоевывает себе еще больший авторитет у рабфаковцев. Он очень деятелен, энергичен, ак-

---

[1] НА РТ. – Ф.Р-4882. – Оп.1. – Д.125. – Л.1-1 об.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Корбут М.К. Диалектика в идее рабфаков. – С.11.

тивен. Корбут – честолюбив, и рабфак – это то место, где он в полной мере может проявить все свои таланты. Корбут хорошо понимаем рабфаковцами, они видят в нем своего защитника, истинного выразителя их интересов. И, в итоге, именно здесь, на рабфаке, Корбут становится в полном смысле «своим». В результате университет получает прекрасный рабочий факультет, и само правление горькое сожалеет впоследствии об уходе Корбута с поста заведующего.

Рабфак – это, пожалуй, одна из самых ярких страниц в жизни Корбута. Здесь он, можно сказать, реализовался полностью. И речь идет не только о его особой общественной востребованности, но и, что было для Корбута важнее всего, – о доказательстве правоты исповедуемых им идей и реализации их на практике. Другим, соотносимым по значимости, событием в жизни Корбута было, пожалуй, только написание им двухтомника «Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет».

«Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05-1929/30» − основной научный труд М.К.Корбута

В 1929 г. Казанский государственный университет ожидало важное событие − празднование 125-ой годовщины со дня его основания. Согласно сложившейся как российской, так и европейской традиции, в сценарий университетских юбилеев обязательно входило составление «историй» − подготовка юбилейных изданий, которые призваны были осмыслить предназначение и подвести итоги деятельности данного учебного заведения, оценить его вклад в развитие отечественной и мировой культуры и просвещения[1]. «Истории» эти представляли собой некие «университетские саморефлексии», поскольку авторами их выступали обычно сами представители данной университетской корпорации. Это был взгляд на историю университета, брошенный «изнутри».

И Казанский университет не составлял в данном случае исключения. К его 125-летнему юбилею у него тоже были свои «истории» − юбилейные труды,

[1] Об этом см. подробно: Вишленкова Е.А., Сальникова А.А. Юбилейные истории Казанского университета // Отечественная история. – 2004. - №5. – С.133-141.

написанные профессорами Казанского университета Н.Н.Буличем и Н.П.Загоскиным на исходе XIX – в начале XX вв.[1] Каждая из этих «историй» отражала авторское понимание смысла и значения университетской жизни, а также представления о сущности жанра юбилейной литературы. Булич сознательно остановился лишь на истории «детства и юности» Казанского университета, описав первые 19 лет его существования, причем сделал это в форме ярких, занимательных, построенных на обильных цитатах, рассказов. Н.П.Загоскин создал «классическое», фундаментальное, основанное преимущественно на официальных источниках исследование колоссального объема, однако и оно охватило только первые 25 лет университетской жизни. Путь фронтального изучения документов университетского архива и их обстоятельного пересказа, подчас трудного для читательского восприятия, не позволил автору осуществить свой первоначальный замысел по написанию сводной истории университета[2]. Такой историей и должна была стать первая советская история Казанского университета, созданная к его 125-летию. Написать ее было предложено М.К.Корбуту.

Книга писалась в условиях уже иной культурной эпохи и для иных читателей. Перед автором была поставлена большая и сложная задача – реконструировать жизнь университета с момента ее зарождения и до конца 1920-х гг. Причем для написания работы ему был отведен рекордно короткий срок – один год. А трудности, стоявшие на пути создателя книги, были немалые – это и почти полное отсутствие исследований по истории местного края, и слабая изученность истории отечественных университетов, особенно в условиях советской России, и отсутствие специальных работ по истории факультетов и кафедр Казанского университета, студенческой и преподавательской составляющей университетской корпорации. «Никто и никогда, - сетовал М.К.Корбут, - спе-

---

[1] Булич Н.Н. Из первых лет Казанского университета. (1805-1819): Рассказы по архивным документам. - Ч.1-2. - Казань, 1887-1891; Загоскин Н.П. История Императорского Казанского университета за первые 100 лет его существования: 1804-1904: В 4-х тт. - Казань, 1902- 1904.

[2] См.: Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова А. История университета как история памяти корпорации? // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – 2004. - №3. – С.274-275.

циально не занимался изучением истории студенчества Казанского университета на всем ее протяжении»[1]. Проблема усугублялась тем, что и сам исследователь никогда ранее университетской историей не занимался.

Хотя для работы над юбилейным изданием Корбут и был освобожден от чтения лекций в университете, в октябре 1928 г. он обратился в правление с полной отчаяния запиской: «Должен предупредить,- писал он,- что крайне малый промежуток времени, оставшийся до юбилея, и отсутствие какой бы то ни было разработки архивных данных по истории Казанского университета за последние 100 лет не дают мне возможности гарантировать, что «памятка» (таково было рабочее название будущего двухтомника - *авторы)* будет в достаточной степени полна и будет подготовлена к сроку, хотя все мои усилия и знания приложены к тому, чтобы эта «памятка» охватила все наиболее важнейшие моменты в жизни университета и чтобы она вышла из печати в январе 1930 г.»[2] Корбут продолжал вести занятия в Восточно-педагогическим институте и Институте сельского хозяйства и лесоводства − нагрузка была колоссальной. Двоюродная сестра М.К.Корбута Н.А.Магницкая вспоминала, как напряженно и интенсивно работал он над книгой по истории университета: «Поражаюсь до сих пор, как он мог уложиться в данный ему крайне ограниченный срок, и «поднять» такой обширный материал. Днем лекции, а вечер и ночь – его»[3].

При написании работы Корбут привлек все имеющиеся в университетской библиотеке книжные ресурсы. В этом ему помогали тогдашний директор университетской библиотеки Н.С.Васильев и библиотекарь Я.А.Соколов[4]. С целью получения дополнительной информации в процессе работы над книгой Корбут встречался и беседовал не только с сотрудниками КГУ, но и с преподавателями Восточно-педагогического института, Пермского университета, Ка-

---

[1] Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05 – 1929/30. - Т.1. - С.5.
[2] НАРТ. - Ф.1337. - Оп.36. - Д.14. - Л.43.
[3] Ключевская Е. Забытая графическая сюита. – С.86.
[4] Там же.

занского ветеринарного института, бывшими профессорами Московского университета[1].

Художественное оформление книги было поручено художникам П.М.Дульскому (Казань) и П.А.Шиллинговскому (Ленинград). Корбут систематически контролировал их работу, с присущей ему энергией и настойчивостью постоянно вмешивался в нее, требовал доделок и исправлений. «Требования Миши к оформлению книги были, как Дульскому казалось, чрезмерно высоки, − вспоминала Н.А.Магницкая. − Помнится, что он даже хотел чуть ли не бросить эту работу»[2]. Полученный результат превзошел все ожидания. Оформление книги впечатляло классической строгостью и стройностью, соответствующей языку повествования. Текст сопровождали графические заставки и концовки к главам, которые не просто иллюстрировали их содержание, а воспроизводили образцы уникальной архитектуры университетского комплекса. Перед читателем развертывался некий − параллельный текстовому − визуальный ряд, выстраивалось некое «архитектурное кредо» университетской жизни, тот фон, на который накладывалась университетская история. По сути, графика Шиллинговского превратила книгу в единственный на тот период уникальный художественный альбом, посвященный архитектуре казанского университетского городка.

Техническую работу по подготовке рукописи к изданию вела жена Корбута, Рахиль Вольфовна. Как вспоминала Магницкая, «по настоянию Рахили (здоровье Миши и его маленькой дочки Эллочки было неважное) лето все-таки решили провести за городом, в Услоне. Мы их там навестили. Рахиль была разочарована – вся разница состояла в том, что дома он проводил ночи за письменным столом при электричестве, а здесь работал с керосиновой лампой»[3].

Существовал еще ряд моментов, которые затрудняли работу Корбута по созданию истории университета. Из документов следует, что к ним можно от-

---

[1] Корбут М.К. Казанский государственный университет… – Т.I. – С.6.
[2] Ключевск
ая Е. Забытая графическая сюита. – С.86.
[3] Там же.

нести и трудности материального характера, которые испытывала в это время семья Корбутов. В одном из документов Михаил Ксаверьевич просил освободить его на время работы над историей университета от чтения учебных курсов, но сохранить за ним полное доцентское вознаграждение и продолжать числить его в числе доцентов университета[1]. Правление, однако, постановило снять М.К.Корбута с содержания и «ходатайство его полагать отпавшим»[2]. В ответ Корбут направил в правление письмо, в котором в ультимативной форме изложил свои условия по дальнейшей работе над историей университета: «К величайшему моему сожалению, я могу приступить к ярой кропотливой работе лишь при наличии двух предварительных условий: 1. Если правление сможет установить мне полную доцентскую ставку, что позволит мне весь свой рабочий день отдавать почти исключительно этому делу. 2. Если правление предоставит в мое распоряжение одного технического работника, необходимого для производства выписок (или перепечаток) из архивных дел по моим указаниям»[3].

По-видимому, правление было очень заинтересовано в услугах Корбута. Оно пошло на уступки и уже через неделю на очередном заседании постановило: «Оплачивать доценту Корбуту… за специальное поручение по составлению краткой истории университета полную доцентскую ставку, позаимствовав для этого… из средств, ассигнованных Татсовнаркомом на факультет советского права». Правление поручило некой В.В.Лобановой работу «по переписке материалов к труду доцента Корбута» с соответствующим вознаграждением[4].

Следующим эпизодом, вызвавшим конфликт Корбута с правлением, стала его двухнедельная поездка в Москву с целью сбора материалов для будущей книги. Он сообщил правлению, что отказывается ехать в командировку на предложенных ему условиях. Корбут надеялся, что «после отпуска специальных средств на проведение юбилея» университета правление изменит условия

---

[1] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.36 л. – Л.14, 41.
[2] Там же. – Л.42.
[3] Там же. – Л.43.
[4] Там же. – Л.44.

финансирования поездки[1]. Правление оставило вопрос об оплате открытым вплоть до поступления из Наркомпроса РСФСР средств на юбилейные торжества[2]. В целом, однако, можно констатировать, что ни одно обращение Корбута к университетскому руководству не осталось без внимания, и большинство его просьб было удовлетворено[3].

Несмотря на все опасения и сложности, двухтомник по истории университета вышел в срок. Он был столь значителен и значим по содержанию и объему, что современники именовали его не иначе, как «монументальным трудом»[4]. Действительно, впервые в отечественной историографии автор рассказал читателям о существовании университета в условиях нового политического пространства, об условиях жизни университетского сообщества в первое послеоктябрьское десятилетие. Это потребовало не только создания «классовой» концепции университетской истории, но привлечения новых источников и разработки новых методов их анализа и интерпретации.

В отличие от своих «дореволюционных» предшественников, Корбут назначение юбилейной истории видел в том, чтобы «проследить развитие университетского организма как целого, подвергавшегося многоразличным изменениям и ломкам под влиянием классовой борьбы в стране и в университетах, в частности»[5]. Таким образом, политическая установка была определена достаточно четко.

Живо написанная и легко читаемая, книга Корбута с первых до последних страниц была пропитана одной основной идеей – идеей классовой борьбы. Надо отдать должное автору – политический заказ был исполнен талантливо и эмоционально. Текст книги свидетельствует о наличии, казалось бы, принципиально не сочетаемых, но умело совмещенных автором стилевых подходов: ре-

---

[1] НА РТ. – Ф.Р-1337. – Оп.36 л. – Д.14. – Л.47, 49.
[2] Там же. – Л.50.
[3] Там же. – Л.73.
[4] См.: Ахун М. Рецензия на двухтомник Корбута // Красная летопись. - 1931. - №1(40). - С.236-239; Семенов В. (Рец.): Корбут. Казанский университет // Историк-марксист. - 1930. - Т.20. - С.192-194 и др.
[5] Корбут М.К. Казанский государственный университет… - Т.1. - С.6.

волюционно-романтического и строго академического, причем этот «академизм» еще более усиливал и оттенял революционный пафос изложения.

Первый том истории университета состоял из четырех глав и охватывал период с 1804-1805 до начала 1860-х гг. Второй том включал восемь глав, охватывавших период с начала 1860-х до 1929-1930 гг. Такое деление соответствовало утвердившейся к тому времени периодизации российской истории (1861 г. как разделительная дата). Внутренняя периодизация сочетала организационные и политические принципы деления (первая половина XIX в. – по царствованиям, вторая – по времени действия университетских уставов, первая треть XX в.– по революционным событиям и межреволюционным периодам).

В исследовании нашли отражение различные стороны жизни университета: структура управления, система преподавания, содержание учебного процесса, положение отдельных слоев студенчества, общественная жизнь. Но не эти сюжеты были для автора главными. В предисловии Корбут особо указал на то обстоятельство, что он не стремился дать историю факультетов или историю развития науки в Казанском университете. Его интересовали, в первую очередь, те общественно-политические изменения, которые происходили в жизни страны и не могли не отразиться на жизни университета, и та борьба, «которая развертывалась вокруг происходивших… изменений»[1]. Поэтому особое внимание Корбут сосредоточил на истории студенческого движения, особенно в 60-80-е гг. XIX в. и в период революции 1905-1907 гг., а специальный раздел книги посвятил сходке казанских студентов в декабре 1887 г. и участию в ней В.И.Ленина. «Именно студенческое движение, - писал Корбут, - было главнейшим фактором внутри университетов, который толкал университеты (наперекор либералам всех мастей) на путь обслуживания сначала буржуазии, а потом рабочих и трудящихся крестьян»[2]. Корбут считал студенчество не только движущей силой университетской жизни, но, по сути, отождествлял историю сту-

---

[1] Там же.
[2] Там же. – С.7.

денческого движения с историей самого университета, полагая невозможным отделять одно от другого.

Начало «революционного взрыва» среди казанского студенчества, носившего поначалу стихийный характер, Корбут датирует первыми месяцами нового 1861-1862 учебного года. Он связывает его не только с влиянием общей революционной ситуации в стране, но во многом и с деятельностью А.П.Щапова, «разбудившего» казанских студентов. 70-е гг. XIX в. в университетской истории Корбут охарактеризовал как начальный этап формирования организованного студенческого движения в эпоху революционного народничества. Студенческое движение 1880-х гг. началось с борьбы за отмену «правил», которые стеснили студенчество в предшествовавшее десятилетие. Но, как полагал М.К.Корбут, между стихийными выступлениями студенчества 1860-х гг. и студенческим движением 1880-х гг. существовала принципиальная разница. Если ранние студенческие волнения были направлены лишь против некоторых консервативных представителей университета, то теперь студенческое движение было направлено против большинства университетской профессуры. По словам М.К.Корбута, в 1882 г. студенчество «перешагивает через головы либеральной профессуры… и, руководствуясь указаниями революционных партий, начинает свой тяжелый путь борьбы с царизмом»[1].

С конца 1880-х гг. в университет начал проникать марксизм. Корбут заключил, что в начавшуюся революцию 1905-1907 гг. передовая часть казанского студенчества «входила организационно подготовленной»[2], так как «к 1905 г. казанская социал-демократическая организация глубоко пускает корни в среде учащейся молодежи»[3]. Называя студентов «самой отзывчивой частью интеллигенции», Корбут всегда проводил четкую линию между студенчеством «передовым», «социал-демократическим» и студенческой аристократией, контрреволюционная деятельность которой, по мнению Корбута, продолжалась и после Октября 1917 г.

---

[1] Там же. – Т.II. - С.113.
[2] Корбут М.К. Казанский государственный университет… – Т.II. – С.139.
[3] Там же.

Большое место в исследовании Корбут отводил характеристике университетской профессуры. Перед читателем разворачивалась галерея ярких портретов ученых и преподавателей. Оценивалось не только содержание лекций, форма их чтения, но и манера держаться, отношение к студентам, внешний облик, одежда профессоров. Среди впечатляющих характеристик ведущих профессоров университета особое внимание привлекают авторские оценки Н.И.Лобачевского и А.М.Бутлерова. Корбут писал о них так: «Два гиганта научной мысли были органически связаны и с Казанью, с Казанским университетом и сделали Казань и Казанский университет всемирно известными пунктами в научном обществе – Лобачевский и Бутлеров. Оба они, преемственно, были главными действующими лицами среди профессуры университета и не только как первоклассные творцы в области математики и химии, но и как идеологи до конца 60-х гг., то есть всю первую половину жизни Казанского университета»[1].

К сожалению, всю суть сложных взаимоотношений внутри преподавательской части университетской корпорации Корбут политически упрощенно сводил лишь к столкновению «либеральной» и «консервативной» профессуры, боровшейся за влияние в университете. Однако, студенчество и профессура в целом представали со страниц двухтомника Корбута как противодействующие друг другу силы, которым было не по пути. Причем чем дальше, тем это расхождение становилось все более очевидным: «Если протесты студенчества год от года становились сильнее, идя параллельно с развитием рабочего движения,- писал Корбут, - то одновременно протесты буржуазной профессуры год от года становились скромнее, уменьшаясь обратно пропорционально росту рабочего и студенческого движения»[2]. Кровавые события революции 1905 г. еще больше напугали большинство либеральных профессоров, которые отказались примкнуть к студенческой забастовке: профессуру от этого шага удерживала «присущая всякому либерализму половинчатость»[3]. Даже прозвучавшее в тот период требование профессорского Совета о необходимости демократизации универ-

[1] Там же. - Т.I. – С.28.
[2] Там же. – Т.II. – С.139.
[3] Там же. – С.212.

ситетской жизни[1] Корбут предлагал рассматривать исключительно в связи с «ролью буржуазии в целом в революции 1905 г.»[2]

Во время февральской революции 1917 г. Совет университета всячески пытался, по мнению Корбута, оградить университет от влияния революции, но все эти «потуги» пошли «насмарку»[3]. Октябрь 1917 г. положил начало новому периоду в жизни университета − периоду коренной ломки старых традиций и перестройки всей университетской жизни на новый советский лад.

Истории университета в советский период Корбут уделил, казалось бы, совсем немного места – одну главу. Однако эта – последняя, завершающая глава – несла на себе огромную смысловую нагрузку. В ней необходимо было показать успешность процесса перестройки университетского организма, утрату им прежних «имперских» черт и обретение к концу 1920-х гг. подлинной «советскости». «Если среди профессуры с новой силой вспыхнули антисоветские настроения, − отмечал исследователь, − то уже значительно изменившийся состав студенчества (демократизировавшийся, но еще не опролетарившийся, кроме рабфака), все более и более втягиваясь в интересы советской власти, все более и более проникаясь ненавистью к старому буржуазному миру и буржуазной высшей школе и стремлением в наиболее короткий срок приступить к строительству социализма, − начинает становиться в своем большинстве на сторону советской политики в высшей школе»[4].

Корбут не грешил против истины. В какой-то степени так и было. Только движение от «старого» к «новому» не было столь прямолинейным и триумфальным, как хотелось бы это видеть большевистским строителям советской высшей школы. Ни на йоту не отступая от созданной им идеологической схемы, Корбут, вместе с тем, показал противоречивость и болезненность этого процесса. На страницах последней главы во всем своем масштабе была прослежена та острейшая борьба, которую вела казанская университетская корпора-

---

[1] Там же. – С.222.
[2] Там же. – С.215.
[3] Там же. – С.294.
[4] Там же. – С.294.

ция за свое существование и выживание в первые годы советской власти, борьба, непосредственным свидетелем и участником которой являлся и сам автор книги.

«История», созданная Корбутом, являет собой сложное сочетание тенденций, получивших развитие в советской историографии, и традиций «дореволюционной» исторической школы. В работе постоянно присутствовало обращение к трудам предшественников. Иначе и быть не могло. Навыки творческого письма, полученные Корбутом в стенах одного из старейших российских вузов, обязывали автора к соблюдению определенных принципов научной этики. Более того, в процессе четко выдержанного и максимально «политкорректного» повествования, М.К.Корбут, случалось, и проговаривался. В этих оговорках, не вписывающихся в установившееся уже на тот момент представление о роли и месте науки в советском государстве, чувствовались отголоски былой дореволюционной ностальгии по свободе научного, творческого самовыражения. Да, Корбут вполне мог безапелляционно заявить о том, что Казанский университет «…явился лишь одним из составных винтиков грандиозной машины по угнетению народов Волжско-Камского края»[1]. Но в то же время он не раз выступал за единство науки, за стирание искусственных границ между учеными не только разных поколений, но и разных стран. Так, автор прямо констатировал, что «…организовать надлежащую подготовку своих питомцев помогло университету то обстоятельство, что в первые годы его существования устанавливаются тесные связи между ним и западноевропейскими центрами. Это в чрезвычайно большой степени содействовало развитию университетской научной мысли… Связи с западным ученым миром и объясняют ряд выдающихся открытий Казанского университета…»[2].

Корбут писал политически ангажированный текст, доказывал читателю (и, в том числе, новым руководителям и функционерам), что университет лоялен к советской власти, что у него богатые революционные традиции, что он –

---

[1] Там же. – Т.I.. - С.13.

[2] Корбут М.К. Казанский университет за 125 лет: Речь, произнесенная на юбилейном заседании 16 мая 1930 г. – Казань, 1930. – С.781.

колыбель вождя международного пролетариата. И, следовательно, университет должен быть сохранен. Повествование о жизни университета за 125 лет он завершал на оптимистической ноте. Он отмечал, что если 125 лет назад университет располагался в одном помещении с гимназией, «то ныне он занимает в центре города 12 домов, в которых непрерывно кипит научно-исследовательская и преподавательская работа»[1]. «Наука и университет являются ныне достоянием широчайших масс рабочих и трудящихся крестьян, − писал он далее, − которые искренне и с увлечением работая, отдают все свои силы на дело социалистической реконструкции нашей страны»[2]. В советское время, по свидетельству Корбута, в корне изменились формы, методы, вся постановка и организация научно-учебного дела: «Из учреждения, созданного царским правительством на потребу узких кругов дворянства, университет превратился в условиях советского государства в учреждение, обслуживающее громадные массы рабочих и крестьян. Из университета, предназначенного быть одним из помощников царской власти для насильственного обрусения Волжско-Камского края, университет стал учреждением, способствующим политическому и культурному росту трудящихся народов Волжско-Камского края и, в первую очередь, татар»[3].

Кстати, в унисон Корбуту эту мысль проводили все авторы мемуаров, опубликованных к 125-летию КГУ[4]. Надо было спасать alma mater от разрушения, ей грозящего. Ведь именно в конце 1920-х гг. советская власть в рамках концепции «политехнизации» высшей школы фактически поставила Казанский университет на грань его полного исчезновения. Из состава университета был выделен на правах самостоятельных ряд высших учебных заведений, а сам

---

[1] Корбут М.К. Казанский государственный университет… – Т.II. – С.319.
[2] Там же. – С.326-328.
[3] Там же. – С.326.
[4] Разумовский В.И. Медицинское образование и жизнь студентов 70-х гг. в Казани// Вестник хирургии и пограничных областей. - Л., 1929. - Т.XVIII. - Кн.54. - С.3-21. См. также воспоминания, опубликованные в «Казанском медицинском журнале» (1930, № 5-6) и «Ученых записах Казанского университета» (1930. Т.90, Кн.5).

университет – и по контингенту, и по структурному составу − сократился до минимума[1].

Отметим, что в выражении своих воззрений, симпатий и антипатий Корбут, видимо, чувствовал себя гораздо свободнее, нежели чем другие историки, преподававшие в Казанском университете − учителя и коллеги Корбута: он не был уличен в открытой поддержке белого движения, как, например, профессор русской истории Н.Н.Фирсов; он не сотрудничал с комучевским Ведомством народного просвещения, как профессор М.М.Хвостов, и не уходил из Казани вместе с другими профессорами и преподавателями вслед за «белой армией» в 1918 г. Он не участвовал в знаменитой «профессорской забастовке» 1922 г., как, например, И.А.Стратонов. Его биография была относительно чиста. Более того, Корбут всегда подчеркивал свою приверженность советской власти. Он представлял собой – не просто в возрастном, но и в мировоззренческом, и в поведенческом смысле − новое поколение университетских преподавателей. Потому естественным было поручить написание юбилейной истории именно ему, а высказываемые им оценки, вероятно, были действительно искренни.

Труды Корбута по университетской истории были полны противоречий, но сам автор, конечно же, этих противоречий не видел. Так, подвергая дореволюционный университет критике за его слишком тесную соподчиненность целям и задачам самодержавного государства, будущее советского университета Корбут усматривал ни в чем ином, как в «обслуживании интересов» государства советского[2]. Главную задачу казанских ученых и самого университета он видел в максимальном содействии всем мероприятиям советского правительства: это и энергичное вмешательство в реконструкцию сельского хозяйства и промышленности, создание кадров национального пролетариата, эмансипация

---

[1] Об этом см. подробно: Вишленкова Е.А., Малышева, С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis. – С.137-139.

[2] Корбут М.К. Казанский университет за 125 лет: Речь, произнесенная на юбилейном заседании 16 мая 1930 г. – Казань, 1930. – С.790.

женщин-националок, развитие национальных культур, а также борьба с великодержавным шовинизмом и с местным национализмом[1].

И, вместе с тем, Корбут писал «историю», руководствуясь не только своими политическими убеждениями и эмоциями, но основываясь на реальных документах, он не искажал их смысл, не фальсифицировал открыто их данные. Будучи питомцем «старой» исторической школы, он был воспитан в духе строгого и почтительного отношения к историческому источнику: документы цитировались корректно, указанные в скобках в тексте даты и номера протоколов заседаний университетского Совета строго совпадали с первоисточником. Этого нельзя, к сожалению, сказать о приводимых статистических выкладках, в частности, о количественных данных, отражающих социально-классовый состав университетской корпорации в первые годы советской власти. Думается, однако, что это была не вина автора, а результат соответствующей организации ведения делопроизводства и разработки критериев и параметров учетных документов в Казанском университете (да и в целом по стране) в ранний советский период[2].

Основу исследования составили преимущественно материалы делопроизводственного характера, отложившиеся в фондах университета и попечителя Казанского учебного округа, а также ряд неопубликованных воспоминаний и дневников. Корбут не стал перечитывать документы за первые двадцать пять лет университетской истории, полагая, что их достаточно обработали Булич и Загоскин. И без того ему предстояла колоссальная работа. В отличие от Загоскина он не пошел по пути фронтального изучения архива, а выбирал из однотипных документов лишь, по его мнению, принципиально значимые.

Исследователь выстроил иерархию источников по их информативной ценности для решения поставленной им задачи. На вершине источниковой пирамиды оказались протоколы университетского Совета. Они, как уверял Кор-

---

[1] Корбут М.К. Роль науки в социалистическом строительстве и научно-исследовательская работа в Татарии за 10 лет // Труд и хозяйство. – 1930. – № 6-7. – С.6.

[2] Об организации делопроизводства в Казанском университете в первые годы советской власти см.: Амалиева Г.Г. Личные дела студентов Казанского университета (1917 - 1925 гг.) как исторический источник: Дисс….канд. ист наук. – Казань, 2006.

бут, «были проработаны почти все, страница за страницей, сотни тысяч листов дел»[1]. Действительно, протоколы Совета по существу создали канву повествования. Методика работы Корбута с источниками была характерна для отечественной исторической науки конца 1920-х гг.: пиетет по отношению к письменному тексту (перегруженность архивными документами, большие цитаты, часто приводимые без каких-либо комментариев), тенденциозный подбор выдержек из документов, цитирование в отрыве от контекста.

Вдохнуть жизнь в архивные материалы Корбуту в значительной степени помог практически не публиковавшийся ранее (были опубликованы лишь некоторые главы) дневник бывшего попечителя Казанского учебного округа П.Д.Шестакова[2]. Этот дневник был передан Корбуту сыном Петра Дмитриевича, профессором Казанского университета, историком Сергеем Петровичем Шестаковым, который помогал Корбуту в его прочтении и расшифровке. Дневник Шестакова явился богатейшим источником для изучения истории университета 1860-70-х − начала 1880-х гг. XIX в., в особенности для характеристики положения дел внутри университетской корпорации и студенческих волнений 1880-х гг.

Ко второму тому «истории» Корбута был приложен обширный библиографический указатель литературы, посвященной Казанскому университету[3]. Корбут не без основания полагал, что составленный им библиографический указатель может стать фундаментом для создания общеуниверситетской библиографии.

Созданная Корбутом юбилейная «История» была оценена, да и сегодня может быть оценена достаточно высоко. Это было фундаментальное исследование, впервые отразившее историю Казанского университета с первого дня его существования и во многом сформулировавшее новые, советские представления о сущности и назначении университета. Университетские люди устами Корбута сами подсказали советской власти, что они собой представляют, что

---

[1] Корбут М.К. Казанский государственный университет… - Т.1. - С.5.
[2] Там же. – С.6.
[3] Там же. – Т. II. – С.365-382.

есть такое и чем может стать для нее настоящий советский университет по сравнению «со всякими там Гейдельбергами»[1]. А власть, вероятно, осознав это, сохранила жизнь университетской корпорации.

На торжественном объединенном заседании ученых обществ университета 17 мая 1930 г. председатель Общества археологии, истории и этнографии профессор Н.Н.Фирсов выступил с речью, посвященной юбилею Казанского университета. Он подчеркнул, что юбилей научного учебного заведения, тем более 125-летний юбилей, невольно вызывает потребность подвести итоги и подробно познакомиться с историей юбиляра. «Для удовлетворения этой потребности, - заявил Фирсов, - составлена и напечатана обстоятельная история Казанского университета…, а интересная работа нашего уважаемого молодого сочлена М.К.Корбута освобождает от многого, что следовало бы сказать, не будь к настоящему сроку готова означенная история»[2]. По мнению тогдашнего ректора КГУ Г.Б.Богаутдинова, достоинство труда М.К.Корбута заключалось, прежде всего, в том, что он «извлек из архивной пыли важнейшие эпизоды студенческого революционного движения 1860-х, 80-х и 900-х гг. и университетской жизни вообще. Эти эпизоды разработаны М.К.Кобутом не в деталях, – да он и не преследовал такой цели, ограниченный и временем, и размером работы, – но они так захватывающе интересны и вместе многозначительны, что, безусловно, будут предметом дальнейших, более углубленных исторических изысканий»[3].

Но бурные восторги современников по поводу труда Корбута вскоре сменились молчанием, а затем − и резкой критикой в его адрес. Политические преследования автора не могли не сказаться и на судьбе его «главной» книги. Историк С.А.Пионтковский писал в то время в своем дневнике, что волны идеоло-

---

[1] Корбут М.К. Рабочие факультеты и высшая школа // 5 лет рабочего факультета. – Казань, 1924. – С.12.

[2] Корбут М.К. Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет: Речь, произнесенная на юбилейном заседании 16 мая 1930 г. // Ученые записки Казанского университета. – Кн.5. – Казань, 1930. – С.809.

[3] Богаутдинов Г.Б. Итоги 125-летнего юбилея и задачи Казанского государственного им.В.И.Ульянова-Ленина университета // Ученые записки Казанского государственного университета. – Казань, 1930. – Кн.5. – С.767.

гических проработок, захлестнувших страну, не оставили в стороне и Казань: «В Казани стали прорабатывать Корбута за покрывательство, за его книгу по истории Казанского университета. За эту книгу он получил премию. В прошлом году чествовали его на юбилее Казанского университета. О ней был ряд хвалебных отзывов…, а сейчас ее начинают прорабатывать как оппортуническое произведение»[1].

О двухтомнике Корбута надолго забыли. В юбилейной «истории» 1954 г.[2] эта работа не упоминается вообще, а сам Корбут – лишь однажды как типичный представитель «враждебных элементов», пробравшихся к преподаванию в университете и пытавшихся протаскивать чуждые марксизму концепции и идеи[3]. Впрочем, это было вполне объяснимо, поскольку к моменту написания книги Корбут еще не был реабилитирован. Имя Корбута появляется лишь на страницах очередной университетской юбилейной «истории» − в 1979 г. − в связи с его работой на рабфаке и изданием двухтомника, но сделано это было вскользь, без каких-либо рассуждений и оценок[4]. И только в начале 1990-х гг. и сам Корбут, и его главный труд были реабилитированы и возвращены в отечественную историографию[5].

С полной уверенностью можно сказать, что двухтомник «Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет» занимает ведущее место в научном творчестве М.К.Корбута. Эта книга была существенным вкладом в отечественную историографию истории высшей школы в России. В то же время она является замечательным источником по изучению процесса становления и развития самой советской историографии на начальном этапе ее пути – процесса сложного, неоднозначного, но − в этой своей неоднозначности – любопытного и в чем-то назидательного. Она заставляет задуматься над мно-

---

[1] Пионтковский С. Черточки жизни. Подготовка к публикации А.Литвина // Татарстан. – 1993. – № 2. – С.53.
[2] История Казанского государственного университета им.В.И.Ульянова-Ленина: (Материалы к обсуждению) / Под ред. Д.Я.Мартынова. – Казань, 1954.
[3] Там же. – С.211.
[4] История Казанского университета. – Казань, 1979. – С.104-106, 114.
[5] Литвин А.А. Корбут Михаил Ксаверьевич (1899-1937) // Возвращенные имена. – Казань, 1990. – С.111-115.

гими проблемами − не только исследовательскими, но и политическими, и нравственными, решение которых еще не найдено и которое только предстоит найти.

Несколько слов в заключение…

Жизнь и судьба М.К.Корбута − это, казалось бы, обычная судьба, обычная трагедия российского ученого первой трети XX в. Но Корбут не был «обычным» – он был первым, он был лучшим, хотевшим больше других, делавшим больше всех. Он был талантливым и честолюбивым, гордым и одновременно компромиссным, в чем-то принципиальным, но и прогибавшимся под давлением времени и обстоятельств. Он мог быть добрым, сострадательным и дружелюбным, а мог – скандальным и необоснованно раздражительным. Он был – живым, этот человек, сотканный из противоречий, человек – проблема, человек-вопрос. Он сам написал сценарий своей судьбы, сам разыграл его, исполнив ту роль, которую и хотел сыграть, вот только финал у пьесы получился непредсказуемым. Он ушел от нас вместе с тем строем, при котором прошла большая половина его жизни, вместе со страной, в которую он, вероятно, верил и которую наверняка любил. Мы не в силах ответить сегодня на все вопросы, которые он перед нами поставил, но мы можем воссоздать его судьбу – одну из тех многих судеб, из которых складывалась советская история.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ)

Ф.87. Первая Казанская мужская гимназия. - Оп.1. - Д.10073.

Ф.977. Казанский университет. - Оп. Совет. - Д.5173; Оп. Истфилфак. - Д.2484, 2493, 2532, 2603, 2551.

Ф.Р-7. Архивный отдел при Совете Министров ТАССР. - Оп.1. - Д.13.

Ф.Р-1337. Казанский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина. - Оп.1. - Д.59; Оп.2. - Д.1, 4; Оп.27. - Д.2а, 4, 11, 12, 15, 19; Оп.36 л. - Д.14; Оп.37л. - Д.1, 4, 5, 18, 48, 52, 81.

Ф.Р-1487. Казанский государственный педагогический институт. - Оп.1. - Д.24, 75, 112, 148.

Ф.Р-4882. Рабочий факультет Казанского государственного университета им.В.И.Ульянова-Ленина. - Оп.1. - Д.7, 19, 30, 35, 42, 49, 53, 54, 80, 88, 89а, 125, 153.

Фонд фотодокументов. - Оп.4. - №2994.

Центральный государственный архив историко-политической документации Республики Татарстан (ЦГА ИПД РТ)

Ф.15. Татарский республиканский комитет КПСС, г.Казань. - Оп.1. - Д.289, 315; Оп.2. - Д.491; Оп.35л. - Д.245, 723, 921.

Ф.30. Партийный архив Татарского рескома КПСС, г.Казань. - Оп.3. - Д.1579, 1598; Оп.12. - Д.901.

Ф.36. Отдел истории партии Татарского ОБКОМа ВКП(б) (Истпарт), г.Казань. - Оп.1. - Д.61, 72; Оп.2. - Д.17.

Ф.292. Партийная коллегия при уполномоченном КПК при ЦК ВКП(б) по ТАССР, г.Казань. - Оп.5640. - Д.264.

Ф.8233. Архивно-следственные и фильтрационно-проверочные дела. - Оп.2. - Д.2-12071, 2-8087.

Ф.8238. Документы партийных и советских работников Республики Татарстан. - Оп.1. - Д.1-7126, 1-8127.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н.И.Лобачевского Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова-Ленина.

Ф.22. Личные дела студентов и аспирантов за 1917-1925 гг. – Ед.хр.6952. Парфентьев Н.Н. Краткая историческая записка о Казанском университете (машинописный вариант рукописи). – 1939.

Ф.25. Личные дела сотрудников Научной библиотеки Казанского государственного университета 1930-1951 гг. – Ед.хр. 423. Личное дело Эйдельсон Рахили Вольфовны.

Ед.хр.4016. Послужной список профессоров, преподавателей и чиновников Казанского университета 1919 г.

Ед.хр.6534. Вырезки из газеты «Красная Татария», относящиеся к истории Казанского университета.

Ед.хр.6580. Благодарственная грамота Н.Н.Парфентьеву за деятельность по организации рабфака Казанского университета. 1934 г.

Ед.хр.9424. Корбут М.К. Рукопись (групповая фотография).

Опись личных дел студентов и аспирантов за 1917-1925 гг. - Т.II. - От К до Я.

Рукописный журнал рабфака КГУ «Красный студент». 1922 г. Ед.хр.7700; 1923 г. Ед.хр.4314.

Музей истории Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова-Ленина

Зачетная книжка студента 2 курса факультета общественных наук Казанского университета Корбута Михаила Ксаверьевича. 1921 г.

Письмо Корбута М.К. декану факультета общественных наук с прошением о выдаче ему свидетельства об окончании университета. 1922 г.

Письмо Корбута М.К. к секретарю обкома ВКП(б) тов.Хатаевичу М.М.. 1927 г. Ксерокопия.

Письмо секретаря обкома ВКП(б) ТАССР Хатаевича М.М. в ЦК тов.Шкирятову. 1928 г. Ксерокопия.

Справка начальника подразделения КГБ ТАССР Давыдова Н.Г. на Корбута М.К.. 1928 г. Ксерокопия.

Архив Е.С.Масловой

Материалы беседы с дочерью двоюродной сестры М.К.Корбута Е.П.Ключевской 15 сентября 2003 г.

Опубликованные источники

Абакумов С. На новом пути // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, – 1924. – С.111-115.

Андреев К.П. Рабфак в первые годы // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.107-110.

Андреевский И.Д. Из практики преподавателя-обществоведа на рабфаке: (О методах учебной работы в 1924-1927 гг.) // На путях к высшей школе: 8 лет работы рабфака КГУ. 1919-1927. – Казань, 1927. – С.51-67.

Ахмеров Б.С. По рабфаковской закалке // Из истории рабфака Казанского университета. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – С.95-96.

Ахун М. Рецензия на двухтомник Корбута // Красная летопись. – 1931. – № 1 (40). – С.236-239.

Богаутдинов Г.Б. Итоги 125-летнего юбилея и задачи Казанского государственного им. В.И.Ульянова-Ленина университета // Ученые записки Казанского государственного университета. – Казань. – 1930. – Кн.5. – С.767.

Бочков А. Три года Советской власти в Казани: (Хроника событий). 1917 – 25 октября – 1920 гг. / Под ред. М.К.Корбута. – Казань, 1921. – 63 с.

Векслин Н.-Б.З. Строительство рабочего факультета Казанского государственного университета // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.19-31.

Виноградов В.П. Достаточна ли подготовка на рабочем факультете к прохождению курса во ВТУзах // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.32-35.

Восточный Педагогический Институт в Казани. Научно-педагогический сборник. – Казань, 1927. – № II. – 44 с.

Гран М. [Рец.]: Корбут М.К. Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05-1929/30. Казань, 1930. Т.I, II // Гигиена и эпидемиология. – 1931. – № 12. – С.92-93.

Диковицкий А. Моменты прошлой борьбы // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.102-106.

Диковицкий А. Пять лет прошло // Голос пролетарского студенчества. – 1924. – № 1-2. – С.16-18.

Дитякин В. Опыт 7-летней работы // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.18.

Из истории рабфака Казанского университета. – Казань, 1976. – 117 с.

Казанский государственный университет в 1925-1926 учебном году. – Казань, 1926. – 48 с.

Казанский государственный университет в 1926-1927 учебном году. – Казань, 1927. – 39 с.

Казанский государственный университет в 1927-1928 учебном году. – Казань, 1928. – 42 с.

Ключевская Е. Забытая графическая сюита // Татарстан. – 1996. – № 9. – С.79-87.

Козлова С. Обществоведение на рабфаке // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.53-54.

Козлова С. Пройденный путь // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.68-84.

Кривцов С.С. Место истории в программах общественно-экономических вузов // Историк-марксист. – 1926. – Т.2. – С.228-230.

Лаврский К.В. Из воспоминаний // Ученые записки Казанского университета. – LXXXX (1930). – Кн.5. – С.878-894.

Линсцер Г.Ф. О программах по литературе и о докладном способе преподавания // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.55-67.

Луначарский А.В. К десятилетнему юбилею рабфаков // 10 лет строительства рабфаков. – М.; Л., 1929. – С.23-26.

Луначарский А.В. Речь студентам рабочего факультета 2-го октября 1924 г. в Казани // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.7-8.

Морозова С.В. Из истории рабочего факультета Казанского государственного университета (1919-1937 гг.) // Из истории рабфака Казанского университета. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – С.5-21.

Музуров Н. Химия на рабфаке за 5 лет // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.36-42.

Мухин Г. Учебно-показательный совхоз на рабфаке // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.95-101.

Нечкина М.В. (Михаил Эрт). Конец зимнего семестра на Казанском рабфаке // Знамя рабфаковца. – 1924. – № 1-2. – С.161-164.

Николаев В. Мысли о первых годах жизни Казанского рабфака // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.116-117.

Обозрение преподавания в императорском Казанском университете в 1917-1918 учебном году. – Б.м., б.г.

Огородников В.И. Программа по истории России в XVIII и XIX вв.: (Общий курс русской истории). – Казань, 1919. – Ч.III. – 56 с.

Отделение нацмен при рабфаке Казанского государственного университета // Голос пролетарского студенчества. – 1924, май. – № 2. – С.73-76.

Отчет Общества археологии, истории и этнографии с 31 марта 1924 г. по 1 апреля 1927 года // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – 1927. – Т.XXXIII. – Вып.4. – С.105-112.

Парфентьев Н.Н. Ко дню 8-й годовщины Рабочего Факультета при Казанском Университете // На путях к высшей школе: Восемь лет работы. 1919-1927. – Казань, 1927. – С.140-152.

Парфентьев Н.Н. Ко дню вступления рабочего факультета Каз. им. В.И.Ленина университета в его шестую годовщину // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.16-17.

Пионтковский С. Черточки жизни. Подготовка к публикации А.Литвина // Татарстан. – 1993. – № 3. – С.50-53.

Пономарев В. Выставки на Казанском рабфаке // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.85-94.

Пономарев В.И. К истории Казанского рабфака // На путях к высшей школе: Сб. № 2. 10 лет работы. 1919-1929. – Казань, 1930. – С.192-211.

Рогожкин К. Воспоминания // Красный студент. – 1922. – № 2. – С.9 об.-10.

Семенов В. [Рец.]: Казанский государственный университет имени В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05-1929/30. Казань, 1930. Т.I, II // Историк-марксист. – 1930. – Т.20. – С.192-194.

Смирницкий Б.Н. Физика на рабфаке КГУ // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.43-52.

Соболев С.Н. Несколько слов о работе казанского рабфака в первые годы его существования. (19-23 гг.) // На путях к высшей школе. Сб.2. 10 лет работы. 1919-1929. – Казань, 1929. – С.218-221.

Совет рабфака об учебной работе: Ч.VI // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.118-119.

Тагиров Р.Ш. Как мы выполняли ленинский наказ // Из истории рабфака Казанского университета. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – С.86-92.

Фазлуллин Г.В. Первые шаги // Из истории рабфака Казанского университета. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – С.69-70.

Фирсов Н.Н. Революционная роль студенчества в старом Казанском университете // Ученые записки Казанского университета. – LXXXX (1930). – Кн.5. – С.813-830.

Труды М.К.Корбута

Корбут М.К. Значение культуры в переживаемый период // Коммунистический путь. – 1921. – № 5-6. – С.27-28.

Корбут М.К. Производственные силы и их роль в обществе // К знанию. – 1921. – Кн.1. – С.17-23.

Корбут М.К. В.И.Ульянов в Казанском университете // Новое дело. – 1922. – № 1. – С.5-9.

Корбут М.К. Высшая школа и комстуденчество // Коммунистический путь. – 1922. – № 8 (15). – С.15-18.

Корбут М.К. Жизнь рабочего факультета Казанского государственного университета / С. Абакумов, М.Корбут // Новое Дело. – 1922. – № 2. – С.76-82.

Корбут М.К. На пути к мировой коммунистической революции // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.62-64.

Корбут М.К. Наше студенчество // Новое дело. – 1922. – Вып.II. – С.140-144.

М.К. (Корбут М.К.) Предстоящий выпуск 1922 года // Новое дело. –1922. – № 2. – С.82.

Корбут М.К. Рабочий факультет Казанского государственного университета // Вестник Просвещения. – 1922. – № 1-2. – С.73-80.

Корбут М.К. Рабочий факультет Казанского государственного университета // Новое Дело. – 1922. – Вып.1. – С.109-117.

Корбут М.К. Социалисты-революционеры перед судом истории // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.68-69.

Корбут М.К. Царизм по мемуарам гр.Витте // Коммунистический путь. – 1922. – № 13(20). – С.97-99.

Корбут М.К. Церковные дела и наши задачи (обзор печати) // Коммунистический путь. – 1922. – № 10. – С.26-28.

Корбут М.К. Этапы развития коммунистической революции в России // Новое дело. – 1922. – Вып.1. – С.33-139.

Корбут М.К. Этапы развития коммунистической революции в России // Вестник просвещения. – 1922. – № 1-2. – С.119-125.

Корбут М.К. Казанский рабочий факультет // Вестник просвещения. – 1923. – № 1-2. – С.54-56.

Корбут М.К. Метод диалектического материализма в работах Н.Ленина (В.Ульянова) по вопросам права и государства // Коммунистический путь. – 1923. – № 4/5 (24-25). – С.25-56.

Корбут М.К. О коммунистической этике // Коммунистический путь. – 1923. – № 1(21). – С.47-50.

Корбут М.К. Работа комстуденчества // Коммунистический путь. – 1923. – № 1(21). – С.79-80.

Корбут М.К. Рупор революции // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.30-35.

Корбут М.К. Тема дня // Красный студент. – 1923. – № 1. – С.6.

Корбут М.К. В.И.Ульянов-Ленин в Казани // Голос пролетарского студенчества. – 1924. – № 1-2. – С.5-15.

Корбут М.К. Об организации учетной кампании на Рабфаках // Голос пролетарского студенчества. – 1924. – № 2. – С.21-25.

Корбут М.К. От редакции // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.3-4.

Корбут М.К. Первое мая и студенчество // Голос пролетарского студенчества. – 1924. – № 2. – С.3-5.

Корбут М.К. Рабочий факультет и высшая школа // 5 лет рабочего факультета Казанского государственного университета имени В.И.Ульянова (Ленина). – Казань: Красный Печатник, 1924. – С.9-15.

Корбут М.К. Тактика В.И.Ленина в эпоху демократической революции. 1905 год // Спутник коммуниста. – 1924. – № 26. – С.186-209.

Корбут М.К. Тактика Ленина в годы революции и реакции // Спутник коммуниста. – М., 1924. – № 26, 28, 29.

Корбут М.К., Астров А.Г. Две тактики в революции: Русский опыт // Спутник коммуниста. – 1924. – № 26. – С.185-211.

Корбут М.К. О политическом воспитании студенчества // Красная молодежь. – 1925. – № 2(6). – С.79-84.

Корбут М.К. Рабочее законодательство довоенной России // Вопросы труда. – 1925. – Кн.4. – С.12-17.

Корбут М.К. Рабочее законодательство третьей Государственной Думы // Ученые записки Казанского университета. – 1925. – Т.856. – Кн.2. – С.327-347.

Корбут М.К. Шесть лет на посту // Красная Татария. – 1925. – № 247.

Корбут М.К. Отчет о двухмесячной командировке в Ленинград // Научно-педагогический сборник Восточно-педагогического института. – 1926. – № 1. – С.124-128.

Корбут М.К. Проект первой татарской газеты в Казани 1834 года // Вестник научного общества Татароведения. – 1926. – № 5. – С.106-119.

Корбут М.К. Революционное движение в России перед войной в оценке Департамента полиции 1911-1913 гг. // Ученые записки Казанского университета. – LXXXLI (1926). – Т.86. – Кн.2. – С.340-366.

Корбут М.К. Седьмой выпуск // Рабочий факультет Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина: 7-й выпуск. – Казань, 1926. – С.5-19.

Корбут М.К. Татаро-Башкирские рабочие во Франции // Новый Восток. – 1926. – № 3-4. – С.17-24.

Корбут М.К. Указатель изданий рабфака, статей и заметок о нем (1919-1926 гг.) // Рабочий факультет Казанского государственного университета им. В.И.Ульянова-Ленина: 7-й выпуск. – Казань, 1926. – С.20-25.

Корбут М.К. Учет Департаментом полиции опыта 1905 г. // Красный архив. – 1926. – Т.5(18). – С.219-221.

Корбут М.К. Академика и общественность // Красное студенчество. – 1927. – № 11. – С.32-35.

Корбут М.К. Диалектика в идее рабфаков // На путях к высшей школе: Восемь лет работы. 1919-1927. – Казань, 1927. – С.6-11.

Корбут М.К. Казанские рабочие перед Октябрем // Красная Татария. – 1927. – 18, 21, 28 августа.

Корбут М.К. Как создавались царские страховые законы (к 15-летию страховых законов 23 июня 1912 г.) // Советское право. – 1927. – № 3(27). – С.48-67.

Корбут М.К. Отголоски в России Европейской забастовки углекопов 1912 г. // Научно-педагогический сборник Восточно-педагогического института. – 1927. – Т.II. – №.3. – С.72-84.

Корбут М.К. Предисловие // Научные работники Казани: Справочник. – Казань: Изд-во секции научных работников, 1927. – С.III-V.

Корбут М.К. Россия накануне войны. – Казань, 1927. – 31 с.

Корбут М.К. Страницы из истории Казанской высшей школы // Красное студенчество. – 1927-1928. – № 4-5. – С.117-124.

Корбут М.К. Студенческие годы Ленина // Красное студенчество. – 1927-1928. – № 9. – С.25-31.

Корбут М.К. А.П.Щапов как родоначальник материалистического понимания русской истории // Ученые записки Казанского университета. – 1928. – Т.88. – Кн.1. – С.15-30.

Корбут М.К. Всечувашский краеведческий съезд // Новый Восток. – 1928. – №.23-24. – С.435-437.

Корбут М.К. Казанские рабочие перед Октябрьской революцией // Ученые записки Казанского университета. – 1928. – Кн.1. – Т.88. – С.112-135.

Корбут М.К. Люди и идеи, влиявшие на Толстого в Казани // Великой памяти Л.Н.Толстого. – Казань, 1928. – С.35-62.

Корбут М.К. От 1905 к 1917 году // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – 1928. – Т.XXXIV. – Вып.1-2. – С.99-112.

Корбут М.К. Предоктябрьское движение в Волжско-Камском крае // Красная Татария. – 1928. – С.7-10.

Корбут М.К. Промышленники, правительство и рабочее законодательство // Сборник истсоцстраха. – Л.; М., 1928. – С.18-21.

Корбут М.К. Рабочее законодательство Временного правительства // Советское право. – 1928. – № 4 (34). – С.65-82.

Корбут М.К. Страница из истории татарского и башкирского пролетариата: (Татарские и башкирские рабочие во Франции) // Новый Восток. – 1928. – № 20-21. – С.417-423.

Корбут М.К. Страховая кампания 1912-1914 гг. // Пролетарская революция. – 1928. – № 2/(73). – С.90-117.

Корбут М.К. Страховая кампания по материалам Департамента полиции // Сборник истсоцстраха. – Л.; М., 1928. – С.25-27.

Корбут М.К. Страховые законопроекты III Государственной Думы // Сборник истсоцстраха. – Л.; М., 1928. – С.11-14.

Корбут М.К. Страховые законы 1912 года и их проведение в Петербурге // Красная летопись. – 1928. – № 1 (25). – С.136-171; № 2 (26). – С.157-175.

Корбут М.К. Царское законодательство о наемном труде в сельском хозяйстве: (К 45-летию первого закона) // Известия правового факультета Азербайджанского гос. ун-та имени В.И.Ленина. – 1928. – Вып.III. – С.28-43.

Корбут М.К. Василий Константинович Магницкий и его труды 1839-1901 гг. - Чебоксары: Изд-во об-ва изуч. Чувашск. края, 1929. – С.5-86.

Корбут М.К. Гвоздевщина в документах // Известия Общества археологии, истории и этнографии. – 1929. – Т.XXXIV. – Вып.3-4. – С.219-270.

М.К. (Корбут М.К.) К 125-летнему юбилею Казанского университета // Известия общества археологии, истории и этнографии. – Т.XXXIV. – Вып.3-4. – Казань, 1929. – С.350.

Корбут М.К. К юбилею Казанского университета // Просвещение и жизнь. – 1929. – № 2. – С.114-117.

Корбут М.К. Марийское национальное движение на переломе: Мелко-буржуазная интеллигенция в период Временного правительства // Марий Илыш: Краеведческий сборник. – Йошкар-Ола, 1929. – Вып.1. – С.9-43.

Корбут М.К. Национальное движение в Волжско-Камском крае: Национальные съезды в период Временного правительства // Революционный Восток. – 1929. – № 7. – С.163-210.

Корбут М.К. Студенческое движение в Казани в восьмидесятые годы и Ленин // Каторга и ссылка. – 1929. – Кн.7(56). – С.7-23.

Корбут М.К. Изучение истории пролетариата Татарстана – очередная задача // Социальное хозяйство Татарстана. – 1930. – № 8-9. – С.85-89.

Корбут М. К. К вопросу об изучении истории пролетариата Татарстана // История пролетариата СССР. – М., 1930. – Сб.3-4. – С.138-156.

Корбут М.К. Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05-1929/30. – Казань, 1930. – Т.I. – 211 с.; Т.II. – 385 с.

Корбут М.К. Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет: Речь, произнесенная на юбилейном заседании 16 мая 1930 г. доцентом М.К.Корбутом // Ученые записки Казанского университета. – 1930. – Т.LXXXX. – Кн.5. – С.779-793.

Корбут М.К. Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет // Ученые записки Казанского университета. – 1930. – Т.LXXXX. – Кн.5. – С.779-812.

Корбут М.К. Казанский университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет // Просвещение и жизнь. – 1930. – № 3-4. – С.7-11.

Корбут М.К. Казанское студенчество в народнический период (1870-80-е годы) // На путях к высшей школе: Сб.2: 10 лет работы. 1919-1929. – Казань, 1930. – С.1-24.

Корбут М.К. Наука в Казанском университете за последнее двадцатипятилетие. – Казань, 1930. – 79 с.

Корбут М.К. Роль науки в социалистическом строительстве и научно-исследовательская работа в Татарии за 10 лет // Труд и хозяйство. – 1930. – № 6-7. – С.53-62.

Корбут М.К. Роль науки в социалистическом строительстве: Речь, произнесенная на открытии Татарского научно-исследовательского экономического института. – Казань: Татполиграф, 1930. – 8 с.

Корбут М.К. Празднование 125-летнего юбилея Казанского государственного университета им.В.И.Ульянова-Ленина / М.К.Корбут, З.Н.Блюмштейн // Ученые записки Казанского университета. – 1930. – Т.LXXXX. – Кн.5. –1930. – С.768-778.

Корбут М.К. Казанское революционное подполье конца 80-х годов и Ленин // Каторга и ссылка. – 1931. – Кн.8-9(81-82). – С.7-27.

Корбут М.К. Работа Г.В.Полетаева в 3-ей Гос.Думе // Красная летопись. – 1931. – № 2(41). – С.166-191.

Корбут М.К. Рабочая политика IV Государственной Думы // Красная летопись. – 1931. – № 5-6(44-45). – С.76-103.

Корбут М.К. Большевики в страховой кампании и борьба с меньшевиками // Красная летопись. – 1932. – № 3 (48). – Ч.1. – С.135-164; № 4 (49). – Ч.2. – С.55-77.

Корбут М.К. К вопросу о демократических иллюзиях: (Исторические справки) // Красная летопись. – 1933. – № 1(52). – С.79-100.

Корбут М.К. Об изучении истории Октябрьской революции в Татарстане: (Обзор литературы, вышедшей на русском языке) // Каторга и ссылка. – 1933. – Кн.4-5(101-102). – С.126-144.

Рецензии, написанные М.К.Корбутом

Корбут М.К. [Рец.] Волгин В.П. Революционный коммунист XVIII в.: (Жан Мелье и его «Завещание»). М., 1919 // Казанский библиофил. – 1921. – № 1. – С.64.

Корбут М.К. [Рец.]: Мысль: Двухнедельник студентов Нижегородского университета. 1921. № 1 // Вестник просвещения. – 1921. – № 4-5. – Стб.149-150.

Корбут М.К. [Рец.]: Рожков Н. Лекции по истории социализма. Пг., 1919 // Казанский библиофил. – 1921. – № 1. – С.64.

Корбут М.К. [Рец.]: Ульянов (Ленин) В.И. Собрание сочинений. Т.IV и XIV. М.: Госиздат, 1920. 335 с.; 1921. 317 с. // Казанский библиофил. – 1921. – № 2. – С.112-114.

Корбут М.К. [Рец.]: Вестник агитации и пропаганды: Двухнедельник ЦК РКП. М., 1922. № 4-5 (28-29) 15 июня и № 6 (30) 1 июля // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.58.

М.К. (Корбут М.К.) [Рец.]: Лунин А. О делах Тихоновских: (Дело о сопротивлении изъятию церковных ценностей в Московском Трибунале). М.: Главполитпросвет Г.И.З., 1922 // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.68.

Корбут М.К. [Рец.]: Наука и религия: Ежемесячник. № 1. Церковное золото голодным. М., 1922 // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.59.

Корбут М.К. [Рец.]: Профессионально-техническое образование в России за 1917-21 гг.: Юбилейный сборник под редакцией О.Г.Аникст. М.: Госиздат, 1922. 100 с. // Казанский библиофил. – 1922. – № 3. – С.67-68.

Корбут М.К. [Рец.]: Флеровский И. М.С.Урицкий. М.: Госиздат, 1922; В.Володарский. М.: Госиздат, 1922 // Казанский библиофил. –1922. – № 3. – С.64.

Корбут М.К. [Рец.]: Белов В. Белое похмелье: Русская эмиграция на распутье. М.-Пг., 1923. 149 с. // Казанский библиофил. – 1923. –№ 4. – С.175-176.

Корбут М.К. [Рец.]: Календарь коммуниста на 1923 г. М.: Московский рабочий, 1923. 478 с. // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.88-89.

Корбут М.К. [Рец.]: Максаков В.И., Немедов Н. Хроника революции: Вып.1. 1917 г. М.: Истпарт, 1923. 143 с. // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.174-175.

Корбут М.К. [Рец.]: Носке. Г. Записки о Германской революции: От восстания в Киде до заговора Каппа. Пер. с нем. Г.Гордона. М.: Гиз, 1922. 177 с. // Коммунистический путь. – 1923. – № 2(22). – С.66.

Корбут М.К. [Рец.]: Окунев Я. Смена вех в церкви. Харьков, 1923. 24 с. // Коммунистический путь. – 1923. – № 3(23). – С.68.

Корбут М.К. [Рец.]: Павлович М. (М.Н.Вельтман). Советская Россия и капиталистическая Америка. М.: Гос. изд., 1922. 102 с. // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.111-112.

Корбут М.К. [Рец.]: Пять лет: Сб. статей и воспоминаний. Харьков: Изд. агит. проп. отдела Харьковского Губкома К.П.(б.)У., 1922. 112 с. // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.174.

Корбут М.К. [Рец.]: Раковский Г. Конец белых: От Днепра до Босфора. (Вырождение, агония и ликвидация). Прага, 1921. 275 с. // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.176-177.

Корбут М.К. [Рец.]: Сандомирский Г. Фашизм. М.: Гиз, 1923. 154 с. // Коммунистический путь. – 1923. – № 2(22). – С.67.

Корбут М.К. [Рец.]: Сухов А.А. Религия в свете современного знания. Одесса: Гиз. Украины, 1922. 168 с. // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.108.

Корбут М.К. [Рец.]: Энгельс Ф. Политическое завещание: (Из неопубликованных писем). М.: Красная новь, 1922 // Коммунистический путь. – 1923. – № 3(23). – С.67-68.

Корбут М.К. [Рец.]: Япония на русском Дальнем Востоке: Кровавая эпопея японской интервенции / Сост. Дальне-Вост. отделом ИККИ. М., 1922. 72 с. // Казанский библиофил. – 1923. – № 4. – С.174.

Корбут М.К. [Рец.]: Рубинштейн Л. В борьбе за ленинскую национальную политику. Истпартотдел Гатобкома ВКП(б). Казань, 1930. 148 с. // История пролетариата СССР. – М., 1930. – Сб.3-4. – С.235-237.

Корбут М.К. [Рец.]: Лившиц С. Казань в годы первой революции (1905-07 гг.). Казань: Изд-во Тат. науч.-исслед. эконом. ин-та и Истпарта, 1930. 154 с. // Красная летопись. – 1931. – № 2(41). – С.245-249.

Корбут М.К. [Рец.]: Литвинов И. Столыпинщина (Библиотечка по истории народов СССР под ред. М.Мебеля, В.Невского, С.Пионтковского. Харьков: Пролетар, 1931. 104 с. // Красная летопись. – 1931. – № 5-6(44-45). – С.285-287.

Корбут М.К. [Рец.]: Петровский Г.И. Речи и статьи периода 4-й Государственной Думы. 1912-1914 гг. Харьков, 1930. 240 с. // Красная летопись. – 1931. – № 5-6(44-45). – С.281-285.

Корбут М.К. [Рец.]: Татарстан в годы первой революции. Казань: Татиздат, 1931. 181 с. // Красная летопись. – 1931. – № 5-6(44-45). – С.290-292.

Корбут М.К. [Рец.]: Колбин И.Н. Борьба за Волгу и Каму в 1918 г. Л.-М.: Молодая гвардия, 1931. 72 с. // Красная летопись. – 1932. – № 4(49). – С.175-178.

Корбут М.К. [Рец.]: Нифонтов А.С. 1848 г. в России. М.-Л.: Соцэкгиз, 1931. 208 с. // Красная летопись. – № 3(48). – 1932. – С.222-228.

Корбут М.К. [Рец.]: Гревс. Американская авантюра в Сибири (1918-1920). М.: Гос. воен. изд-во, 1931. 248 с. // Красная летопись. – 1933. – № 1(52). – С.139-144.

ИЗБРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА О М.К.КОРБУТЕ

Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова.А. История университета как история памяти корпорации? // Ab Imperio: Исследования по новой имперской истории и национализму в постсоветском пространстве. – 2004. - №3. – С.271-310.

Вишленкова Е.А, Сальникова А.А. Юбилейные истории Казанского университета // Отечественная история. – 2004. - №5. – С. 133-141.

Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Terra Universitatis: Два века университетской культуры в Казани. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина, 2005. – 500 с.

Вишленкова Е.А., Малышева С.Ю., Сальникова А.А. Университет как память и как знание // Диалог со временем: Альманах интеллектуальной истории. – 2007. – Вып.18. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – С.С.35-67.

История Казанского университета / под ред. М.Х.Салахова и И.П.Ермолаева. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2004. – 656 с.

Казанский университет (1804-2004): библиографический словарь. Т.2. 1905-2004. А-М. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. – С.597-598.

Литвин А.А. Историк и время // Гасырлар авазы / Эхо веков. – 2004. – № 1/2. – С.106-108.

Литвин А.А. Корбут Михаил Ксаверьевич (1899-1937) // Возвращенные имена. – Казань, 1990. – С.111-115.

Литвин А.А., Сальникова А.А. Судьба «красного» профессора: М.К.Корбут // Мировое политическое и культурное пространство: История и современность: материалы международной научной конференции 23-25 мая 2006 г. – Казань: Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова–Ленина, 2007. – С.101-106.

Литвин А.Л. Создание и деятельность Татарского истпарта (1920-1939) / А.Л.Литвин, А.Г.Циунчук // Историография федосеевских кружков Поволжья. – Казань, 1972. – С.68-83.

Маслова Е.С. (Григорьева Е.С.) «Казанский государственный университет им.В.И.Ульянова-Ленина за 125 лет» М.К.Корбута // Гасырлар авазы (Эхо веков). – Казань, 2003. - № 3/4. – С.199-205.

Маслова Е.С. (Григорьева Е.С.) Страницы жизни и творчества М.К.Корбута // Преподавание истории в вузе: исторический опыт и современность. Материалы межвузовской научно-практической конференции 30 октября 2001 г. – Казань, 2002. – С.47-50.

Маслова Е.С. «Рабфак шаг за шагом продвигался вперед». Рабочий факультет Казанского университета в 1919-1926 гг. // Гасырлар авазы (Эхо веков). – Казань, 2004. - № 2. – С.20-25.

Маслова Е.С. Историк М.К.Корбут (1899-1937 гг.) – Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Казань, 2004. – 200 с.

Маслова Е.С. М.К.Корбут как историк революционного движения в России // История и историки в Казанском университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете: Сборник научных статей и сообщений / Сост и отв. ред. С.И.Ионенко и Г.П.Мягков. Казань: Казанский государственный университет, 2005. – С.202-207.

Маслова Е.С. Корбут Михаил Ксаверьевич // Татарский энциклопедический словарь. Т.III. – Казань: Институт Татарской энциклопедии АН РТ, 2004. – С.404.

Сальникова А.А. Революционные потрясения: 1917-1922 гг. // Очерки истории Казанского университета // Ученые записки Казанского государственного университета. Очерки истории Казанского университета. - Т.144. – Казань: Казанский государственный университет, 2002. – С.149-165.

Сальникова А.А. Становление советской системы исторического образования. 1917 г. – конец 1930-х гг. // Изучение и преподавание отечественной истории в Казанском университете / Под ред.А.Л.Литвина. – Казань, 2003. – С.65-139.

Татарский энциклопедический словарь. – Казань: Ин-т Татарской энциклопедии АН РТ, 1998. – С.209.

Литвин Александр Алтерович

Маслова Елена Сергеевна

Сальникова Алла Аркадьевна

Жизнь и судьба «красного» профессора:

Михаил Ксаверьевич Корбут

(1899-1937)

Редактор
Компьютерная верстка

Подписано в печать
Бумага офсетная. Печать ризографическая.
Формат. Гарнитура. Усл.печ.л.
Уч.-изд. л. Тираж экз. Заказ.

Издательство Казанского государственного университета

420008, г.Казань, ул. Профессора Нужина, 1/37
Тел.132-53-59, 292-65-60